ОАО «КАРБОЛИТ»: ВЕХИ БОЛЬШОГО ПУТИ

Анатолий ВЕТЛОВ,
генеральный директор
ОАО «Карболит».

В 1914 году в звброшенном корпусе шелкоткацкого предприятия орехово-зуевского фабрикантв Брашнина былв изготовленв перввя отечественнвя плвстмассв — синтетический полимер, нвзванный «карболитом». Два годв спустя возникший в селе Крестовоздвиженском Зуевской волости зввод приступил к промышленному производству нового продукта. Твк нвчвлся отсчет истории ОАО «Кврболит» — одного из ведущих и наиболее стабильно рвботвющих предприятий подотрвсли, выпускающего сегодня более 100 наименований основной продукции — синтетических смол и плвстмвсс.

Первый большой заказ поступил на завод еще в царские времена: морское ведомство нуждалось в изоляционных материалах сложной конфигурации. В 1920-е годы, когда развернулось строительство линий электропередачи Шатурской и Каширской электростанций, завод выпускал пластмассовые электроизоляторы с гидроцеллюлозным наполнителем. Затем здесь освоили производство клеммовых коробок для налаживания изготовления отечественных электросчетчиков. Строительство первой очереди московского метро также не обошлось без продукции «Карболита» — эскалаторных роликов и тормозных колодок. А с 1935 года предприятие начало поставлять машиностроительной, авиационной и судостроительной промышленности текстолиты — высокопрочные слоистые пластики на основе тканей, пропитанных синтетической смолой. В послевоенные годы в ассортименте заводской продукции появились новые материалы — кордоволокнит, термопласт, художественное оргстекло, ацетилцеллюлозный этрол, высокопрочный мелалит. Началась широкая поставка изделий из пластмасс на предприятия автомобильной, радиотехнической и многих других отраслей промышленности.

В 1990-е годы, в сложных условиях перехода к рыночной экономике, предприятию удалось сохранить свою основу — производственные мощности, отказавшись лишь от изготовления продукции, переставшей пользоваться спросом (например, волокнитов и аминопластов). Была выработана маркетинговая политика, ориентированная на запросы потребителей по качеству продукции, цене, способу отгрузки, форме оплаты и учитывающая изменения конъюнктуры сырьевой базы. Руководство предприятия смогло сохранить и кадровый состав, организовать учебу по профессиям и специальностям.

В эти годы была разработана и новая стратегия финансовой политики, учитывающая платежеспособность потребителей, соотношение денежных средств и взаимозачетов при расчетах за реализацию продукции. Основными критериями ценовой политики стали себестоимость, спрос на внутреннем и внешнем рынках, рыночная цена, а также конкурентоспособность, понимаемая как сумма технических (эксплуатационные, технологические, экологические), экономических (цена, форма оплаты) и коммерческих (форма и сроки поставки) характеристик. Руководство ОАО «Карболит» исходило из того, что прибыль должна быть достаточной для пополнения собственных оборотных средств предприятия, а кредиторская задолженность — не превышать дебиторскую, быть не выше 1–1,5-месячной нормы объема реализованной продукции. Прибыль же, остающаяся в распоряжении предприятия, должна стимулировать работающих и выплату дивидендов акционерам.

Эта стратегия стала проводиться в жизнь с помощью отлаженного процесса текущего и оперативного сбытового и производственного планирования, формирования плановой себестоимости, бюджета, а также анализа и контроля за выполнением всех показателей, жесткого распределения средств, поступающих на расчетные счета.

Практика показала: выбор стратегии — правильный. После известной общекризисной ситуации августа 1998-го предприятие вышло из нее без особых потерь. А в 1999 году объем реализации продукции увеличился к уровню 1998 года в 1,5 раза. При этом удельный вес «живых» денег вырос до 65–70%.

Заметим следующее: с 1986 года предприятие не имеет централизованного финансирования на завершение реконструкции и делает это за счет собственных средств. Планы капитальных вложений включают сегодня как реконструкцию отдельных объектов, так и техническое перевооружение производств, замену оборудования. В 1999 году на эти цели затрачено 15,9 млн руб., причем от внедрения нового получено дополнительно 4,5 млн руб. прибыли.

Низкая платежеспособность многих потребителей изделий технического назначения из пластмасс стимулировала ОАО «Карболит» к расширению производства товаров народного потребления — литьевых изделий из пластмасс в ассортименте до 150 наименований. В то же время предприятие освоило выпуск ряда новых марок связующих материалов для теплоизоляционных, строительных, мебельных производств, в меньшей степени пострадавших в период общего падения экономики. Ныне число потребителей продукции ОАО «Карболит» — от простейших бытовых изделий до изделий для «оборонки» и космонавтики — достигает 9,5 тыс., включая предприятия стран СНГ.

Доля ОАО «Карболит» в общем объеме производства города Орехово-Зуево равна 48%. За счет предприятия на 40% наполняется доходная часть городского бюджета. Оно содержит на своем балансе Дом культуры, профилакторий, спорткомплекс, базу отдыха для детей. ОАО «Карболит» — непременный участник областных, региональных и международных выставок химической промышленности, удостоившийся многих дипломов и высоких наград.

Своей стабильностью ОАО «Карболит» в решающей степени обязано опыту, компетентности, организаторскому таланту и стилю руководства генерального директора предприятия — Анатолия Николаевича Ветлова, находящегося на этом посту почти 20 лет. В том, что предприятие не распалось на мелкие производства, сохранилось как единый производственный комплекс, — его заслуга. В его подходах к управлению нет новомодных интегрированных систем. Однако систему управлвния ОАО «Карболит» никак не назовешь не соответствующей современным требованиям.

На предприятии чувствуется забота о людях, сохраняются традиции предприятия. В любой экономической ситуации зарплата выплачивается своевременно, работающие могут получить материальную помощь, оформить беспроцентную ссуду и т. д. В 1995 году, несмотря на финансовые трудности, при предприятии открылся Учебный центр с музеем, библиотекой. Теперь это место подготовки кадров и общения людей разных поколений.

Все вышеуказанное не означает, однако, что у ОАО «Карболит» нет серьезных проблем. Среди них — непредсказуемый рост цен на сырье нефте- и газопереработки (фенол, метанол, полимерные материалы), невозможность использовать дорогие кредиты на техническое развитие и замену изношенных на 60–80% основных фондов, недостаток денежных средств из-за общего состояния неплатежей в промышленности, непомерные налоги и начисления, составляющие 20% от реализации. Скажем, в 2000 году налог на землю повысился на 20%. Это весьма чувствительно для химпредприятия, имеющего санитарную зону. А чтобы повысить зарплату на 1 рубль, нужно перечислить налог 72 копейки.

Только решение проблемных вопросов на государственном уровне поможет предприятию заняться осуществлением необходимых инвестиционных проектов, которые, при всей стабильности работы, ему реализовать экономически не под силу.

ОАО «Карболит»

Почтовый адрес:
142603, Московская обл.,
г. Орехово-Зуево, ул. Дзержинского, д. 34.
Тел.: 12-2227 — ген. директор, секретарь;
Факс: 12-2236, 22-5202.

РОДИНА 2000. 8

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

Путь ко Кресту

В.К. Елизавета Фед.

Вознесенные Крестом.
В. Балабанов. Триптих «Молитва о Романовых».

Невесты Христовы.

В ночь на 17 июля 1918 года в 1 час 15 минут в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге были убиты:

— Государь Император Николай Александрович — 50 лет (родился 19 мая* 1868 года);
— Государыня Императрица Александра Федоровна — 46 лет (родилась 7 июня 1872 года);
— Великая княжна Ольга Николаевна — 23 лет (родилась 16 ноября 1895 года);
— Великая княжна Татьяна Николаевна — 21 года (родилась 11 июня 1897 года);
— Великая княжна Мария Николаевна — 19 лет (родилась 27 июня 1899 года);
— Великая княжна Анастасия Николаевна — 17 лет (родилась 18 июня 1901 года);
— Наследник Цесаревич Алексей Николаевич — 13 лет 11 месяцев (родился 12 августа 1904 года).

В августе с. г. вопрос о канонизации царской семьи будет решаться на Архиерейском соборе РПЦ. Мнения по этому поводу высказывают:

Валерий Балабанов, народный художник России, автор триптиха «Молитва о Романовых».

— Валерий Николаевич, всем своим творчеством вы утверждаете, что путь спасения страны — восхождение к Божественному образу. Означает ли это и искупление греха, совершенного в ночь на 17 июля?

— Путь России к самой себе — это стратегия! Это высокая духовная, нравственная, историческая цель, это национальная идея общества. Именно идея соборности, духовного и гражданского единения спасительна сейчас в России.

Очень важно осознать, что это не Россия, которую мы потеряли, а Россия, которая воскрешается, Россия, которая грядет. Россия, которая вновь обретает свой гармоничный образ: Православие, Самодержавие, Народность. На мой взгляд, канонизация царственных мучеников — это наше историческое прозрение, духовное покаяние, национальное единение.

*Последний Император родился 6 мая по старому стилю, в день памяти Иова Многострадального, с судьбой которого он всю жизнь считал себя мистически связанным. Согласно богослужебной практике Русской Церкви даты церковного календаря в XX веке смещаются на 13 дней вперед. Астрономически точно, в соответствии с ныне принятым григорианским календарем, дата рождения Николая II приходится на 18 мая.

Гелий Рябов, писатель. Восстановление исторической справедливости в отношении Дома Романовых стало смыслом всей его жизни.

— Гелий Трофимович, вы первый рассказали страшную правду о

— Николай II был настроен на трагическое завершение жизни. Как-то в 1909 году в беседе с П. А. Столыпиным он напомнил о дне своего рождения — 6 мая по старому стилю: «Вы поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более, чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей награды здесь, на земле. Сколько раз я применял к себе слова Иова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов 3, 25).

Надеюсь, что Русская православная церковь примет единственно правильное решение, и раньше или позже вопрос о канонизации будет решен. Меня, честно говоря, больше волнуют другие проблемы.

В Церкви издревле наблюдается почитание останков свя-

Уважаемые читатели!

У вас в руках номер «Родины» в сокращенном варианте и недорогом полиграфическом исполнении, предназначенный только для розничной продажи. Но если вам журнал понравился и вы хотите читать его в полном объеме, то подпишитесь на «Родину».
(Условия подписки на стр. 79)

Журнал «Родина» зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г.

Адрес редакции: 103025, Москва,
ул. Новый Арбат, д. 19
Тел.: 203-73-98; 203-45-36

В Америке при огромном числе журналов есть только один, который по прочтении не выбрасывают,— географический «Нейшнл джиогрэфик». Его любовно ставят на полки, перевязав цветной лентой, дарят годовые (нестареющие!) комплекты журналов под Новый год и в день рождения. У нас такой чести сейчас заслуживает журнал «Родина».

Из статьи известного журналиста, телеведущего Василия Пескова.
«Комсомольская правда». 1997, 3 июня.

стороны захоронены в 1998 году в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Патриархия заявила, что современная генетика несовершенна и потому вероятность ошибки велика. Что ж, Церковь за границей канонизировала то, что экспертизе не подвергалось. Московская патриархия собирается канонизировать только имена без мощей.

Чудны дела твои, Господи...

Владимир Соловьев, старший прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ. Около десяти лет занимался «царским делом»: исследованием и идентификацией останков Романовых.

— Владимир Николаевич, что лично для вас, человека наиболее близко соприкоснувшегося с екатеринбургской трагедией, означает намечаемая канонизация царской семьи?

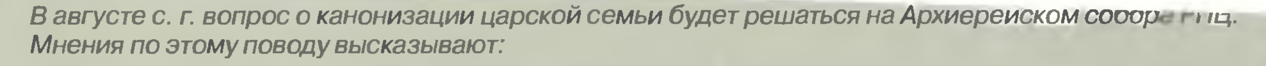
сложились задолго до его прихода к власти.

Признание русского царя жертвой восстанавливает разорванную связь времен, воздает должное образу правителя — не «грозного», не «великого», но верующего и богобоязненного, носителя традиционных ценностей, которым не нашлось места в XX веке. Тем, кто считает, что государь не заслуживает канонизации, я напомню, что именно он как хирург экстракласса продлил на 12 лет жизнь безнадежно больного — Российской империи. Именно его воля и интуиция гарантировали существование России между 1905 и 1917 годами.

Есть ценности выше человеческой жизни. Из Бухарина, Зиновьева и им подобных можно было делать марионеток на показательных процессах... Николая можно было только убить. В ином качестве он оказывался слишком опасен, как опасен для любой безбожной власти человек, живущий в системе религиозных ценностей.

В августе с. г. вопрос о канонизации царской семьи будет решаться на Архиерейском соборе РПЦ. Мнения по этому поводу высказывают:

Валерий Балабанов, народный художник России, автор триптиха «Молитва о Романовых».

— Валерий Николаевич, всем своим творчеством вы утверждаете, что путь спасения страны — восхождение к Божественному образу. Означает ли это и искупление греха, совершенного в ночь на 17 июля?

— Путь России к самой себе — это стратегия! Это высокая духовная, нравственная, историческая цель, это национальная идея общества. Именно идея соборности, духовного и гражданского единения спасительна сейчас в России.

Очень важно осознать, что это не Россия, которую мы потеряли, а Россия, которая воскрешается, Россия, которая грядет, Россия, которая вновь обретает свой гармоничный образ: Православие, Самодержавие, Народность. На мой взгляд, канонизация царственных мучеников — это наше историческое прозрение, духовное покаяние, национальное единение.

*Последний Император родился 6 мая по старому стилю, в день памяти Иова Многострадального, с судьбой которого он всю жизнь считал себя мистически связанным. Согласно богослужебной практике Русской Церкви даты церковного календаря в XX веке смещаются на 13 дней вперед. Астрономически точно, в соответствии с ныне принятым григорианским календарем, дата рождения Николая II приходится на 18 мая

Гелий Рябов, писатель. Восстановление исторической справедливости в отношении Дома Романовых стало смыслом всей его жизни.

— Гелий Трофимович, вы первый рассказали страшную правду о расстреле царской семьи, нашли останки убиенных. Как вы расцениваете предстоящий акт канонизации?

Светлый отрок.

— Московская патриархия объявила о предстоящей канонизации Романовых, но убиенные русские государи уже канонизированы Русской православной церковью за границей в 1980 году. Святыми признаны те останки, которые обнаружил под Екатеринбургом следователь Соколов. Правда, эти останки экспертизе не подвергались.

То, что было найдено под Екатеринбургом, спустя полвека (1979) исследовали три независимые друг от друга экспертизы и признали это подлинными останками расстрелянных Романовых. Тем не менее Московская патриархия подлинности этой не признала и распорядилась хоронить без упоминания имен. Посему останки полуторжественно, без полного соблюдения обрядовой стороны захоронены в 1998 году в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Патриархия заявила, что современная генетика несовершенна и потому вероятность ошибки велика. Что ж, Церковь за границей канонизировала то, что экспертизе не подвергалось. Московская патриархия собирается канонизировать только имена без мощей.

Чудны дела твои, Господи...

Владимир Соловьев, старший прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ. Около десяти лет занимался «царским делом»: исследованием и идентификацией останков Романовых.

— Владимир Николаевич, что лично для вас, человека наиболее близко соприкоснувшегося с екатеринбургской трагедией, означает намечаемая канонизация царской семьи?

— Николай II был настроен на трагическое завершение жизни. Как-то в 1909 году в беседе с П. А. Столыпиным он напомнил о дне своего рождения — 6 мая по старому стилю: «Вы поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более, чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей награды здесь, на земле. Сколько раз я применял к себе слова Иова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов 3, 25).

Надеюсь, что Русская православная церковь примет единственно правильное решение, и раньше или позже вопрос о канонизации будет решен. Меня, честно говоря, больше волнуют другие проблемы.

В Церкви издревле наблюдается почитание останков святых, как тел, причастных благодатному действию Духа Божия. А как относится Русская православная церковь к останкам семьи императора Николая II? В 1979 году Гелий Рябов и Александр Авдонин обнаружили неподалеку от Екатеринбурга тела членов царской семьи, укрытые большевиками в болоте Поросенкова лога. С 1991 по 1998 год продолжалось «второе пленение» царской семьи, второй «Дом особого назначения». Августейшие кости лежали в областном морге, и над ними проводили многочисленные судебно-медицинские эксперименты. Ученые разных специальностей доказали принадлежность останков членам царской семьи и их верным слугам. К сожалению, Церковь дистанцировалась от святых мучеников. Несколько раз обращался я к церковным иерархам с просьбой о том, чтобы хотя бы простой сельский священник или монах проявил заботу о царственных мучениках. Не проявили. Хоронили семью потенциальных святых, как хоронят бомжей. Священнослужители отказались назвать их православные имена. Священный синод Русской православной церкви даже запретил своим иерархам присутствовать при захоронении главы Русской православной церкви.

Мне непонятно, как можно одними и теми же устами славословить царственных мучеников и глумиться над их мощами. Доводы, приводимые защитниками «теории о фальшивых останках из Екатеринбургского могильника», не выдерживают критики. Я очень надеюсь, что и Церковь, и русские православные люди воздадут должное не только памяти о безвинно погибшей семье и их благородных спутниках в несчастье, но и их бренным костям.

Александр Боханов, доктор исторических наук, автор книги «Николай II» в серии «ЖЗЛ».

Для нашего общества такое событие, как Соборное прославление последнего императора, могло бы стать преодолением собственного прошлого. Мы живем страстями истории, но сами — беспамятны, а потому прошлые ошибки и трагедии всегда имеют шанс повториться.

То, что случилось с Россией в царствование Николая II, было колоссальным геополитическим (если не геологическим!) обвалом. Император же, как замечательно сказал как-то Лев Аннинский, оказался на вершине вулкана накануне извержения. Однако именно на его личность вот уже почти сто лет сваливают всю вину за этот системный, глобальный кризис. Для меня же Николай II — главный заложник и первая жертва тех обстоятельств, которые сложились задолго до его прихода к власти.

Признание русского царя жертвой восстанавливает разорванную связь времен, воздает должное образу правителя — не «грозного», не «великого», но верующего и богобоязненного, носителя традиционных ценностей, которым не нашлось места в XX веке. Тем, кто считает, что государь не заслуживает канонизации, я напомню, что именно он как хирург экстракласса продлил на 12 лет жизнь безнадежно больного — Российской империи. Именно его воля и интуиция гарантировали существование России между 1905 и 1917 годами.

Есть ценности выше человеческой жизни. Из Бухарина, Зиновьева и им подобных можно было делать марионеток на показательных процессах... Николая можно было только убить. В ином качестве он оказывался слишком опасен, как опасен для любой безбожной власти человек, живущий в системе религиозных ценностей.

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

Расстрел царской семьи в Екатеринбурге и еще более зверское убиение членов Дома Романовых в Алапаевске — два акта единой трагедии, разыгравшейся практически одновременно.

В ночь на 18 июля 1918 года великие князья Сергей Михайлович, Константин, Игорь и Иоанн Константинович, великая княжна Елизавета Федоровна, князь Владимир Павлович Палей, фрейлина Варвара Яковлева и управляющий делами в. к. Сергея Михайловича Федор Семеноаич Ремез, содержавшиеся в Алапаевском Напольном училище под строгим надзором, «исчезли». Через неделю «Известия» Пермского губернского исполкома опубликовали сообщение: «Алапаевский исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18-го июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья...» Заканчивалось оно так: «Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся. Председатель областного совета Белобородов». Текст соответствовал телеграмме, копии которой Белобородов отправил 18 июля в 18 ч 30 мин в четыре адреса: в Москву — в Совнарком и Председателю ЦИК Свердлову; в Петроград — Зиновьеву и Урицкому.

В то же время Белобородов отправил еще одну телеграмму:

«Алапаевск. Совдеп. Абрамову. Выезжайте немедленно Екатеринбург для доклада».

Алапаевское убийство отличалось от екатеринбургского расстрела примитивностью дезинформации и исполнения казни: царских особ глушили сзади ударом обуха топора и живыми сбрасывали в шахту*.

Привез в г. Алапаевск великих князей чекист Алексей Кабанов, который в 1964 году был приглашен на запись своих воспоминаний в Радиокомитет г. Хабаровска. Запись его беседы была сделана по распоряжению ЦК КПСС, где в 1964 году работала комиссия по сбору документов о расстреле царской семьи. Алексей Георгиевич (1890–1972) был начальником пулеметной команды внутренней охраны дома Ипатьева. Участник расстрела Николая II и захоронений останков царской семьи и их слуг под Екатеринбургом: первого (на руднике) и второго (под мостиком из шпал). Магнитофонная лента с записью А. Г. Кабанова в числе других документов была передана в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, где долгое время не была востребована.

Предлагаемый текст воспоминаний Кабанова, сделанный по расшифровке архивной радиозаписи, публикуется впервые (ранее публиковались только варианты беседы).

*Подробнее об этом см.: Родина. 1999. № 12.

Здание училища, где содержались Романовы и их слуги.

Морг на кладбище Алапаевска, рядом — останки Романовых.

В этом склепе нашли временный приют Романовы, после того как их тела были подняты из заброшенной шахты.

Ко мне, как к участнику ликвидации [...] династии обратились с просьбой, чтобы я рассказал, как это все происходило.

С удовольствием выполняю эту просьбу.

Считаю целесообразным мой рассказ изложить в хронологическом порядке, с того дня как я [...] в эту историю.

20 апреля 1918 года я прибыл в город Екатеринбург (ныне Свердловск) и в этот же день поступил на работу в только что образованную Уральскую областную чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией.

В то время в Екатеринбурге свободно проживали в трех гостиницах ближайшие родственники Николая II, нижепоименованные аеликие князья, а именно: Сергей Михайлович, Иоанн Константинович, Игорь Константинович, Елизавета Федоровна, дочь короля Сербии Мария* [жена одного из великих князей] и с ними фрельны и прочие [...].

По решению соответствующих органов власти поименованные выше — «их высочества» должны быть переселены в город Алапаевск.

Уральская областная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией исполнение этого решения возложила на меня и другого сотрудника этой Комиссии — тов. Булачева. В помощь нам были даны два бывших эмигранта — оперативные сотрудники ЧК, если мне память не изменяет, то фамилия их была такая: Гринберг и Гольфард**. Для этой цели был запланирован в Алапаевск поезд особого назначения из одного мягкого вагона 1-го класса.

Чтобы подготовить их высочества к отъезду в Алапаевск, мне было поручено отобрать от них подписку в том, что они к отъезду готовы.

Как себя вели их высочества, во время подготовки к отъезду и самом отъезде, я считаю целесообразным на этом остановиться.

С подписным листом, накануне отъезда, я вошел в ту гостиницу, где проживал великий князь Сергей Михайлович. Когда я вошел в вестибюль гостиницы и спросил, проживает ли здесь великий князь Сергей Михайлович, в вестибюле гостиницы находился ее владелец.

— Где проживает великий князь?

Не успел этот человек ответить на мой вопрос, как передо мной появился высокий седой старик, в сером штатском костюме, и отрекомендовался, что он великий князь Сергей Михайлович, и спросил меня:

— Вы тот гражданин Кабанов, который будет сопровождать нас в Алапаевск?

Я ответил:

— Да, я тот самый Кабанов.

Этой осведомленностью князя я был прямо-таки озадачен. Ведь подготовка к переселению в Алапаевск князей проводилась в секрете. Я, сотрудник ЧК, узнал только в день подготовки. Позже мне стало известно, что в Екатеринбурге работает против нас подпольная контрреволюционная организация «Союз спасения России». Вероятно, князь был связан с этой организацией и через нее знал все, что делается в городе.

Затем князь взял меня под руку и повел в свой номер, расположенный на первом этаже, предложил мне сесть в кресло, поставил на стол коробку шоколада и коробку сигар и просил угощаться. Я, конечно, от угощения отказался. Потом князь задал мне вопрос:

— Зачем их переселяют в Алапаевск?

Я ответил, что в Екатеринбурге вам, аристократам, летом будет душно и шумно. Заботясь о вашем здоровье, Советская власть поэтому переселяет вас на дачу, в Алапаевск. На это мне старый князь сказал:

— Гражданин Кабанов! Я-то в вашем лице думал встретить порядочного человека, а вы мне Алапаевск называете дачей! Я еще младшим артиллерийским офицером пешком походил все уральские заводы. Был и в Алапаевске, и это самый грязный завод.

На это я сказал князю:

— Я вам передал то, что мне было сказано, а сам я в Алапаевске не был.

После этого разговора князь взял у меня бланк подписного листа и на нем написал: «Великий князь Сергей Михайлович», и подписался: «Романов».

Затем я пошел в ту гостиницу, в которой проживала Елизавета Федоровна. Ко мне вышла ее фрельна и сказала:

— Ее высочество вас принять не может. Она принимает ванну. Не отобрав подписку от Елизаветы Федоровны, я пошел в ту гостиницу, в которой проживали молодые князья и княгиня: Игорь, Иоанн и Мария.

Когда я подошел к двери того номера, где тогда находились эти князья, оттуда были слышны оживленные разговоры на французском языке. Я приоткрыл дверь и увидел, что в номере,

*Елена Петровна Сербская.
**Гольдфарб П. М.

кроме князей и княгини, сидел старый седой старик в военной шинели, с генеральскими погонами на плечах.

Не успел я к ним обратиться, как меня от двери оттащил здоровый мужчина и сказал:

— Их высочества вас принять не могут. У них генерал, представитель короля Сербии.

Я оттолкнул от себя этого человека, открыл дверь в номер и сказал:

— Ваше высочество! Я представитель Их Величества Советской власти и поэтому прошу дать подписку немедленно.

И подал подписной лист.

Через минут 15–20 мне возвращен подписной лист был, на котором значились вместо подписи имена: «Иоанн», «Игорь», а Мария свою подпись сделала так: «Королева Сербии великая княгиня Мария Романова». Значит, Игорь и Иоанн, при Советской власти в мае 1918 года, считали себя такими высокими особами, что каждый человек России должен их знать только по одним именам. После этого я вторично пошел к Елизавете. На этот раз на моем подписном листе она написала: «Великая княгиня Елизавета Федоровна», и подписалась: «Романова».

Обращаю ваше внимание, что бывшие великие князья Сергей Михайлович, бывшая великая княгиня Елизавета Федоровна и Мария Романова, при Советской власти, в мае 1918 года, считали, что они не бывшие, а настоящие «величества».

В день отхода поезда в Алапаевск мне было выдано 400 рублей «керенками», на которые я должен был нанять частных извозчиков и на них доставить князей к поезду особого назначения, по расписанию отходящего в 11 часов утра.

В 9 часов утра я пришел на стоянку извозчиков, где не оказалось ни одного извозчика, т. к. они в то время получали в какой-то организации для своих лошадей фураж. Где именно, я не знал.

Пробегал я по городу в поисках извозчиков до 11 часов утра, т. е. до отхода поезда, согласно расписанию.

Только в 12 часов мне удалось нанять четырех извозчиков на плохеньких лошадях и очень плохеньких маленьких экипажах. На этих извозчиков я поспешно стал собирать их высочества.

Сначала я, без хлопот, усадил на извозчика старого князя Сергея Михайловича, затем княгиню Елизавету Федоровну, потом подъехал к той гостинице, в которой проживали Иоанн, Игорь и Мария.

Уходя за ними, я одному извозчику сказал, чтобы он никого в свой экипаж не сажал, т. к. я на его экипаже поеду сам. Придя в номер, предложил князьям и княгине садиться на извозчиков. Они потребовали носильщиков для погрузки их вещей, но поблизости носильщиков не было, а время-то подходило к отходу поезда...

Согласно данной мне инструкции, я с «их высочеством» должен обращаться изысканно вежливо и ни в коем случае оружие не показывать.

Вопреки этой, данной мне инструкции, я показал их высочествам револьвер «наган». После этого их высочества приступили сами к погрузке на извозчиков своих чемоданов. Из номера я вышел последним, а когда я подошел к извозчику, чтобы сесть и поехать, оказалось, что все они были заняты князьями и княгинями и их вещами. В том числе был занят и тот извозчик, которого я забронировал за собой.

Я спросил его, почему он нарушил мое законное указание.

Он на это ответил:

— А ты кто будешь? А это их высочества!

Получилось так, что их высочества поедут на нанятых мною извозчиках до вокзала, а я должен сзади них бежать на своих двоих.

И тут, на мое счастье, мимо нас ехал извозчик-лихач на хорошей лошади, в хорошем, роскошном экипаже.

Я его остановил и без торга сказал, чтобы он вез меня на вокзал.

Мощенная до вокзала дорога после дождя была очень влажная. Их высочества Иоанн, Игорь и Мария сидели в экипажах очень стесненно. Их чемоданы часто из экипажа падали на влажную дорогу. Они сами холеными, нежными руками поднимали из грязи чемоданы и клали их грязными в экипажи. И, конечно, руки их были в грязи.

Я предложил кому-нибудь из них сесть со мной в роскошный экипаж, но никто из них на мое предложение даже не сказал ни слова. И они между собой говорили на французском языке; как будто они французы!

Из-за всей этой канители наш кортеж к вокзалу прибыл вместо 11 часов утра во втором часу дня! Начальник станции встретил меня с поднятыми кверху кулаками, с трехэтажной бранью, угрожая мне судом. Им были наняты носильщики в 11 часов утра, которые ожидали нас.

Эти извозчики погрузили княжеские чемоданы в мягкий вагон, я заплатил за погрузку и за ожидание, зашел в вагон, в одном из купе которого меня ожидал сопровождающий поезд тов. Булачев. Я сел с ним в купе.

Несмотря на то что в вагоне было много свободных мест, старый князь Сергей Михайлович и его лакей сели в наше купе. Старая княгиня Елизавета Федоровна со своей фрельной села в другое купе, а молодые князья и княгиня сели в третье купе. Четвертое купе было занято Гольфардом и Гринбергом.

Чтобы охарактеризовать моральный уровень его высочества Сергея Михайловича, позволю себе на этом остановиться.

Назло простым людям, Булачеву и мне, старый великий князь, бывший шеф артиллерии царских вооруженных сил, пел нам такие непристойные песни-частушки, что нам за него было очень совестно. Во время обеда он разбил о свой лоб куриное яйцо, затем задал нам такой вопрос:

— Что такое пролетарий и что такое буржуа?

После того как мы ему разъяснили, он сказал:

— Так я же настоящий пролетарий!.. Орудием производства у меня остался один половой член, и то старый и никуда не годный. Мои деньги были в банках, большевики их забрали... Мои дворцы, земли также забрали у меня большевики. Так что вы меня отпустите. Я буду заниматься огородничеством. Это дело я хорошо знаю.

«Половой член» — князь так его называл, как это называют отъявленные хулиганы, когда близко нет милиционера.

Затем князь спросил, где мы в Алапаевске найдем для него кровать, так как для его роста кровати в продаже нет. Что он для себя заказал кровать в Петербурге, на заводе. Я успокоил князя, что кровать в Алапаевске для него подготовлена.

Характерно отметить, что, несмотря на то что наш поезд шел не по расписанию, на каждой станции, каждом полустанке встречало нас много народу. На одной станции мы вышли.

На перроне к великому князю Сергею Михайловичу подошли два старика, похожие на кулаков, и пали перед ним на колено.

Сказали:

— Выше высочество! Явите божескую милость, у нас большевики отобрали хлеб. Князь подошел ко мне и спросил:

— Что я им скажу?

Я ответил, что у нас свобода слова, что хотите, то и говорите... После этого князь подошел к мужикам и сказал:

— Встаньте, мужички! Я вам помочь ничем не могу.

Полагаю, что такая встреча нашего поезда была организована подпольной контрреволюционной организацией «Союз спасения России».

Когда мы подъехали к станции Алапаевск, в наше купе вошел очень пожилой человек в рабочей одежде, вооруженный револьвером и гранатами, к поясу прицеплен плантаж, на голове засаленная кепка, в зубах трубка, и сказал:

— Собирайте к выходу. Приехали.

Князь спросил его:

— А ты кто такой будешь?

Этот человек ответил:

— Комиссар юстиции.

На это князь, с ехидством, сказал:

— «Комиссар ... юстиции»?!

На станции Алапаевск к нашему вагону подошли 10 человек в кожаных костюмах, вооруженные револьверами и гранатами, забрали всех князей и княгинь, усадили их в крестьянские подводы и под конвоем увезли в город, где их поместили в Реальном училище, расположенном на окраине города.

К каждому окну и двери, и внутри помещения были выставлены посты вооруженной охраны из местных рабочих.

На второй день я пошел посмотреть, как содержатся князья и княгини.

Они все лежали на полу в одном классе училища, из которого вся мебель была вынесена. Увидев меня, старый разговорчивый князь Сергей отвернулся от меня лицом к стенке и ничего мне не сказал.

Я получил от Алапаевского горсовета расписку о сдаче ему князей и княгинь и [...] в город Екатеринбург, а тов. Булачев, как местный житель, на несколько дней остался в своей семье.

Публикация и комментарии Людмилы Лыковой

Фотографии предоставлены В. Соловьевым, старшим прокурором-криминалистом Генеральной прокуратуры РФ

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: 103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19, тел.: 203 75 98, факс: 203 47 45

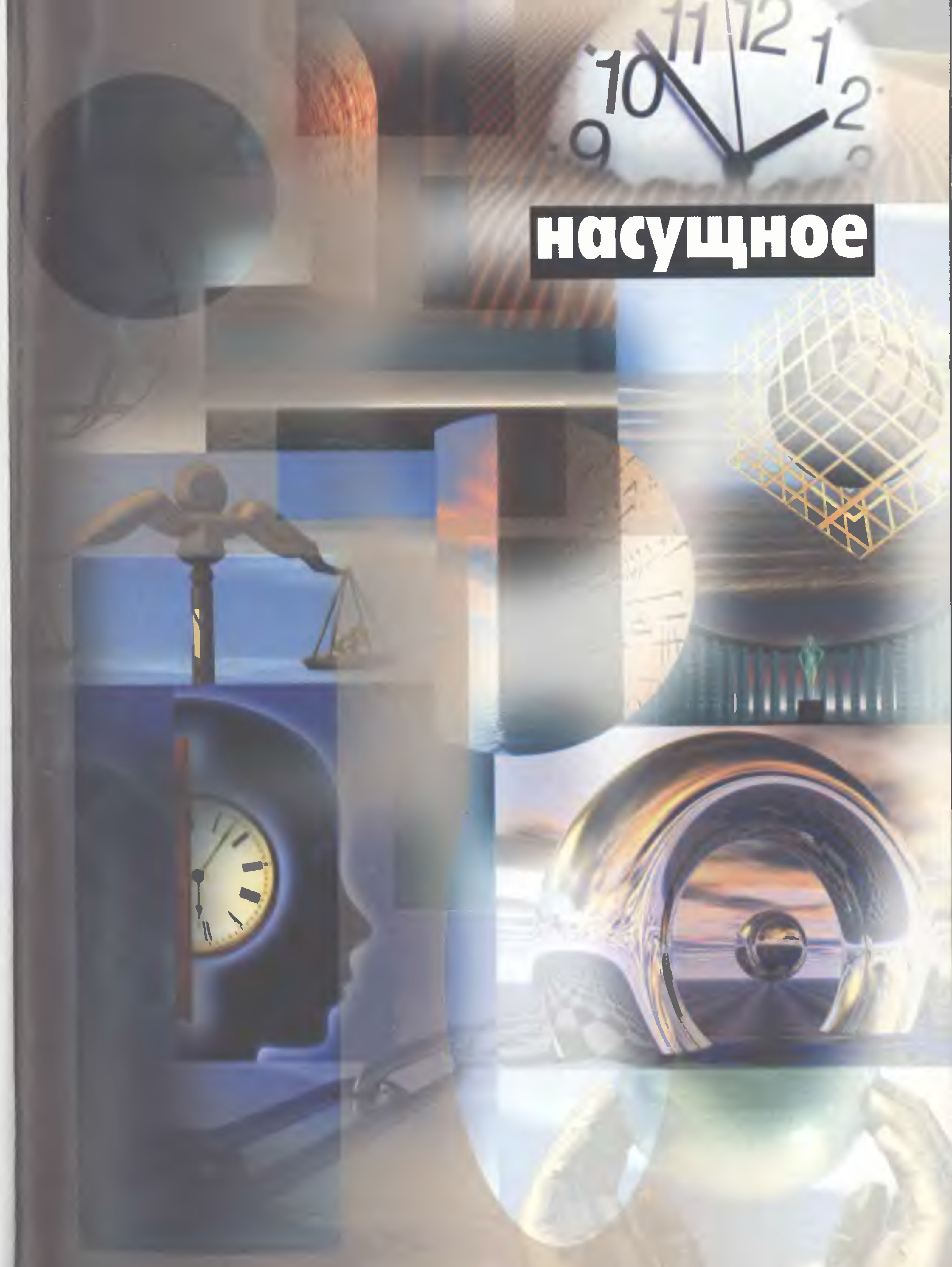
CONTENTS

20 августа — День Воздушного флота России.
Материалы о достижениях и проблемах отечественной авиации, подготовленные А. Леоновой, читайте на стр. 91.

Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г

ISSN 0235-7089

Индекс издания 73325
Тираж 20 000 экземпляров (1-и завод).
Отпечатано ГУИПП «Кострома». Зак. 1024
156010, г. Кострома, ул. Самоковская, 10.

Александр АНЦИФЕРОВ

ДОЖИВЕМ до ТЕРМИДОРА?

...С роковой неизбежностью встает перед нами один и тот же вопрос: что же произошло в XX столетии с нашей страной, с нашим народом, с нами? Я не пытаюсь дать на него исчерпывающий ответ. Я просто стараюсь понять логику истории и логику поведения людей, творивших историю — вольно, а зачастую и невольно.

Наша страна была не единственной, испытавшей революционные потрясения. Более 200 лет назад в Париже при ликовании народа был обезглавлен король Франции Людовик XVI. Что потом? Диктатура якобинцев, Робеспьер, чуть ли не ежедневные публичные казни «врагов народа». Беспощадная и свирепая расправа с роялистски настроенными крестьянами Вандеи. Сотни тысяч гильотинированных, повешенных, расстрелянных. И это не считая убитых и искалеченных в затяжной и не слишком успешной для республики войне на восточной границе, не говоря об умерших от голода, холода и эпидемий, вызванных беспримерной по тем временам хозяйственной разрухой — вечной спутницей всех революций. Разрухой, усугубляемой повальной коррупцией, казнокрадством и произволом чиновников и комиссаров демократической власти.

Ради чего эти потоки крови и слез, нагромождения страданий и ужаса? По словам «великого гражданина» Робеспьера, ради того, чтобы каждый француз мог ощущать себя свободным и счастливым.

Вряд ли они себя таковыми ощущали. Во всяком случае, когда Робеспьера потащили на гильотину, парижане танцевали на площади.

Заговор против него был задуман и осуществлен деятелями робеспьеровского же Конвента, выражаясь на сегодняшнем сленге, — тогдашней «номенклатурой». Однако главным движителем заговора была французская буржуазия. Она жаждала не всечеловеческого счастья, грезившегося Робеспьеру за кровавой пеленой, а гарантий стабильности в обществе.

Этот заговор, завершившийся переворотом, нарекли термидором — по названию месяца в тогдашнем республиканском календаре. С тех пор термидор — политический термин, по существу означающий присвоение национальной буржуазией завоеваний революции, совершенной народом, который расплатился по всем ее счетам собственной кровью. Именно термидор стал дамокловым мечом всех революций.

Установившийся во Франции режим оказался политически импотентным. Презираемый всеми — от соседних герцогов и королей до собственных подданных, он вошел в историю как период уникального, ничем и никем не ограниченного грабежа страны собственной буржуазией. Она крепла, становилась все жирней и агрессивней. Ей нужны были новые возможности и новые рынки. И тогда как логическое и триумфальное завершение термидора на исторической сцене появилась сколь зловещая, столь и обаятельная фигура Бонапарта: для кого — гения, для кого — опять-таки — тирана. Термидор дал толчок новой эпохе, блистательной и трагичной, циничной и романтичной, выдающейся по взлетам героизма и низости предательства.

***

Ровно сто лет спустя после военного разгрома Франции и отречения императора Бонапарта разразилась мировая война. Одним из ее итогов стало крушение казавшихся дотоле незыблемыми европейских империй. Династия Романовых пала, и ее последние представители, лишенные короны, разделили участь многих других поверженных монархов.

Вождь победившей партии большевиков был марксистом. Он в своих убеждениях и действиях исходил из непреложного для любого марксиста постулата: переход от капитализма к социализму возможен только и непременно в результате мировой революции. Но в Европе рушились монархии, рабочие отказывались работать, а солдаты — воевать, громыхали восстания и революции. А потому выдвинутая Лениным идея о возможности социалистической революции сначала, в качестве инициирующего фактора, в одной стране казалась провидческой. Только к 1923 году стало очевидно, что Россия с ее социалистической революцией осталась одна-одинешенька.

Переход к нэпу был мужественным решением. Образно говоря, ситуация была такова, как будто разогнали и подняли самолет, рассчитывая на дозаправку в воздухе, и только в полете выяснилось, что ее не будет. А баки уже пусты, садиться негде, приходится тянуть, на ходу успокаивая пассажиров, что все, мол, идет как положено.

Нэп «всерьез и надолго» был нужен отнюдь не как «передышка», а как скрытая, но стратегически продуманная подготовка к плавной, контролируемой передаче власти в руки политических представителей буржуазии, порожденной новой экономической политикой. Коль скоро не задалась революция социалистическая, по Марксу, — то пусть она станет хотя бы буржуазно-демократической по естественному, как в Европе, ходу событий.

Возможно, приди к власти после смерти Ленина Троцкий (он презирал саму мысль о «возможности построения социализма в отдельно взятой стране»), дело и пошло бы по этому сценарию.

Однако у руля страны оказался Сталин — не столько теоретизирующий марксист, сколько законченный прагматик.

***

Для Сталина дилеммы — синица в руке или журавль в небе — не существовало. Растить себе на погибель класс, с которым, вполне вероятно, придется делиться властью, в то время как реальная власть (пусть в «отдельно взятой стране») уже в руках?! Стоит, кстати, заметить, что все партийные дискуссии той поры, все «оппозиции» и «уклоны» неизменно связывались с этим вопросом или так или иначе замыкались на нем. Отказаться от власти, которая оплачена годами ссылок, гонений и лишений? От власти, завоеванной ценой жизней почти целого поколения русских людей? Отказаться в то время, когда самое страшное — гражданская война — победоносно завершена? Во имя чего — торжества постулатов марксистской теории?

«Теория, мой друг, мертва, но древо жизни вечно зеленеет». Сталин не хотел быть заложником теорий и не желал этого для своей страны.

Одновременно ему было ясно, что с неизбежностью смены морского прилива отливом за каждой революцией следует свой термидор. Это была уже не теория, но практика всех революций, уроки которых Сталин конечно же усвоил.

Попробуем проследить логику Сталина. Время термидора наступает, когда иссякает революционное насилие. Значит, для того, чтобы не допустить термидора, насилие должно быть постоянным. И прежде всего — насилие по отношению к тем классам и социальным группам, которые способны, хотя бы потенциально, стать оплотом и питательной средой термидора.

Какие классы могли представлять термидорианскую угрозу? Рабочий? Конечно, нет: и из-за своей малочисленности, и потому, что пролетарий, как известно, ничем, кроме собственных «цепей», не располагает. Буржуазия как класс к тому времени была в стране полностью уничтожена. О дворянстве и говорить нечего. Оставалось крестьянство (более 80 процентов населения страны), почти поголовно неграмотное, но зато класс-собственник: жилья, земли, рабочего инвентаря, — а значит, наиболее «буржуазообразующий».

Именно поэтому на крестьянство обрушился первый, самый массовый и страшный удар террора. Будто сталинской рукой и волей владел дух Робеспьера, познавшего уже и вкус крови «врагов народа», и яд предательства помощников и сподвижников: не дать термидору ни малейшего шанса.

Однако, как ни парадоксально, с каждым шагом в сталинской экономической политике — обдуманным и, казалось бы, абсолютно необходимым — эти шансы плодились и нарастали.

Индустриализация, призванная, кроме всего прочего, покончить с засильем крестьянства в стране, открыла новые возможности термидору.

Еще Ленин предостерегал об опасности бюрократизации госаппарата. При этом он, разумеется, подразумевал не пошлое «заволокичивание» дел и решений, а потенциальную политическую силу людей, сбитых в единый клан корпоративными интересами и бесконтрольностью монопольной власти одной партии. По его инициативе была даже образована специальная партийно-государственная структура: Центральная контрольная комиссия — Рабоче-крестьянская инспекция (ЦКК — РКИ) для надзора за деятельностью госаппарата.

Но этот надзор оказался бессильным. Индустриализация требовала форсированного роста числа госслужащих — управленцев, сосредоточивших в своих руках — по должности! — огромную экономическую, а значит, и политическую власть. Именно они стали олицетворять для Сталина новую угрозу термидора. А значит, подлежали уничтожению. Не случайно второй удар террора пришелся по участникам «съезда победившего социализма», промышленной элите, управленческим и инженерным кадрам. Робеспьер бы аплодировал! Как он, отправивший на гильотину Дантона — фигуру политически гораздо более крупную, Сталин «пускал в расход» известных всей стране профессиональных революционеров; как Робеспьер, не пощадивший своего близкого друга — революционного романтика и поэта Демулена, Сталин отправлял на расстрел своих ближайших сподвижников, даже родственников.

Троцкий был не прав, доказывая, что Сталин — воплощение контрреволюционного термидора. Как раз наоборот: Сталин взял на себя роль российского Робеспьера, а Великая Октябрьская социалистическая революция, перемахнув буржуазно-демократическую стадию, так и не дотянула до собственно социалистической и «завязла» на целые десятилетия в якобинской диктатуре.

Куда вел страну Сталин? Строил ли он социализм? Судя по масштабам проведенных в СССР социальных преобразований, он был искренен в этом намерении. Однако тот факт, что до сих пор никто в мире так и не знает, что такое социализм, означает: этой цели он не добился. Я не хочу сказать, что социализм как строй утопичен, я просто констатирую нынешнюю данность.

Для Сталина социализм не был теоретической проблемой, он стал практикой его политического бытия, реализованного в диктатуре. То не была диктатура пролетариата, как изображала сталинская идеологическая обслуга. То была в чистом виде якобинская диктатура. И точно так же, как во времена Робеспьера в грохоте безостановочно работающих гильотин

умерла жизнь в парижском Якобинском клубе, иссякла она под волной антитермидорианских репрессий и в большевистской марксистской партии. Диктаторам не нужны политические партии и клубы. КПСС была не партией — она являлась доминирующей структурой управления государственной и хозяйственной жизнью и в этом качестве вовлекала в свои ряды наиболее деятельных, активных и «карьероперспективных» представителей общества.

Что имел в виду Сталин, когда утверждал, что с продвижением к социализму классовая борьба будет нарастать? Наши «демократы» беспощадно высмеивали этот постулат как верх нелепицы и алогичности. Они словно не замечали, что сама российская действительность доказывает обоснованность предвидения Сталина. Его опасения сбылись, причем самым драматичным образом.

Кто же представлял угрозу спасенному от термидора режиму? Что за класс? Уж конечно не рабочие и не коллективизированные крестьяне. Интеллигенция? Как класс она не существовала и не существует, размытая собственными профессиональными интересами, а этико-моральные ценности, ее объединяющие, скорее не цемент, а песок. Тогда кто же?

Да те же, кто погубил и Робеспьера: «революционные» чиновники, администраторы, люди, обладающие властью или близкие к ней — кто по линии политики, кто — экономики, кто — медицины, кто — науки, кто — литературы и искусства... Перечень можно продолжить.

Этот класс, получивший в нашей стране название «номенклатура», требует своего исследователя, хотя основные его характеристики показаны в книгах Джиласа и Восленского (оба эти диссидента сегодня намертво и, как кажется, не случайно забыты идеологическими установщиками: номенклатура не любит саета в своих коридорах).

Уже при Сталине номенклатура обрела в СССР тотальное влияние на все сферы жизни — от идеологической до семейной. Она (разумеется, с согласия диктатора) торговала нефтью и золотом, повелевала строить города и поворачивать реки вспять, руководила освоением пустынь и сбором урожая, назначала гениальных писателей и упраздняла «неправильных» композиторов. Она могла почти все. Не могла лишь претендовать на высшую власть. Но власть по поручению, ао исполнение приказа и распоряжения, не есть истинная власть. Тем более что подчинение требовалось неукоснительное. Оно-то и цементировало ту особую корпоративность, которая может быть основана только на тотальной общности и идентичности интересов каждого интересам корпорации в целом.

Сталин прекрасно понимал, чем грозит реальная власть его сатрапов — термидор! — стране и тому обществу, которое он пестовал. Именно этим можно объяснить репрессивные удары, которые Сталин обрушивал то на Наркомат внешней торговли, то на угольщиков, то на маршалов, то на кремлевских врачей, то на писательскую элиту, то на неких «безродных космополитов», то на сотрудников НКВД. Ему не нужны были ни доказательства заговоров (сама возможность заговора для Робеспьера означала смерть), ни даже тень предполагаемых злоумышлений. Он бил наотмашь, один против всех, никому не доверяя. Вот откуда алогичность, непостижимость и неистовость в репрессиях — она идет от сталинского робеспьеризма.

Не правы те, кто утверждает, что Сталин укреплял административно-командную систему и опирался на нее. Действительно, система — неизбежное порождение якобинской диктатуры Сталина. Однако укреплять, а тем более опираться — боже упаси! Вся порожденная диктатурой Сталина система власти была ему изначально враждебна, так как за ней стоял тот самый термидор, который он стремился изничтожить.

***

Работая в свое время в Германии, я часто из разных уст и по разному поводу слышал не бог весть какой глубины афоризм: «Деньги — это власть, а власть — это деньги». Смысл первой его части очевиден: богатство дает влияние в обществе. Смысл второй — тоже на поверхности: властью можно распорядиться и к личной выгоде. Сам Сталин, как и Робеспьер, был бессребреником. Руководитель одной из могущественнейших держав, ничем не ограниченный диктатор передал своим детям в наследство лишь ношеную шинель да пару стоптанных валенок. Однако подобное спартанство в номенклатурной среде просуществовало недолго. Сразу после кончины Сталина номенклатуре, правда, пришлось поволноваться ввиду угрозы прихода к власти самых близких сподвижников диктатора — Берии, Молотова, Кагановича... Эти люди вполне могли продолжить дело Сталина сталинскими методами.

После того как опасность была ликвидирована, Хрущев в своем докладе на XX съезде КПСС «разоблачил культ личности Сталина». В точном соответствии с нашей логикой это означало зарождение термидора.

«Либерализация», которую сейчас велеречиво приписывают Хрущеву, была довольно странной. Нужно быть очень своеобразным либералом, чтобы взять и одним махом урезать и без того скудные крестьянские подворья и поштучно ограничить количество крупного и мелкого скота в личном подсобном хозяйстве. Крестьянство окончательно лишили даже малейшего шанса стать средой многоукладной и рыночной, способной естественным экономическим путем дать стране буржуазию. Эта, выражаясь языком писателей-деревенщиков, «свирепая ненависть к крестьянству» была отнюдь не слепой и не случайной. Она была порождена не «наплевательским отношением чиновника к народу» и уж тем более не «волюнтаристскими ошибками» Хрущева. Так проявлялись корпоративные интересы номенклатуры — правящего класса, торящего дорогу термидору. Роль новой буржуазии даже ценой беспрецедентного в истории России хлебного импорта она отводила отнюдь не выходцам из буржуазообразующего крестьянства, а... самой себе.

То, что в России именуется хрущевской «оттепелью», на самом деле было не чем иным, как сменой формы, а главное — смысла диктатуры. Если якобинская диктатура Сталина носила отчетливый антитермидорианский характер, то бюрократическая диктатура его преемников имела уже прямо противоположные цели: обеспечить номенклатуре наиболее благоприятные условия для термидора. Для концентрации власти в деньги требовалось время.

Коррупция и казнокрадство — явления не новые. В демократическом обществе они сдерживаются периодической ротацией властной элиты и более или менее налаженной системой общественного и государственного контроля. При робеспьерской диктатуре Сталина тотальный государственный контроль был весьма эффективным средством обуздания корыстных аппетитов чиноаников, а ротация зачастую означала смертный приговор. В условиях послесталинской бюрократической диктатуры те же самые корыстные интересы, в сумме своей и составившие основу общности корпоративных интересов номенклатуры, приобрели характер и размах движущей силы развития советского общества. А уж после заявления Брежнева о «бережном отношении к кадрам», прозвучавшего как индульгенция на все виды коррупции, воровство и казнокрадство в номенклатурной среде приняли и вовсе повальный размах.

Годы застоя, отмеченные в истории нашей страны стагнацией в экономике и общественно-политической жизни, для номенклатуры оказались не только небесплодными, но стали ее звездным часом. Время от времени, правда, гремели скандалы: то «алмазное дело», то «икорное», то «елисеевское», но в жертву приносились мелкие сошки — для острастки, чтобы другие не «зарывались», и все шло своим чередом. Ясно, что именно в эти годы сложилось сотрудничество номенклатуры с мафиозными лидерами теневой экономики. Их интересы не просто пересекались, а были взаимосвязаны, взаимно дополняли друг друга и создали так знакомый нам по сегодняшним будням уголовный фон всей политической, экономической и социальной жизни на необозримых просторах бывшего СССР.

Накопление термидорианского потенциала в советской номенклатурной элите было тесно связано с внешнеполитическими факторами.

«Холодная война» вовсе не была борьбой двух систем — капитализма и социализма или демократии и тоталитаризма. Если перевести риторику того времени на язык геополитических и геостратегических понятий, то неизбежен вывод: столкнулись государственные интересы СССР и США, которые могли претендовать на доминирующую роль в мире. Соперничество двух сверхдержав было неизбежно. Точно так же, как неминуемым оказалось поражение Советского Союза в этой гонке за мировое лидерство. Исход «холодной войны» был предопределен тогда, когда советская номенклатура встала на путь термидора, когда в политической стратегии и практике заменила государственные интересы своими собственными, корпоративными. Отсюда и необъяснимо упрямая бескомпромиссность там, где согласие с соперником было вполне достижимо, и, напротив, заискивающая податливость, когда требовалась хотя бы демонстрация твердости и политической воли.

Отделаться от этой фальши было невозможно, иначе номенклатурной власти пришлось бы признать, что лишения, которые несет советский народ «во имя построения коммунизма», на самом деле — лишь жертвы на алтарь ее диктатуры.

Происходившие в советском обществе и в его элитной среде процессы нельзя рассматривать как результат какого-то заговора или происков агентов влияния, хотя на определенных этапах элементы сговора и координации действий, равно как и прозападное политическое лобби, несомненно, были. Заговор, по сути дела, был в этой ситуации излишним: сила и мощь корпоративных интересов делали термидор неизбежным.

К его завершению 18-миллионная Коммунистическая партия Советского Союза была чем угодно, только не партией. И хотя подавляющее число коммунистов были честными и порядочными людьми, искренне верившими, что они «строят социализм», ключевые посты в экономике и политике номенклатура вручила своим наиболее надежным ставленникам. Видеть в этих людях перерожденцев — значит очень сильно заблуждаться. Они всегда были такими, каковы сейчас. Ну посудите: можно ли представить себе более гротескные в своей нелепости словосочетания, чем «марксист Ельцин», «марксист Шеварднадзе», «марксист Алиев»?.. Все они оказались в нужный для номенклатуры момент в нужном месте и отведенные им роли сыграли на «бис!».

Некая театральность вообще присуща политической сцене. Сейчас смешно вспоминать пафос Ельцина на танке или Ростроповича в бронежилете с автоматом, Горбачева «в заточении» на форосском берегу... Все это было бы чистой воды водевилем, если бы не в общем-то случайная гибель троих ребят в сумятице перед московским Белым домом. Термидорианский переворот стал свершившимся фактом при поразительном на первый взгляд равнодушии подавляющего большинства россиян. Последнее обстоятельство невозможно объяснить ничем, кроме как мудрой проницательностью моих соотечественников, разглядевших или почувствовавших за всей выспренней риторикой тех дней вульгарный номенклатурный междусобойчик. Дележ Советского Союза по национально-номенклатурным уделам, ажиотажное растаскивание государственного богатства, расстрел здания Верховного Совета, чеченская бойня и многое другое, чем болела и продолжает мучиться страна, — только последствия термидора.

Определение «посткоммунистический» по отношению к нынешнему российскому режиму не только неточно или ошибочно. Оно ложно по сути, потому что коммунистического периода в новейшей истории нашей страны не было. Была якобинская диктатура советского Робеспьера — Сталина, которую сменила диктатура бюрократической элиты, а ту, в свою очередь, — осуществленный ею в своих же интересах номенклатурно-буржуазный термидор. Поэтому словечко «посткоммунистический» содержит исключительно камуфляжно-пропагандистский смысл подведения некой черты под прошлым.

***

Жизненно важно понять истинный смысл процесса, завершившегося в августе 91-го: революцией он был или термидором?

Смею утверждать: о революции не может быть и речи, хотя бы потому только, что революция — это всегда радикальная смена правящей элиты. В нашем случае этого-то как раз и не произошло. Напротив, номенклатурная элита, легализовав свои наворованные капиталы, подкрепила административную власть властью экономической, не понеся при этом никаких потерь. Даже те ее представители, которые, казалось, в августе 91-го все поставили на кон и проиграли, стали банкротами, сегодня заседают в правлениях банков и наблюдательных советах различных акционерных обществ. Они ничего не потеряли, скорее — приобрели, и если чем были в последние годы озабочены, так это укреплением нового режима.

Между тем поводов для беспокойства достаточно: ведь режим этот по самой своей природе не может быть стабильным. Как свидетельствует опыт истории (классический пример — та же Франция времен консульства), он имеет роковую склонность трансформироваться в диктатуру.

С точки зрения властной — теперь уже явно буржуазной — номенклатуры (или, если угодно, номенклатурной буржуазии), проблема заключается вовсе не в нейтрализации некоего демократического потенциала общества (во-первых, его не стоит переоценивать, а во-вторых, сил для его подавления и решимости их применить, как показали события октября 93-го, у властей хватит). Проблема — в характере самого российского термидорианства.

Во Франции времен революции, как и в других странах, переживших термидор, буржуазия была естественно сформировавшимся, динамично развивающимся классом. Не так — в России. Номенклатурная буржуазия — создание инкубаторское, а потому без поддержки — пока, во всяком случае, — абсолютно нежизнеспособное.

У номенклатуры, и во времена КПСС презиравшей народ и его политическое волеизъявление, не оказалось даже партии, способной представлять ее интересы. Все демгруппировки, близкие властям или им верные, — политические нежити, все — одноразового пользования. (Не случайно даты их рождения поразительно совпадают с началом той или иной предвыборной кампании). Причина не в бесталанности их лидеров, а в том, что номенклатурная среда, как и во времена КПСС, остается враждебной к демократии и давит ее тоталитарными методами.

Лишенная политического посредника в лице партии, номенклатурная буржуазия обречена постоянно оказываться один на один с собственным народом, у которого между тем накапливается к ней слишком много далеко не простых вопросов.

Клеймить ельцинский режим как «антинародный» вполне бессмысленно. В конце концов, он был не более антинароден, чем все предшествовавшие ему номенклатурные режимы: он их прямое термидорианское детище — плоть от плоти, кровь от крови. Поэтому пытаться разбудить в народе ностальгию по временам КПСС — значит сознательно загонять себя в угол, из которого уже не выбраться. У КПСС нет никакого наследия: «деньги партии» давно уже крутятся на счетах коммерческих банков, идеологические догмы (не путать с идеологией) настолько обветшали, что скорее отпугивают, чем привлекают.

Нет сомнений: номенклатура не задумываясь вернула бы страну к тоталитаризму, если бы не одна закавыка. Политической доминантой всех посттермидорианских диктатур непреложно становились интересы национальной буржуазии. Именно поэтому диктаторы имели ореол национальных лидеров.

Наша же термидорианская буржуазия (читай: номенклатура) и политически, и экономически, и финансово зависит от зарубежного влияния настолько, что о защите национальных интересов России не смеет, не хочет или уже просто не способна думать.

Французский термидор в конце концов породил Наполеона, которому удалось под знаменами своей гвардии объединить и крестьян Вандеи, и их бывших карателей — сторонников Робеспьера. Что вынашивает российский термидор? И уж если ему без диктатуры не обойтись, то где же сыскать такого Бонапарта, который бы по согласованию с Международным валютным фондом учинил бы окончательный разгром экономики собственной страны, загубил бы последние чахлые ростки сельскохозяйственного производства, подчинил бы собственную армию стратегическим установкам НАТО, да при этом пользовался бы поддержкой населения?

Дмитрий ФУРМАН,
доктор исторических наук

НЕ НАДО ЖДАТЬ НАПОЛЕОНА

Статья А. Анциферова написана человеком, мыслящим оригинально и самостоятельно, что бывает не так уж часто, придумавшим определенную концепцию, в которой много верного, хотя много, как мне кажется, очень сомнительного. И если бы эта статья была издана четыре года назад, когда была написана, а еще лучше — лет 7–8 назад, когда автору, очевидно, стали приходить в голову изложенные в ней мысли, ее бы можно было приветствовать как новое слово в осмыслении нашей реальности. К сожалению, как это очень часто бывает, то, что было бы очень ново и оригинально лет семь назад, как-то незаметно стало общим местом. Сейчас такие совершенно верные мысли, как подготовленность нашей революции (или как там ее называть) 1989–1993 годов всем предшествующим развитием советского общестаа и его номенклатурной элиты, номенклатурно-элитарный характер самой этой революции и установленного ей режима, можно встретить как нечто самоочевидное и общеизвестное у представителей самых разных политических сил — от коммунистов до Гайдара. Утверждать это сейчас — ломиться в открытую дверь. Статья в значительной мере устарела — и в этом нет вины автора, хотя его в какой-то мере можно упрекнуть в том, что он этого не видит. Эти мысли сейчас надо уже не отстаивать, а разрабатывать. Нужны исследования мобильности нашей элиты, в том числе и межгенерационной, социального генезиса новой буржуазии, характера ее реальных взаимоотношений с бюрократией, реальных механизмов политической власти и т. д. Все это нужно не только для подтверждения ставших уже банальными положений о трансформации коммунистической номенклатуры в капиталистических собственников и для того, чтобы пойти дальше, поставить новые вопросы. И все это тоже уже делается, хотя усилия, которые тратятся у нас на серьезную эмпирическую работу, совершенно не сопоставимы с усилиями, которые идут на философско-публицистические построения.

Если с идеями автора о номенклатуре и ее роли я не только согласен, но, можно сказать, изначально согласен, то целый ряд других его положений представляются мне ошибочными. Мне кажется, автор слишком увлекся поверхностными аналогиями событий российской истории XX века и французской конца XVIII.

То, что любая реаолюция проходит через какие-то общие этапы — очевидно. Любая революция подготавливается процессом накопления «революционного потенциала», раздражения и недовольства. Любая революция — быстрый и разрушительный «выход наружу» этого накопленного потенциала. И после любой революции естественным образом наступает период усталости, разочарования и ностальгии по дореволюционному прошлому.

Такой цикл мы действительно можем увидеть во всех революциях. И он дает осноаания для совершенно безошибочных предсказаний. Если вы видите революцию, вы можете спокойно предсказывать, что через какое-то время люди будут относиться к дореволюционным порядкам значительно лучше, чем в момент революции, и в той или иной степени ностальгировать по ним. Но такие предсказания, хотя и безошибочны, слишком общие. Это не предсказания конкретных форм и результатов революции. Попытки же более детально расписать ход одной революции на основании другой, искать аналоги тем или иным персонажам и событиям могут привести к самым ложным заключениям.

Первая французская революция, образы которой притягивают автора, — это, при всей своей масштабности и красочности, только одна из громадного числа разных революций, и мне представляется, что использовать ее в качестве модели оснований не больше, чем для того, чтобы взять за модель, скажем, иранскую революцию или китайскую. Ведь даже в самой Франции, в которой воздействие образов первого революционного цикла было, естественно, грандиозно, тем не менее следующие циклы были очень не похожи на первый. Где Робеспьер и Наполеон во французских революциях 1848 и 1870 годов? Наполеон Третий, конечно, тоже Наполеон, но уж очень непохожий на первого. Отдаленные аналоги могут быть обнаружены, но слишком серьезное и «буквальное» к ним отношение могло бы вести к самым ложным предсказаниям, которые куда больше сбивают с толку, чем если бы никаких аналогий вообще не проводилось. Представим себе, что какой-то наблюдатель был бы настолько заворожен формами первого французского цикла, что стал бы в 1870 году утверждать, что скоро во Франции придет к власти военный диктатор, который объявит себя императором, будет воевать со всем светом, а затем вернется монархия. Тем более опасно пытаться искать прямые аналоги формам первого французского революционного цикла в революциях, происходящих в совершенно других странах.

Сравнивать французскую и русскую реаолюции надо особенно «осторожно», ибо в нашей на целых 70 лет побеждает целостная квазирелигиозная идеология, что неизбежно придает всем этапам революции совершенно другую форму. Тоталитарная, основанная на догматической идеологии система имеет свою логику развития, совершенно не совпадающую с логикой революционного цикла, тем более с логикой одной из форм этого цикла — французской революции. В самом деле, кто такой Сталин? Чей он аналог? Робеспьера, как полагает автор? (Между прочим, Троцкий видел в сталинизме аналог термидора.) Но тогда чей аналог Ленин? Сталин — это далеко не только «якобинский» террор, это еще и человек, доведший до предела догматизацию марксистско-ленинской идеологии, и одновременно это человек, осуществивший аозрождение многих элементов дореволюционной идеологии и социальной жизни, а его деятельности есть явный элемент скрытой реставрации, контрреволюции, это — новый царь. Петр или Иаан Грозный. При желании вполне можно найти в нем и наполеоновские черты. Аналогия Сталина и Робеспьера представляется мне очень сомнительной и ничего не дающей для понимания и Робеспьера, и Сталина.

Также сомнительным кажется мне сопоставление термидора и нашего процесса 1989–1993 годов (или даже 1953–1993 годов). Было бы бессмысленно перечислять все различия этих процессоа и событий — они слишком общеизвестны и слишком очевидны, в том числе и для автора. Но при таких различиях, резко превосходящих по «весу» немногие аналогии (в термидоре элита избавилась от террора, который косил и ее, и в 1953 году элита избавилась от террора; после термидора она стала усиленно воровать и обогащаться, и после 1991 года наступила оргия воровства), очень трудно делать предсказания и ожидать Наполеона.

Еще одним важным недостатком статьи мне кажется смешение анализа и оценки. Если термидор, как полагает автор, закономерный этап революционного цикла, а ельцинская «револющия» и подготавлиаавший ее процесс — это термидор, то чего же его ругать? Почему надо выделять для порицания один этап цикла, а не цикл в целом? Россия действительно к концу XX века оказалась страной очень ослабленной. Но кто в этом виноват? Номенклатурщики-перерожденцы? Но их перерождение — закономерно, и его не было бы, если бы до их перерождения не было созидания их господства — при Ленине и Сталине. Тогда получается, что в теперешней слабости России виноваты не Хрущев — Брежнев — Горбачев — Ельцин, а еще более — Ленин и Сталин, «запустившие» цикл, закономерно приведший к номенклатурному перерождению и ельцинской «революции». И «холодная война» была проиграна не в результате термидорианского перерождения номенклатуры, а изначально, она просто не могла не быть проиграна, как не могло не быть и термидорианского перерождения.

Но можно пойти дальше и задать вопрос: кто виноват в победе Ленина и затем Сталина? Ведь не так же просто они выскочили как черт из табакерки? Значит, наши поиски виновных должны идти в глубь истории — к Николаю Второму, а может быть, аообще к «ошибкам» Петра Первого? Но такие поиски дальних виновных не менее несправедливы, чем поиски ближних. Революция была подготовлена всей нашей историей, всей нашей культурой, и если надо кого-то ругать, то только нас самих, саму культуру, породившую опустошительный революционный цикл XX аека. Но я не думаю, что такая ругань полезна. Мы — такие, какие есть, и для нас период становления нормального демократического общества (а в наше аремя демократическое — это нормальное) оказался крайне тяжелым, сопровождающимся упадком сил, как у отдельных индивидов крайне болезненным и опустошительным может быть период полового созревания. У одних народов этот период происходил раньше и менее болезненно, чем у нас, у других, как у тех же французов, раньше и в других формах, чем у нас, но не менее болезненно, а третьим, вполне возможно, еще предстоит пережить революционные «припадки». Мы тоже не совсем успокоились и не пришли окончательно к норме, но и не так уж далеки от нее, хотя и приходим к ней очень ослабленными бурными событиями прошлого.

Теперешняя слабость России, которая так болезненно воспринимается автором, — естественный итог нашего развития, результат в том числе и былого величия, которое не требовало чрезмерного напряжения сил. Во Франции при Наполеоне был пик французского могущества, как у нас был пик могущества при Сталине. Но такие «пики» не могут длиться бесконечно, после них неизбежно падение. И Франция сейчас далеко не держава, могущая диктовать свою волю миру, и уже никогда такой державой не будет. Не будем и мы. Но маленькая и скромная Франция нормально живет, избавиашись от революционных циклов и невротических сожалений об утраченном величии. И мы избавимся и будем нормально жить. И тем скорее будем нормально жить, чем скорее избавимся.

При оформлении статей А. Анциферова и Д. Фурмана использованы рисунки Павла Бунина.

Николай МАКАРОВ,
член-корреспондент РАН

ВРЕМЯ БУГРОВЩИКОВ

Грабители угрожают археологическому наследию России

Пожилой мужчина в валенках утаптывает снег вокруг самодельных лотков, на которых разложены диковинные вещицы из позеленевшей бронзы, монеты и наконечники стрел. Его странный товар, казалось бы, не выдерживает конкуренции с иконами и надраенными самоварами, громоздящимися на соседних прилавках. Мало кто из посетителей Измайловского рынка останавливается, чтобы повертеть в руках этот старый хлам. Фигура незадачливого торговца вызывает сочувствие. Но вот первый покупатель: серьезный, хорошо одетый господин берет с лотка полированный каменный топор и без колебаний передает чудаковатому антиквару изрядную сумму...

Не сразу поймешь, что скромный лоток на Измайловском рынке — одна из точек, к которым стягиваются длинные и разветвленные каналы грабительской археологии, сеть которой незаметно опутала в последние годы Россию. Вещи, лежащие на лотках, попали сюда из варварски разрушенных курганов и древних поселений. Ассортимент поражает воображение — на одном прилавке соседствуют средневековые украшения из Центральной России и уральское бронзовое литье, античные монеты из Крыма и бронзовые наконечники копий из Предкавказья, свинцовые печати из Новгорода и фибулы эпохи переселения народов из Южной России или Украины. Кто-то со знанием дела сумел составить из них подобие музейной экспозиции, представляющей целую панораму древних и средневековых культур Восточной Европы. Настало время сказать, что незаконные раскопки ведутся сегодня по всей стране, одиночками и бригадами кладоискателей, скромными старателями, работающими вручную и с применением самой разнообразной техники — от металлоискателей до бульдозеров. Грабительские раскопки становятся основной угрозой археологическому наследию России. Политические катаклизмы и экономические тяготы заслонили от нас трагическую картину массового разрушения археологических памятников, происходящего на наших глазах.

Практически каждый археолог имеет богатый опыт общения с грабителями и может рассказать детективные истории о своих встречах с ними. Поскольку ни одна организация в России не занимается сбором материала по этой проблеме и лишь ничтожная часть самовольных раскопок фиксируется государственными органами охраны памятников, личные наблюдения археологов оказываются единственным источником информации, позволяющим судить о масштабе и характере деятельности современных бугровщиков.

Мое знакомство с грабителями началось в далеком 1983 году, когда наша экспедиция вела раскопки курганной группы XI века, чудом уцелевшей на Белозерье, в низовьях реки Кемы, после сооружения Волго-Балтийской водной системы. Острый интерес к этому памятнику был обусловлен уже тем, что вокруг Белого озера нет других курганных могильников: средневековые жители этого края хоронили своих умерших в грунтовых могилах, не отмечая места захоронений земляными насыпями. Курганы могли появиться здесь лишь под воздействием культурных импульсов из центральных или северо-западных районов Руси или вместе с переселенцами из этих районов. Пробные раскопки нескольких насыпей окончательно убедили в том, что перед нами уникальный археологический объект. Среди погребенных преобладали мужчины, почти половина из них была погребена с боевым оружием и серебряными западно-европейскими монетами. Мечи и боевые топоры — редкие находки в древнерусских курганах XI века. Стало ясно, что Кемские курганы — не рядовой сельский могильник, а некрополь какой-то особой группы населения, значительную часть которой составляли воины. Считается, что русские дружинники были той частью общества, которая оказалась наиболее восприимчивой к христианским обычаям и первой отказалась от языческой практики сопровождать погребения бытовыми вещами и оружием. Но здесь, на Кеме, на далеких северных окраинах Древней Руси, языческие обычаи могли оказаться более стойкими, благодаря чему мы получили редкую возможность идентифицировать могильник дружинников.

Раскопки ставили перед нами десятки новых вопросов. Откуда пришли колонисты на Кему? Возможно ли уточнить дату их появления на Белозерье? Интересы каких древнерусских центров представляли дружинники в этом регионе? Как складывались их взаимоотношения с местным населением? Как были организованы военный контроль над водными путями Белозерья и сбор налогов? Мы не спешили давать ответы на эти вопросы, полагая, что для полных раскопок могильника понадобится два-три года. Ведь археолог, имеющий дело с уникальным объектом, не должен торопиться. Чем тщательнее ведется расчистка, чем точнее зафиксированы на планах и фотографиях детали погребального обряда и местоположение вещей, чем аккуратнее отобраны пробы и образцы для разнообразных анализов, которые используются в современной археологии, тем полнее и объемнее исторические реконструкции, ради которых, собственно, и ведутся раскопки. Добавлю, что развернуть работу большой экспедиции вдали от жилья, среди болот и разливов Кемы, куда можно было добраться лишь на моторной лодке и где хватало места лишь для десятка палаток, было практически невозможно.

Приехав на Кему на третий год, мы увидели, что все двадцать неисследованных насыпей, примерно половина могильника, раскопки которой планировалось провести в новом сезоне, прорезаны узкими и глубокими траншеями, из которых торчали кости. Неизвестный раскопщик был смышлен и наблюдателен. Зная, что средневековые могильные ямы ориентированы в направлении запад — восток, он закладывал траншею в направлении север — юг и безошибочно выходил на захоронение. После этого он выкапывал узкий и глубокий подбой, идущий вдоль костяка, снимал с него все украшения и предметы, казавшиеся ценными или любопытными, оставляя на месте перевернутые кости, гвозди от гробовищ и малоинтересные, с его точки зрения, вещи — ножи, бусы и т. п. Так мог действовать человек, имевший некоторое представление о раскопках и внутреннем устройстве курганных насыпей. Мы перебрали в памяти посетителей наших раскопок: любознательных сплавщиков и рабочих из местных леспромхозов, чаливших свои лодки рядом с палатками. После недолгого «расследования» удалось установить личность раскопщика. Это был молодой парень из сплавного поселка, книгочей и любитель древностей, временами привозивший в наш лагерь хлеб и сигареты. Найти грабителя и получить добытые им вещи оказалось невозможным. К моменту нашего возвращения на Кему он уже служил на Северном флоте, а после службы в поселок не вернулся. Местная милиция не хотела принимать от нас заявление по факту уничтожения археологического памятника. Родственники раскопщика уверяли, что не знают, где спрятаны вещи.

Попытаемся оценить потери, понесенные в результате грабительских раскопок Кемских курганов. Половина могильника на Кеме была раскопана нашей экспедицией, поэтому мы можем предполагать, что в оставшейся половине было примерно столько же вещей, вероятно, аналогичных типов. Музейные хранилища недосчитались нескольких парадных боевых топоров с серебряной инкрустацией (всего в России их найдено не более десятка) и около сотни западно-европейских денариев. Но еще более трагична потеря исторической информации об интереснейших событиях, связанных с колонизацией Белозерья и установлением контроля над водными путями Севера. В итоге мы так и не смогли реконструировать состав военного отряда, не смогли выяснить, откуда пришли дружинники на Кему, оказались не в состоянии ответить на вопрос: интересы какого центра — Новгорода или Ростова — они представляли на Севере? Мы лишились возможности пополнить наши знания о быте и культуре русской дружины XI века.

Я вновь столкнулся с грабительскими раскопками на Севере десять лет спустя, во времена экономических реформ, когда у причалов на Волгобалте бойко развернулась торговля иконами, прялками и поделками кустарей. На пристани Горицы, рядом с Воскресенским Горицким монастырем, неподалеку от Кириллова, я заметил среди этого товара бронзовые кресты-тельники XVI–XVII веков с характерной патиной, часто встречающейся на металлических вещах из раскопок. Происхождение этих предметов стало понятно, когда мы приступили к обследованию одного из островов в Горицком разливе Волгобалта, где когда-то находился Никитский монастырь «Никита святой на Шексне», основанный, очевидно, в ту же эпоху, что и Кирилло-Белозерский, но впоследствии захиревший и превращенный в центр сельского прихода. Склоны холма, на котором когда-то стоял монастырь, вызывали в памяти известную картину Верещагина: они были усеяны человеческими костями и черепами, россыпью лежавшими у подножия. Вершина холма была практически срыта. Раскопщики методично прорезали траншеями старое кладбище, собирали кресты-тельники и монеты XVII–XIX веков и без всякого стеснения выбрасывали кости к подножию холма, чтобы они не путались под руками при поисках мелких вещиц. К моменту нашего появления на острове от старого кладбища Никитского монастыря уже мало что осталось, и гробокопатели перебрались на соседний погост, хорошо известный историкам по упоминанию в духовной грамоте Дми-

Образцы товара, продаваемого на Измайловском рынке. Рядом с этими коробами и горшками разложены находки бугровщиков.

трия Ивановича Донского. Признаюсь, что угнетающее впечатление на меня произвела не столько утрата двух средневековых погостов, сколько варварское разрушение местными уроженцами кладбищ, на которых, вероятно, были погребены их отцы и деды, и отсутствие какой-либо реакции на это со стороны остальных жителей окрестных деревень. Впечатлял и размах незаконных раскопок: грабители перестали прятаться и были уверены в своей безнаказанности. Наконец, в отличие от начала 80-х совершенно очевиден был коммерческий характер проекта. Кресты добывались не для пополнения личных коллекций, а для продажи на ближайшем сувенирном лотке.

Но в полной мере оценить размах грабительской деятельности на Севере мы смогли, столкнувшись со старателями на территории летописного города Белоозера. Тем, кто немного интересуется средневековой археологией, вероятно, известно, что древнее Белоозеро, один из старейших центров русской государственности и культуры на Севере, сильно пострадало при создании Волго-Балтийской водной системы. Примерно половина средневекового города оказалась скрытой под водой. Интенсивное разрушение культурного слоя на береговой линии заметно облегчило незаконную добычу древностей. Несколько десятилетий сбор средневековых вещей на Белоозере вели главным образом чудаковатые коллекционеры, охотно показывавшие свои сокровища археологам, а иногда передававшие находки в музеи. Ситуация изменилась в середине 90-х, когда Белоозеро стало местом промысла товаров для антикварного рынка. Сегодня, приехав на Старый город, вы увидите сплошной отвал из перемешанного культурного слоя и пережженных печных камней, тянущийся вдоль берега Шексны примерно на километр. Это результат работы старателей из Белозерска, Череповца, Петербурга и Москвы, в том числе «межрегиональных бригад», включающих местных жителей, досконально знающих топографию памятника, и петербургских «интеллектуалов», хорошо разбирающихся в средневековых вещах. В последние годы наши столкновения с грабителями на Белоозере стали регулярными. Среди трофеев экспедиции несколько металлических драг, используемых ими для промывки земли и сбора мелких находок. Один из главных объектов поиска — актовые печати XI–XIII веков.

Тут уместно сказать, что, хотя Белоозеро являлось в X–XIII веках крупнейшим центром колонизации северных окраин, нам досадно мало известно о его политической истории вплоть до времени выделения Белозерского княжества из владений ростовских князей в 1238 году. Очевидно, что, по крайней мере, с конца XI века Белоозеро входило в состав Ростово-Суздальского княжества, однако летопись практически ничего не сообщает ни о статусе этой территории, ни о характере управления ею. Некоторые данные указывают как будто бы на существование тесных политических связей между Новгородом и Белоозером в более ранний период. Само географическое положение ростовского Белоозера, вклинившегося между новгородскими землями на западе (Молога, Приладожье, Обонежье) и на востоке (Вологда, Вага), — косвенное свидетельство острого политического соперничества Новгорода и Ростова на этих территориях. Прояснить многое в этих вопросах могли бы актовые печати, найденные на территории Старого города. Их обнаружено здесь около тридцати — больше, чем в любом другом городе Северо-Восточной Руси, но меньше, чем необходимо для полноценного изучения местных властных институтов и владельческой принадлежности белозерских земель. На Белоозере найдены печати редких типов, в том числе неизвестных по находкам из других древнерусских городов. Однако перспектива увеличения коллекции — и соответственно получения более полной информации — становится все более проблематичной. Печати из Белоозера все реже попадают теперь в руки археологов и все чаще — на черный рынок.

Пойман за руку...

За два последних года я и мои коллеги объехали несколько десятков известных средневековых памятников в центральных и северных районах Европейской России и почти не встретили объектов без свежих кладоискательских ям. Отвалы желтого песка с перемешанными костями, бусами и керамикой громоздятся на склонах величественных сопок IX–X веков в окрестностях Бежецка и в верховьях Меты. Глубокие траншеи избороздили площадки рязанско-окских могильников — некрополей финно-угорского населения бассейна Оки, известных своим богатым набором женских украшений. На лотках Измайловского рынка продаются дирхемы из клада, добытого грабителями на городище Выжегша во Владимирской области.

Мои коллеги, работающие на Юге России, могли бы немало добавить к этим рассказам, указав, что с наибольшим размахом грабительские раскопки ведутся на античных и скифских памятниках. Это действительно так. Специфика и драматизм ситуации на Севере заключается в том, что богатых находками археологических памятников здесь несравненно меньше, а размеры их часто небольшие. Полное уничтожение этих памятников силами кладоискателей — вполне реальная перспектива.

Те, кто считает, что проблема грабительской археологии не заслуживает особого внимания, наверняка скажут, что история кладоискательских раскопок в России насчитывает не одну сотню лет. Это действительно так. На память приходят сибирские бугровщики XVIII века, сделавшие своей профессией добычу золотых украшений в курганах скифского времени на Алтае, или торговцы античными древностями, широко развернувшие в XIX столетии свой промысел в Крыму. Можно вспомнить самовольные раскопки средневековых курганов, производившиеся помещиками и крестьянами в самых разных местах Европейской России во второй половине прошлого века, когда для проведения подобных работ уже требовалось специальное разрешение, выдававшееся Императорской археологической комиссией. В парке усадьбы Михайловское вам покажут остатки курганов, раскопанных любознательным сыном Александра Сергеевича Пушкина, разумеется, самовольно и без составления каких-либо научных отчетов. Так, может быть, не стоит излишне драматизировать современное кладоискательство?

Я не могу принять этот тезис, поскольку современный бум грабительской археологии беспрецедентен по своим масштабам, по своей географии, по своей нацеленности на все типы памятников и категории древностей. Технический и интеллектуальный потенциал современного общества (в том числе, к сожалению, и научные знания о памятниках археологии, вполне доступные всем, включая кладоискателей) ставит грабителей в положение, совершенно несопоставимое с положением их предшественников в прошлом веке.

Взрыв кладоискательства в современной России породило парадоксальное сочетание трех обстоятельств.

Первое из них — бурный рост общественного интереса к истории вообще и к древности в частности, проявляющийся подчас в самых неожиданных формах. Побудительными мотивами грабительской археологии всегда были не только корысть, но и романтический интерес к древности, таинственное стремление прикоснуться к священным камням, овеянным памятью далекого прошлого. Нам неприятно признать, что массовое появление на книжных прилавках популярных книг по истории, возвращение утраченных или упраздненных национальных символов и традиций и кладоискательская археология — явления, связанные между собой. Тем не менее эта связь очевидна. Нет ничего удивительного в том, что в обществе, провозгласившем в конце 80-х возвращение «подлинного» исторического знания, ранее скрытого или намеренно искаженного, нашлись сотни энтузиастов, готовых добыть сокровенное знание с помощью заступа, стремящихся получить в собственное владение исторические реликвии своего отечества.

Второе обстоятельство, безусловно, становление рыночной экономики, в том числе рынка древностей. В новой ситуации древние вещи стали экзотическим товаром, обращение которого практически не регулируется.

Третье обстоятельство — появление мощных и высокочувствительных металлоискателей, открывших необозримые перспективы для сбора древних вещей на археологических памятниках. Без преувеличения можно сказать, что использование металлодетекторов произвело революцию в практике грабительской археологии. Раньше в поле зрения грабителей были в основном древние и средневековые захоронения, сравнительно легко обнаруживаемые благодаря наличию надмогильных памятников. Вести грабительские раскопки на средневековом поселении не имело смысла: в поисках эффектных находок старателям пришлось бы работать вслепую — переворачивать горы земли без всякой гарантии на успех. Теперь, вооружившись металлодетекторами, они могут вести эффективный и осмысленный сбор древностей, не требующий больших затрат физического труда.

Когда-нибудь волна кладоискательской археологии спадет сама, оставив нам отвалы и котлованы на местах разрушенных памятников. У археологов и тогда останутся материалы для исследования. Исследовав кости погребенных, гвозди от гробов, конструкцию могильных ям и насыпей в разрушенных курганах на Кеме — все то, что не представляло никакого интереса для грабителей, — мы смогли получить немало существенной информации. Подобные объекты наверняка предстоит изучать и в будущем. Следует ли из этого, что мы ничего не можем сделать с вакханалией кладоискательства и должны безучастно ждать перемены обстоятельств?

Рецепты борьбы с грабительской археологией достаточно просты. Разумеется, мы не сможем приставить сторожа к каждому кургану и городищу. Однако ничто не мешает запретить торговлю археологическими древностями и использование частными лицами металлодетекторов для сбора древних вещей. Опознать археологические древности, добытые путем раскопок, на прилавках антикваров не составит особого труда, как не составит труда и поиски прилавков, на которых они разложены. Совершенно непонятна нынешняя терпимость государственных органов охраны памятников и правоохранительных структур к торговле вещами, добытыми противозаконными способами. Насколько мне известно, по факту такой торговли не возбуждено ни одного уголовного дела. Разумеется, совершенно необходимо незамедлительно дополнить Закон об охране историко-культурного наследия специальной поправкой, запрещающей несанкционированное использование металлоискателей на археологических памятниках. Отсутствие соответствующих законодательных норм (имеющихся в законодательстве большинства европейских стран) позволяет сегодня любому гражданину беспрепятственно бродить по местам древних поселений, постепенно очищая их от самых ценных вещей.

Но, может быть, еще более важно расстаться с расхожим мнением о том, что грабительские раскопки — невинная шалость, вполне простительная в свободном обществе. Хотелось бы верить, что, прочтя эти заметки, хоть кто-нибудь из старателей навсегда уберет в чулан драгу, заступ и металлоискатель.

При оформлении статьи использованы фотографии Альберта Багаутдинова.

В настоящее время проект Закона Российской Федерации об археологическом наследии находится в стадии активного обсуждения и согласования. Может ли этот закон дать отсутствовавшую до сего дня юридическую основу для борьбы с варварами-кладоискателями? Почему закон не принят до сих пор? С этими вопросами мы обратились к главному разработчику проекта Закона об археологическом наследии, члену-корреспонденту РАН, начальнику Отдела полевых исследований Института археологии РАН Валентину Васильевичу СЕДОВУ.

— Главная идея предлагаемого проекта Закона состоит в переходе к профессиональной охране и учету археологических памятников. Предлагается комплекс мер, включающих регулярную профессиональную аттестацию людей, занимающихся охраной археологического наследия, обязательную постановку на учет археологических объектов. Такие меры соответствуют Международной хартии по археологическому наследию и Международной конвенции об охране археологического наследия.

Сейчас охрана археологических памятников в нашей стране сосредоточена в руках Министерства культуры. Оно относится к этой проблеме, к сожалению, с подчеркнутым равнодушием. Очень часто ставки археологов в инспекциях по охране памятников ликвидируются при сокращении штатов. Еще чаще эти должности занимают некомпетентные люди — заслуженные строители, бывшие комсомольские аппаратчики или работники рыбхоза. Стремясь избежать лишней головной боли, областные и краевые инспекции десятилетиями не ставят на учет вновь открываемые археологические памятники. Это приводит к чудовищной ситуации, когда публикации археологов о новейших открытиях становятся хорошей подсказкой грабителям, где можно хорошо и, главное, безнаказанно поживиться древностями. Согласно проекту закона инспекция обязана поставить новый археологический памятник на учет в течение года с момента открытия, а аттестация инспекторов будет сосредоточена в руках археологов-профессионалов.

К сожалению, именно позиция Министерства культуры на сегодняшний день является главным препятствием к принятию закона. Министерство затягивает процедуру согласования проекта Закона об археологическом наследии. В качестве официального предлога для проволочек выдвигается тезис о том, что наш закон должен приниматься после вступления в силу нового Федерального закона об охране памятников. Большие споры вызывает раздел, посвященный ответственности за разрушение археологических памятников (в том числе и по отношению к грабителям археологического наследия). Меры, предложенные в нашем проекте, требуют внесения изменений в Уголовный и Административный кодексы.

Российская академия наук поддержала проект Закона об археологическом наследии, но она не имеет права законодательной инициативы. Поэтому в соответствии с действующими правилами мы вынуждены действовать через упомянутое выше министерство. После недавнего обсуждения проекта закона на заседании Президиума РАН президент Академии академик Ю. С. Осипов собирается поставить вопрос в Правительстве РФ о скорейшем вынесении закона на обсуждение Федерального Собрания России.

СЕМЕЙНЫЕ ССОРЫ

Газеты сообщают об очередной кампании дерусификации на Украине. Проходит она болезненно, но сопротивления со стороны русскоязычного населения (а это половина населения Украины!) не вызывает: его хорошо вышколили большевики еще в 20-е — первой половине 30-х годов, когда проводили украинизацию. Люди моего поколения помнят, как тогда было модно пинать все русское даже в Москве. Например, в 1930 году ученый-марксист М. Н. Покровский утверждал, что в жилах великороссов течет 80 процентов крови инородцев. (Почему именно 80, а не больше или меньше, Покровский не поясняет). Он имел в виду, очевидно, тот факт, что русский язык усвоил около 60 финских слов. Это унизительно для русских?

Н. Бердяев писал, что всякий национализм «не только аморален, но всегда глуп и смешон».

Несколько лет тому назад по украинским газетам, журналам, даже книгам бурей промчалось сообщение, будто по улицам Москвы бродят толпы полуголодных людей с плакатами: «Борис, заставь хохлов накормить Москву!». Даже известный украинский писатель Роман Иванчук в открытом письме ко мне в львовском журнале «Дзвiн» в сентябре 1995 года напомнил мне эту историю (с. 144). Двумя годами ранее в книге «Благослови, душе моя, Господа» на с. 65 он о таких демонстрациях рассказывает несколько иными словами.

Украинскому писателю известно, что экономическое положение Украины более тяжелое, чем России, тысячи украинцев выезжают в Россию на заработки, в том числе и его родной племянник. И он знает, что я это знаю...

Самые ожесточенные ссоры — это ссоры семейные. Наши братья русичи, русины, малороссы в XX веке окончательно усвоили наименование украинцы и никак не могут простить москалям, что те со времен Киевской Руси всегда называли себя только русскими и никак иначе.

Умеренных (поміркованих) среди украинцев большинство, но, как всегда и везде, верх берут крайние. Не проникая в глубь народную, распря между двумя славянскими государствами может привести к тому, что кто-то третий будет радоваться. Уже сейчас крымские татары на митингах жгут манифест Екатерины II о присоединении Крыма к России, а турецкие СМИ предсказывают, что в XXI веке Турция вернется в Крым, как она уже вернулась на Кипр.

Павел НЕГРЕТОВ

Воркута

ДОЛЖНА ЛИ БЫТЬ «МОВА» ДЕРЖАВНОЙ

Я в течение многих лет (с 1990 года — точно) являюсь подписчиком вашего журнала. Он был мне интересен и до декабря 1991 года, а после — и подавно. Восьмой номер за 1999 год полностью посвящен Украине и истории отношений России и Украины. И тем не менее самое главное Вы по какой-то причине не сказали.

Все дело в том, что само по себе возникновение Украины как «суверенного» государства является прямым ответом ЦК КПУ на провал путча в августе 1991 года. Не было ни октября 1993 года, ни августа 1998-го, ни Чечни. Но зрелище Ельцина на танке и толпы перед зданием ЦК на Старой площади могло повергнуть в шок любого коммуниста, даже такого твердокаменного, как Л. М. Кравчук. Поэтому, по моему глубокому убеждению, главная цель, стоявшая перед украинскими коммунистами в августе 1991 года, — сохранить «развитой социализм» в неприкосновенности хотя бы в пределах Украины, если уже в Союзе вышла промашка. Я родился и прожил часть жизни в С.-Петербурге (тогда еще Ленинграде), а со старших школьных лет живу в Харькове. Поэтому, мне кажется, у меня есть все основания сравнивать тогдашние (застойные) режимы России и Украины.

Вывод мой таков: украинская власть всегда была жестче, чем среднестатистическая союзная. Недаром еще с давних пор по Украине ходила присказка о том, что, «когда в Москве стригут ногти — в Киеве рубят пальцы». Если в России после августа 1991 года были хотя бы иллюзии демократии, то на Украине их не было никогда. А вся политика Украины по отношению к России с того времени и по сию пору — это своего рода месть за август 91-го и пережитый страх. Такая «принципиальная» неприязнь украинского руководства к России и вызвала самую серьезную гуманитарную проблему нынешней Украины — проблему русского языка.

С моей точки зрения, от решения проблемы русского языка зависит, какая Украина вступит в третье тысячелетие: будет ли хотя бы какое-то движение в сторону демократии или Украина останется закрытым государством. Полиэтничность не привела Швейцарию, с ее четырьмя официальными языками — немецким, французским, итальянским и ретороманским, Финляндию, где шведский язык — второй официальный язык страны, помимо финского, Бельгию, состоящую из фламандцев и валлонов, к распаду. Более того, все эти государства живут намного лучше Украины.

Но дело даже не в этом. Меня больше всего удивляет другое: все делают вид, что не понимают, что вопрос русского языка — это вопрос ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.

Причем речь идет именно об уважении прав КАЖДОГО ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, то есть создание всем гражданам равной возможности для самореализации — в том числе при получении образования, работы, продвижения по службе, в полном исключении какой бы то ни было дискриминации. Элементарный здравый смысл подсказывает, что в условиях Украины должно было бы быть два государственных языка — русский и украинский. Необходимо, на мой взгляд, или вообще убрать из Конституции упоминание о «державной мове», или придать «державный» характер и русскому языку наравне с украинским.

«Уравнивание» русского языка — это не реверанс в сторону России, как думают некоторые, а элементарное уважение прав собственных граждан. Неужели Украина считает нас не сыновьями, а пасынками? Если это так, то и мы будем считать ее не матерью, а мачехой.

Е. А. Щеголь

Харьков

Комментарий редакции

РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ

Таких писем в сегодняшней читательской почте «Родины» немало. Приходят они как с Украины, так и из самых отдаленных уголков России — едва ли не в каждой российской семье есть родственники-украинцы или друзья, родные, знакомые, живущие на Украине. И большинство писем затрагивает именно эту тему — «языковую», пожалуй, самую болезненную из всех тем и проблем российско-украинских отношений. На десятом году независимости эта проблема действительно превратилась в одну из острейших в украинском обществе. И она не может не тревожить общество российское, ведь речь идет о судьбе родного языка и судьбе соотечественников. Фактический и юридический статус русского языка значительно отличаются. Согласно статье 10 Украинской конституции, единственным государственным языком в стране объявляется украинский, а русскому и другим языкам «национальных меньшинств» гарантировано свободное развитие.

В наши дни языковая проблема вновь стала актуальной. 14 декабря прошлого года Конституционный суд Украины разъяснил, что украинский язык объявляется «обязательным средством общения на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также в других публичных сферах общественной жизни». Украинский провозглашается также обязательным языком обучения во всех дошкольных, общих средних, профессионально-технических и высших государственных учебных заведениях страны, а применение и изучение всех других языков, включая русский, носит разрешительный характер.

Российский МИД и уполномоченный по правам человека в Российской Федерации выразили серьезную озабоченность по поводу этого решения.

Как же на самом деле обстоит дело с двумя братскими языками на родине Гоголя и Булгакова? Законодательная база пока что весьма неопределенна. Кроме упомянутых статьи конституции и решения Конституционного суда, до сих пор действует Закон о языках в Украинской ССР, принятый еще в 1989 году. Все попытки академика Мыколы Жулинского, ныне вице-премьера правительства Украины по гуманитарным вопросам, принять новый закон о языках не увенчались пока успехом. Не исключено, что со временем такой закон появится, равно как и будут внесены изменения в законы, регулирующие деятельность СМИ и издательское дело. Сам г-н Жулинский горестно констатирует, что против «русского телевидения» и «русских книг» Украине бороться очень сложно. Вводить дискриминационные меры запрещает конституция, не поможет даже освобождение издательского дела от налогов, поскольку в этом случае книг, газет и журналов на русском языке станут издавать еще больше. По мнению академика, защищать надо не русский язык, а... украинский. Печать на украинском языке в большинстве украинских регионов пользуется гораздо меньшей популярностью по сравнению с русскоязычной, и поделать с этим ничего нельзя. Не устраивает вице-премьера Жулинского и местный рынок поп-культуры: «Ведь артисты, которые приезжают к нам, в основном раскручиваются русским телевидением». При этом хорошо известно, что значительная часть этих «звезд» родом с Украины. Получается, что Татьяна Овсиенко и Наташа Королева, приезжая на историческую родину, насаждают там «чуждую культуру». Бороться с их творчеством вряд ли возможно. Еще фантастичнее звучат разговоры о «дерусификации» украинского спорта. Большинство лучших спортсменов и тренеров, включая Андрея Шевченко и Валерия Лобановского, «рідну мову» отлично понимают, но не говорят на ней. Заставить того же футболиста Шевченко, проданного в «Милан» за 25 миллионов долларов, говорить по-украински не сможет уже никто.

Высшие руководители Украины высказываются о языковой проблеме более взвешенно. Выступая в феврале 2000 года в Харькове, премьер-министр Виктор Ющенко заявил, что «никаких постановлений о дерусификации правительство Украины не готовит». По мнению премьера, «мы демонстрируем уникальную лояльность к развитию альтернативных языков. Я не заставлю силой говорить кого-то на украинском языке, чтобы он потом возненавидел этот язык».

Однако правильные слова Ющенко не всегда находят подтверждение в реальной жизни. Сфера образования предоставляет множество примеров того, как детей заставляют разговаривать на государственном языке именно силой. Сначала немного статистики с той и с другой стороны. Нина Карпачева, уполномоченный Верховной Рады Украины по правам человека, в ответе на заявление своего российского коллеги Олега Миронова подчеркивает: «Для удовлетворения культурно-языковых нужд русскоговорящих граждан в Украине действует более 3000 детских дошкольных учреждений, около 5000 государственных общеобразовательных школ. Специалистов по русскому языку и литературе в Украине готовят 11 университетов и 20 désinститутов. На русском языке в Украине обучаются более 0,5 млн студентов, или 57 процентов от общей численности... На книжном рынке русскоязычная литература составляет около 90 процентов... В то же время для удовлетворения культурно-языковых нужд миллионов украинцев в России не создано ни единого государственного дошкольного или учебного заведения, ни единого театра, библиотеки, газеты, журнала, теле- и радиопрограммы» (Киевские ведомости. 2000. 28 февраля). С точки зрения «количественного охвата» выглядит впечатляюще. Но вот цифры иного свойства: «В Одессе, где около 800 тысяч (72 процента жителей) родным языком считают русский, число русскоязычных заведений, по официальным данным, сократилось с 75 процентов в 1996/97 учебном году до 36 процентов в следующем учебном году. По статистическим данным Министерства образования Украины, в Киеве за 10 последних лет (с 1989 по 1998 год) количество русских школ сократилось со 155 до 16 и составило менее 5 процентов от общего числа... В трех областях (Тернопольская, Ровенская и Киевская) полностью закрыты школы с русским языком обучения» (Независимая газета. 2000. 23 февраля).

Получается следующая картина. За годы независимости русская языковая среда сохранилась практически полностью. Не удалось украинизировать ни восток, ни юг Украины, ни Киев и тем более Крым. Но ребенку, выросшему в русскоговорящей семье и на русскоговорящей улице, волей-неволей приходится идти в украинскую школу. С одноклассниками на переменах он опять же общается по-русски. Обучение облегченное: русская классика изучается в курсе зарубежной литературы. «Войну и мир» и «Евгения Онегина» можно не читать. Стоит ли после этого удивляться падению духовности и засилью «низкопробной массовой культуры»?

У каждого в этой истории своя правда. Придать русскому языку государственный статус украинские власти не могут с точки зрения национального престижа. Провести в большом объеме «дерусификацию» также весьма затруднительно. Вряд ли чем-то помогут и жесткие заявления из Москвы — их очень просто выдать за «вмешательство во внутренние дела дружеской державы», как это делает г-жа Карпачева. «Независимая газета» усматривает в языковом вопросе «последовательную политику русофобии, которая настойчиво насаждается верховной властью и частью интеллектуальной элиты». На самом деле последовательной политики нет и в помине, есть стремление молодого независимого государства обрести свою национальную идентичность в «русском мире».

На высшем государственном уровне начала «украинизации» проводятся в жизнь противоречиво и осторожно, русофобия же процветает на уровне «правых» и «правоцентристских» политических течений. Вот только несколько сообщений украинских газет (они вполне типичны для современной украинской ситуации). Львовская областная организация Конгресса украинских националистов (КУН) объявила о начале борьбы против продажи на книжных развалах Львова литературы на русском языке. А лидер молодежной организации КУН во Львове Владимир Мороз намерен бороться за то, чтобы в местном эфире «Нашего радио» не осталось ни единой русской песни. От имени своих организаций Василий Гей (Союз писателей), Владимир Денисюк (общество «Украина-мир») и Владимир Баран («Просвіта») опубликовали открытое письмо на имя вице-премьера Жулинского и председателя Госкоминформации Ивана Драча. Деятели культуры убеждены, что «антиконституционное двуязычие, которое сейчас активно утверждается многими СМИ в Украине, особенно телеканалами «Интер» и «1+1», — это позорное явление для независимого государства». Те же деятели предложили восстановить в паспортах запись о национальности граждан. А ивано-франковское городское объединение правоцентристских партий и организаций считает, что с экранов телевизоров исчезают украинский язык и духовность. Например, «вульгарная программа «СВ-1000» с участием А. Данилко, или так называемой Верки Сердючки, стала позором для украинского народа». А передача для малышей «Вечірня казка» вообще превратилась в «низкопробный водевиль без малейшего воспитательного содержания». Вывод отсюда один — обеспечить статус украинского языка как государственного во всех сферах, провести кадровые изменения в национальных СМИ и законодательно ограничить влияние иностранных государств на духовную, социальную и политическую жизнь Украины.

Итак, проблема языка пока что находится на уровне ожесточенных политических дебатов. Массовых конфликтов «на языково-культурной почве», по словам главного украинского борца за права человека Нины Карпачевой, еще не было. Но борьба львовских радикалов против российской эстрады уже обернулась побоищем. И это не может не тревожить — вслед за русскими, как это уже не раз бывало во Львове, вспомнят о других «вечных врагах» — поляках, евреях, цыганах... Будем надеяться, что до повальных погромов на культурно-языковой почве дело не дойдет. На Украине множество здравомыслящих людей. Их мнение выразила, в частности, газета «Киевские ведомости»: «Стоило побывать на киевском концерте российской группы «Любэ», дабы убедиться: никакие запретительные меры относительно русского языка не помогут продвижению языка украинского в массы. Это долгая созидательная работа, прежде всего среди детей и молодежи, на которую у ура-патриотов, к сожалению, не хватает ни терпения, ни такта».

Олег РАФАЛЬСКИЙ,
кандидат исторических наук

Крапленая карта

Нацменьшинства в этнополитических играх 1920–1930-х годов

Нынешние дискуссии о языке на Украине многим напоминают об «украинизации», проводимой советской властью в 20-е — начале 30-х годов. О сути самой этой политики «Родина» уже писала (см.: статья Станислава Кульчицкого. 1999. № 8). Сегодня мы публикуем материал известного украинского исследователя, дающий представление о том, как жилось в эпоху «украинизации» неукраинцам.

Как известно, национальный вопрос для большевиков всегда был делом второстепенным, он всецело подчинялся их стратегическим целям: идее мировой революции, объединению всемирного пролетариата, строительству нового общества. Как отмечал на XII съезде РКП(б) Христиан Раковский, вся национальная политика партии, связанная с созданием УССР, рассматривалась большевиками Украины как «стратегическая дипломатическая игра»[1]. В эту игру были активно втянуты и национальные меньшинства в качестве противовеса украинскому самостийному движению. Объявленная в 1923 году программа «коренизации» преследовала прежде всего цель склонить украинцев и представителей иных наций на сторону советской власти.

В этих планах нацменьшинствам отводилась роль «крапленой карты». В своих стратегических проектах большевики предполагали слияние наций, и все разговоры о «равноправном развитии» и «удовлетворении национально-культурных потребностей» расценивались как временная тактическая уловка.

По данным Всесоюзной переписи населения, проведенной в декабре 1926 года, украинцы составляли 80,1% населения УССР (23 219 тыс. из около 29 млн). В Украине также проживали 2677 тыс. русских (9,2%), 1574 тыс. евреев (5,4%), 476 тыс. поляков (1,6%), 393,9 тыс. немцев (1,3%), 258 тыс. молдаван (0,8%), 105 тыс. греков (0,3%), 92 тыс. болгар (0,3%), 76 тыс. белорусов (0,2%) и другие[2]. Надо учитывать, что при проведении переписи были допущены серьезные погрешности, а часть населения к тому времени еще не определилась со своей национальностью. Большинство представителей национальных меньшинств (за исключением русских, евреев и белорусов) проживали в сельской местности.

Статус «нацменов» определялся Конституцией УССР, окончательный вариант которой был принят в мае 1929 года. Статья 19 провозглашала независимость прав граждан от национальной принадлежности и признавала несовместимым с основным законом республики какие-либо ограничения в отношении национальных меньшинств. В местах «компактного проживания национальных меньшинств» в соответствии с постановлениями высших органов власти разрешалось создавать административно-территориальные единицы. Конституция не признавала понятия «государственный язык», акцентируя внимание на признание всех языков равноправными. Языковую проблему пыталось разрешить постановление ВУЦИК и Совнаркома УССР от 1 августа 1923 года «О мерах по обеспечению равноправия языков и о содействии развитию украинского языка». Документ подтверждал право гражданина пользоваться родным языком в сношениях с государственными органами и одновременно обязывал властные структуры национально-территориальных единиц и городов, в которых большинство населения принадлежит к национальным меньшинствам, использовать соответствующие языки. Украинский как язык большинства населения республики считался предпочтительным для официальных контактов[3].

В. Е. Маковский. Ярмарка на Украине. 1882 г. Киевский музей русского искусства.

В сентябре 1923 года была создана Центральная комиссия национальных меньшинств (ЦКНМ) во главе с А. И. Буценко, призванная осуществлять общее руководство над «жизнью национальностей» в Украине. На первых порах в состав комиссии входили представители еврейского, не-

мецкого, польского, болгарского и молдавского меньшинств, а после образования в 1924 году Молдавской АССР место молдаванина занял грек.

На уровне местного управления власти УССР было разрешено создавать национальные сельсоветы и районы. Постановлением ВУЦИК от февраля 1925 года «О низовом районировании» уменьшалась численность населения, необходимая для выделения административно-территориальных единиц. Для создания «нацсельсовета» требовалось наличие 500 жителей определенной национальности (вместо 1000 для образования украинского сельсовета). Национальные районы создавались в местах компактного проживания 10 тысяч граждан (вместо 25 тысяч для обычного района). Любопытно, что официальную численность национальных образований установить довольно трудно — они часто меняли названия, объединялись и разукрупнялись. В 1931 году, например, национальных районов было уже не 26, а 25 — 8 русских, 7 немецких, 3 болгарских, 3 еврейских, 3 греческих и один польский[6].

Во второй половине 20-х годов расширение числа национальных районов происходило прежде всего в местах проживания русского населения. Этот процесс прямо увязывался с защитой прав русского меньшинства в Украине. Партийное руководство при этом прежде всего преследовало цель в условиях политики «украинизации» сохранить влияние русского языка и русской культуры не только в городах, но и в сельской местности. Любопытно, что официальная

Украинские типы. Цветные хромолитографии XIX в. РГАДА.

Эти льготы стимулировали «темпы национального строительства». Если к 1 апреля 1925 года в Украине действовало 188 национальных сельсоветов, то к 1 октября их число возросло до 348. К тому же сроку образовалось и 7 «нацрайонов» — 5 немецких, болгарский и польский[4]. Тенденция эта сохранилась и в дальнейшем. Второе всеукраинское совещание по работе с нацменьшинствами пришло к выводу, что процесс выделения национально-административных единиц закончился. К ноябрю 1930 года в республике было образовано 26 национальных районов и 1121 сельсовет, которые охватывали 1/5 населения[5]. Количественный рост национальных образований во многом проходил стихийно: решения принимались на основе текущей информации ЦКНМ, НКВД и других ведомств, а официальная статистика, как правило, не принималась во внимание. Интересы ряда национальных групп (поляки, молдаване, греки, белорусы) учитывались недостаточно — их национальная идентификация часто смешивалась с религиозной и государственной. Точ-

Малороссия. Почтовая карточка. Начало XX в.

статистика часто причисляла к «нацменьшинствам» всех жителей Украины, за исключением не только украинцев, но и русских, и евреев[7].

Параллельно с ростом числа украинских школ развивалось начальное образование и на языках других народов. В 1929 году в УССР работало 10 506 украинских школ, 1342 русские и около 2 тысяч с преподаванием на иных языках. В 1931 году на родном языке обучались 62 тыс. еврейских детей, 31 тыс. немецких, 22 тыс. польских, 14 тыс. молдавских и 8 тыс. болгарских; работали также греческие, чешские, татарские, армянские, белорусские и ассирийские школы[8]. Эти официальные цифры требуют осторожного к себе отношения. Приписки и показуха всегда были отличительной чертой советских рапортов о разнообразных достижениях. Квалифицированных педагогов не хватало, несмотря на наличие трех désинститутов и девяти педтехникумов, готовивших учителей для национальных школ. Большим препятствием для подбора хороших кадров был пресловутый «классовый подход», закрывавший двери школ для «чуждых элементов».

Политика советской власти в национальных районах и сельсоветах практически ничем не отличалась от «обычных» местностей.

Власти попытались «ударными темпами» провести коллективизацию в национальных районах. Но успехи колхозного строительства отмечались не везде. Только к концу 1931 года основная часть крестьянства в национальных районах была «охвачена колхозами». Помимо 31 тысячи украинских колхозов к тому времени было создано 794 русских, 534 немецких, 389 молдавских, 256 еврейских, 161 польский, 83 болгарских и 23 греческих. В среде немцев и поляков коллективизация кое-где затянулась до середины 30-х. В немецком Пулинском и польском Мархлевском районах к началу 1935 года удалось обобществить соответственно 61,3 и 69% хозяйств (при общеукраинском показателе в 94%). Поначалу в зажиточных немецких селах всех жителей огульно назы-

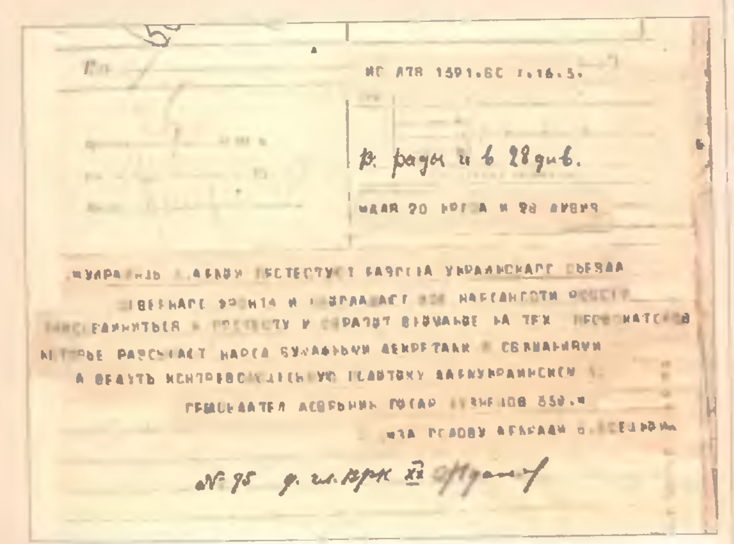

Марки-деньги Украинской Народной Республики.

вали кулаками, что осенью 1929 года привело к массовой эмиграции[9].

В период «голодомора» властям приходилось особенно тщательно скрывать неудобные факты из жизни «нацменов». Приведем только один характерный факт. 13 марта 1930 года украинское политбюро рассматривало вопрос о голоде в селе Старошведском (там был создан единственный в УССР шведский сельсовет). Постановили: «а) предложить Одесскому обкому немедленно принять меры для полной ликвидации случаев голодания в с. Старошведское; б) поручить т. Балицкому (глава ГПУ Украины. — *О. Р.*) принять меры для предотвращения проникновения известий о случаях голодания в с. Старошведское за границу»[10]. Массовый голод охватил все этнические группы Украины — и большие, и малые. Только в последние годы появляются конкретные исследования масштабов «голодомора» в национальных районах. По данным О. Калакуры, голод 1932–1933 годов унес жизни не менее 80 тысяч украинских поляков (то есть более 15% от их общего числа)[11].

Телеграмма.

Усиленное внимание властных структур к «нуждам национальностей» в 30-е годы постепенно сошло на нет вместе с политикой украинизации. Самоубийство Н. А. Скрипника в 1933 году и разоблачение его «националистических» взглядов ознаменовало поворот в партийной идеологии. Была подвергнута острой критике идея развития национальной сознательности масс. Карта нацменьшинств стала разыгрываться как важное средство в борьбе с «украинским

Иван Кожедуб и Паша Ангелина в Москве. 1947 г. РГАКФД.

буржуазным национализмом». В 1933–1934 годах громко заговорили о «притеснении нацменьшинств». Так, В. П. Затонский утверждал, что школьная сеть на Украине была сформирована так, что «детей русского, немецкого, польского, еврейского национальных меньшинств принуждали учиться в украинской школе»[12].

К концу 30-х из печати исчезли последние упоминания о проблемах нацменьшинств. С принятием сталинской Конституции СССР 1936 года была ликвидирована правовая основа для существования национальных сельсоветов и национальных районов. Из газет напрочь исчезла национальная тематика, кроме бодрых рапортов о трудовых успехах «стахановцев заводов и полей» — гречанки Паши Ангелиной, немецкой доярки Марии Эпп, болгарского чабана Топалова. Политика властей стала ориентироваться на имперское наследие, несовместимое с развитием национальных начал.

г. Киев

Примечания

1. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1968. С. 577.
2. Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 р. Харків. 1928. С. 4.
3. Національні відносини в Україні у XX ст. К. 1994. С. 106–109.
4. Хвыля А. Национальный вопрос на Украине. Харьков. 1926. С. 57.
5. Второе всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств. 27–30 ноября 1930 г. М.; Харьков; Минск. 1931. С. 44.
6. Національні меншини в Україні. 1920–1930-ті роки. Історико-картографічний атлас. К. 1999. С. 37–40, 50–51, 62, 79–82, 95, 102.
7. См.: Національний перепис робітників та службовців України (жовтень–листопад 1929 р.). Харків. 1930.
8. Скрипник М. Перебудовними шляхами (проблема культурного будівництва національностей України)//Більшовик України. 1931. № 12. С. 26.
9. Гербарт И. Перестроить работу Советов//Революция и национальности. 1930. № 1–2. С. 45.
10. Чорна книга України. К. 1997. С. 143, 151–152.
11. Калакура О. Архівні матеріали як джерело дослідження української полонії в 1917–1937 роках//Спеціальні галузі історичної науки. Збірник на пошану М. Я. Варшавчика. К. 1999. С. 175–180.
12. Затонський В. П. Національно-культурне будівництво і боротьба проти націоналізму. Харків. 1934. С. 32.

ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

«КОКСОХИММОНТАЖ»: опыт работает на перспективу

В. А. Фуфаев в строительстве — более 30 лет. В 1961 году, окончив Воронежский инженерно-строительный институт, поступил на работу в «Коксохиммонтаж» бывшего Минмонтажспецстроя СССР. Работал мастером, производителем работ, заместителем начальника Северо-Западного СМУ треста «Коксохиммонтаж», главным инженером треста «Металлургмеханомонтаж», заместителем начальника Главметаллургмонтажа. С 1989 года возглавил «Коксохиммонтаж»: был управляющим трестом, начальником строительного объединения, а ныне является генеральным директором ЗАО «Трест Коксохиммонтаж».

В. А. Фуфаев принимал непосредственное участие в строительстве многих металлургических и химических предприятий в Пермской, Вологодской, Ленинградской, Кемеровской, Липецкой областях, Алтайском, Красноярском краях и других регионах. Только в г. Череповце в качестве главного инженера, начальника управления, а позже — заместителя начальника Главка он участвовал в строительстве четырех коксовых батарей мощностью 730 тыс. т в год с полным комплексом объектов, пяти технологических линий мощностью 360 тыс. т в год по производству серной кислоты, фосфорной кислоты, аммофоса, аммиака, доменной печи и других объектов. Внес большой личный вклад в сооружение производств «метанола 750» английской поставки в городах Томске и Губахе Пермской области. В качестве главного специалиста принимал участие в строительстве коксовой батареи в Иране.

Под его руководством была построена и оснащена собственная промбаза Череповецкого управления, которая и сегодня является одной из лучших в ЗАО «Трест Коксохиммонтаж». Будучи с 1981 по 1989 год заместителем начальника Главметаллургмонтажа, В. А. Фуфаев принял самое активное участие в создании десяти производственных баз строительно-монтажных управлений Главка, Асбестовского, Челябинского, Магнитогорского заводов монтажных заготовок. Занимаясь вопросами собственного капитального строительства Главметаллургмонтажа, обеспечивал ежегодный ввод в эксплуатацию более 100 тыс. кв. м жилой площади.

Организационную деятельность по строительству промышленных и социальных объектов В. А. Фуфаев успешно сочетает с творческой инженерной работой. Им предложен и внедрен целый ряд новшеств на строительстве металлургических и химических предприятий. Так, разработанный им способ монтажа броней коксовой батареи с помощью гидравлических ключей втрое повысил производительность труда на этом виде работ, а его способ изготовления и монтажа свинцовых электрофильтров позволил улучшить экологичность этой работы и также повысить производительность труда.

Организаторский талант В. А. Фуфаева особенно раскрылся в последнее десятилетие: руководимый им трест расширил свою специализацию, выполняя работы по изготовлению и монтажу резервуаров; трест принял в свой состав Саратовский завод резервуарных конструкций, преобразовавшись в строительно-монтажное объединение. Это позволило в трудных условиях экономического кризиса работать прибыльно и сохранить квалифицированные кадры. В 1991 году СМО «Коксохиммонтаж» одним из первых в Минмонтажспецстрое было преобразовано в акционерное общество и уверенно вошло в рынок. В 1996 году в ряды ЗАО «Трест Коксохиммонтаж» влился Самарский завод резервуарных конструкций.

Вклад В. А. Фуфаева в строительство отмечен высокими правительственными наградами.

Валентин Александрович ФУФАЕВ,
генеральный директор ЗАО «Трест Коксохиммонтаж».

По оценкам специалистов, разведанные мировые запасы угля составляют 1700 млрд т, сланцев — 1200, тогда как запасы нефти и газа — всего 100 и 400 млрд т соответственно. Вполне вероятно, что в обозримом будущем именно уголь и сланцы станут основным источником энергетики, базовым сырьем для получения химических продуктов. Объективная необходимость своевременно повернуться лицом к такой перспективе, а значит, и к нуждам коксохимической промышленности, у нас в России дополняется целым рядом обстоятельств, включая малоэффективность, при наших потребностях, бескоксовой металлургии. Найти здесь верные решения, наметить новые пути поможет опыт и потенциал столь испытанной временем организации, как «Коксохиммонтаж» — ныне одноименное **Закрытое акционерное общество**.

Созданный в 1930 году, трест «Коксохиммонтаж» на протяжении семи десятилетий строит новые, реконструирует и ремонтирует действующие коксохимические предприятия и объекты. Он не только монтирует коксовые батареи, но и выполняет огнеупорную кладку и монтаж установок газоочистки, оборудования известково-обжигательных цехов, нагревательных колодцев, цехов водоснабжения, химической подготовки и очистки воды, монтирует установки шлакопереработки в доменных цехах, придоменной грануляции шлака, работает на монтаже оборудования заводов минеральных удобрений, на химических и нефтеперерабатывающих заводах, на предприятиях по приему, хранению и транспортировке нефтепродуктов, строя «под ключ» резервуарные парки различной емкости.

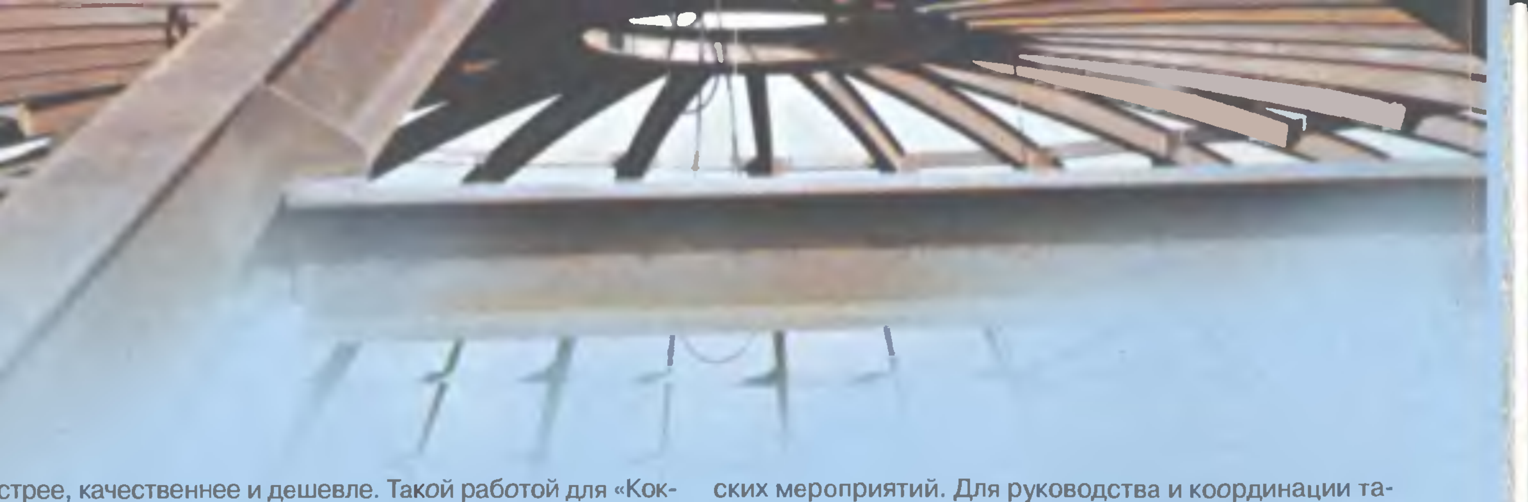
В далекие 30-е годы, будучи одним из исполнительных механизмов плановой экономики, трест успешно справился со своими задачами в рамках государственной программы индустриализации страны. С честью выполнил он и важную миссию в годы военного лихолетья, воссоздавая порушенные мощности производства кокса, чугуна, толуола на Украине, в Донбассе и центральных районах России, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. В конце 40-х — начале 50-х годов «Коксохиммонтаж» активно участвовал в послевоенном восстановлении промышленности, за что получил на вечное хранение переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны и орден Трудового Красного Знамени. 60, 70 и 80-е годы, называемые «застойными», отнюдь не были таковыми для коксохиммонтажников, причастных к наращиванию мощностей оборонного комплекса страны, к «большой химии», к созданию новых промышленных узлов — Череповецкого, Липецкого, Заринского (Алтайский Край), к развитию традиционных промышленных зон Урала и Сибири. Заслуги треста в те годы были отмечены очередной наградой — орденом Октябрьской Революции.

В период 90-х годов произошел резкий спад промышленного производства, в том числе и в черной металлургии. Снижение выпуска чугуна и стали повлекло за собой сокращение производства кокса. В 1999 году в России произведено всего лишь 23,1 млн т кокса против 43,2 млн т в 1990 году. Ухудшению состояния дел в коксохимической отрасли способствует и то обстоятельство, что владельцы металлургических комбинатов придерживаются, как правило, остаточного принципа при выделении средств на поддержание коксохимических производств, недооценивая важность их своевременной модернизации. Средств на капитальный ремонт и реконструкцию коксовых батарей отпускается крайне мало, особенно с 1995 года. За этот период не построено ни одной новой коксовой батареи, а переложено всего три.

Не имея средств для привлечения подрядных организаций и стремясь поддержать коксовые печи в работоспособном состоянии, коксохимические предприятия стали выполнять так называемый «горячий ремонт» собственными силами, что не могло не сказаться на качестве работ. Отказ от традиционных услуг «Коксохиммонтажа» вскоре отразился на его кадровом составе: не имея должной загрузки, а значит, и достойной зарплаты, часть специалистов перешла в ремонтные службы коксохимических производств, уменьшился приток молодежи, стал падать уровень квалификации работников.

При сокращении объема работ на коксохимии выручили многолетние наработки в других направлениях, прежде всего в резервуаростроении, что помогло «Коксохиммонтажу» сохранить наиболее квалифицированные кадры и производственный потенциал в целом. Завоевав новый рынок труда, трест становится крупнейшей в России резервуаростроительной компанией, признанной Госстроем как экспертный центр в этой области. В 1999 году «Коксохиммонтаж» в консорциуме с американской компанией «CBI» выиграл тендер на проект и строительство резервуарного парка для Каспийского трубопроводного консорциума в г. Новороссийске, а в 2000 году — тендер на строительство терминала для Балтийской трубопроводной системы в г. Приморске. Тогда же получен сертификат «Регистра Ллойда», подтверждающий соответствие системы управления качеством «Коксохиммонтажа» международным стандартам.

Однако всякая уважающая себя фирма стремится иметь свое лицо, выполнять прежде всего свою «фирменную» работу, которую она делает лучше других — бы-

стрее, качественнее и дешевле. Такой работой для «Коксохиммонтажа» были и остаются строительство, реконструкция и ремонт коксохимических предприятий. Тем более что именно на этом направлении вырисовываются весьма благоприятные перспективы.

Во-первых, черная металлургия отнюдь не намерена отказываться от коксохимических технологических процессов — выплавки чугуна в доменных печах с использованием кокса и получения стали из чугуна в конвертерах. Бескоксовая металлургия вряд ли составит конкуренцию доменному процессу в ближайшие 40–50 лет. Сохранится не только потребность в коксе, но и в слоевом коксовании, т. е. останется и потребность в коксовых батареях. А с учетом того, что кокс является высоколиквидной, экспортнопригодной продукцией, можно ожидать роста инвестиций в коксохимическую промышленность, что, в свою очередь, повысит объемы необходимых для нее строительно-монтажных работ.

Во-вторых, поскольку запасы нефти и природного газа интенсивно сокращаются, будут совершенствоваться технологии более полной переработки угля и сланцев, а значит, будут расти объемы капиталовложений в развитие этих отраслей, что позволяет сделать вывод о хороших перспективах и для коксохиммонтажников.

В-третьих, производственная необходимость все чаще заставляет владельцев металлургических комбинатов наращивать производство кокса. Но из действующих сегодня в стране 60 коксовых батарей 28 уже выработали свой нормативный срок службы (18 лет) и нуждаются в реконструкции. Более того, отдельные комбинаты планируют строительство новых комплексов коксовых батарей, что также предвещает широкий фронт работ для коксохиммонтажников.

Все это потребует новых подходов к выполнению предстоящих задач. На основе опыта, накопленного при строительстве резервуарных терминалов «под ключ», «Коксохиммонтаж» намерен предлагать руководству металлургических предприятий полный комплекс услуг по ремонту, реконструкции или строительству коксовых батарей, включая разработку проектов, поставку оборудования, огнеупоров и материалов, выполнение строительно-монтажных, наладочных и пусковых работ. Но чтобы качественно работать «под ключ» на коксохимии, нужно осуществить целый ряд внутренних организационно-технических мероприятий. Для руководства и координации таких работ в аппарате треста уже создан и комплектуется кадрами коксохимический отдел, обязанный вести постоянный сбор информации о перспективах развития коксохимии в России и за рубежом, о техническом состоянии действующих коксовых батарей, о новых технологиях в коксохимии, о деятельности конкурирующих фирм и организаций. На основе собранной информации будут определяться перспективы, составляться планы работ на объектах коксохимии для их выполнения силами «Коксохиммонтажа». Этот отдел будет организовывать исполнение намеченных мероприятий, в том числе первоочередных:

- корректировку технологии выполнения работ, особенно по кладке и монтажу коксовых батарей, что обеспечит более высокое качество работ и их четкую организацию;
- выработку единой ценовой политики и определение оптимальных цен на работы треста по коксохимии, что позволит успешно конкурировать с его оппонентами;
- разработку долгосрочной программы по сохранению высококвалифицированных кадров, особенно специалистов по огнеупорной кладке коксовых батарей.

Поскольку подразделения «Коксохиммонтажа» расположены в разных регионах России, необходимо выработать и дополнительные организационные меры, учитывающие в равной степени интересы центра и регионов.

Располагая солидным производственным потенциалом, в новых условиях «Коксохиммонтаж» будет нуждаться в дальнейшем организационном переустройстве в Корпорацию, с выделением как минимум следующих департаментов:

- по развитию коксохимической промышленности;
- по развитию резервуаростроения;
- по развитию новых перспективных направлений и маркетингу;
- по инвестициям и финансам;
- по внешнеэкономической деятельности.

Первый департамент должен возглавить проектирование заводов и производств, осуществлять оценку существующих коксохимических мощностей, поставку огнеупоров и оборудования с российских заводов и строительство «под ключ» всех объектов коксохимии.

Второй департамент можно считать существующим де-факто: есть институт «Коксохиммонтаж-проект», действуют Саратовский и Самарский резервуаростроительные заводы, завод «Анкер», который можно перепрофилировать на больший выпуск листовых резервуарных конструкций.

Третий департамент надо создавать заново. Здесь необходимо иметь службы, способные просчитать перспективу развития тех или иных направлений промышленного развития в России и за рубежом, сделать соответствующий анализ, оценить и предложить руководству направления для финансовых вложений и поиска рынка труда.

Вопрос создания департамента по инвестициям и финансам назрел давно и на данном этапе развития «Коксохиммонтажа» следует воспринимать его как осознанную необходимость: без такого департамента дальнейшее развитие невозможно.

Создание департамента по внешнеэкономической деятельности с целью дальнейшего завоевания внешнего рынка тоже стало объективной необходимостью, хотя в работе за рубежом «Коксохиммонтаж» имеет уже полувековой опыт. На ранних этапах эта работа велась в основном в рамках экономической помощи развивающимся странам. На уровне рыночных отношений она развернулась лишь с конца 80-х годов, когда «Коксохиммонтаж» впервые принял участие в коммерческом контракте по строительству установки по вдуванию пылеугольного топлива в доменные печи во Франции.

В 90-е годы построены за рубежом две коксовые батареи — в Алжире и Египте. В 2000 году «Коксохиммонтаж» принимает участие в тендерах на строительство коксовых батарей в Египте и Иране. Ощутимые плоды приносит и зарубежная деятельность в области резервуаростроения и других направлениях.

Решение обозначенных задач безусловно потребует притока высококвалифицированных специалистов, нового технического оснащения и новых подходов в решении комплексных проектов.

Объективно оценивая сложившуюся ситуацию и экономические перспективы, руководство и Совет директоров «Коксохиммонтажа» полны решимости реализовать намеченные планы, а при необходимости уточнить и скорректировать их в соответствии с требованиями времени, с тем чтобы в XXI веке, как и в XX, удерживать передовые позиции в отрасли.

Россия, 113035,
Москва, Кадашевская наб., д. 36, стр. 5.
Тел.: **(095) 953-2268, 953-0728, 953-3818**
Факс: **(095) 953-0607, 953-5975**
Телетайп: **111636 ТЕПЛЯК**
Телекс: **412397 KCHM RU**

Джордж Кеннан.
Сибирь и ссылка.
Путевые заметки. В 2 т.
СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ. 1999.

Игорь Алексеев

Американцы в Сибири

В мае 1885 года из Нью-Йорка отправилась сибирская экспедиция, в состав которой вошли два человека — журналист Джордж Кеннан и художник Джордж Фрост. Первый отправлялся в Россию уже в четвертый раз, но тогда и думать не мог, что впереди его ждут тяжелейшие испытания. Поехать добровольно в Сибирь для исследования русских каторжных тюрем и мест политической ссылки Кеннана заставили, говоря его собственными словами, «самые теплые чувства любви и расположения к России и русскому народу».

Целый год преодолевали путешественники расстояние в тысячу шестьсот миль от Петербурга до Читы. Их интересовало все: планы тюрем, маршруты этапирования, письма, личные впечатления узников и надзирателей, фотографии. Результатом их отнюдь не безопасной поездки явился двухтомный труд под названием «Сибирь и ссылка».

Эту книгу в свое время не обошли вниманием Ф. Энгельс, Г. Плеханов, Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко. Отрывки из нее печатали русские газеты. В начале XX века издательства выпустили в свет несколько сильно сокращенных переводов. Наконец первый полный русский перевод этой замечательной книги вышел в Петербурге в издательстве БЛИЦ. Предисловие и примечания Е. И. Меламеда, переводчик И. А. Богданов.

В этой книге действуют реальные лица российского прошлого, и уже этого достаточно, чтобы она привлекла внимание самого широкого круга читателей, интересующихся прошлым России.

Е. А. Котеленец.
В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография.
М.: Изд-во Российского университета дружбы народов. 1999.

В монографии обобщаются итоги новейших российских и зарубежных исследований одной из самых масштабных и сложнейших фигур уходящего двадцатого века. Специально анализируются феномен «антилениниана», политическое окружение и родословная Ленина, становление культа его личности, взаимосвязь ленинизма и сталинизма.

Институт военной истории МО РФ представляет книги, вышедшие при участии его сотрудников.

Русский архив:
Великая Отечественная.
Немецкие военнопленные в СССР.
Документы и материалы.
1941–1955 гг.
Книга первая. Т. 24 (13–2).
М.: Терра. 1999. 504 с.

Настоящий сборник, посвященный судьбам исключительно немецких военнопленных, является продолжением серии «Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР». В документах, вошедших в первую книгу двухтомника, нашли отражение все аспекты пребывания немецких военнопленных в советских лагерях: их правовое положение, режим содержания, питание, условия жизни, медицинское обслуживание, а также организация тыловых лагерей, трудовая деятельность, политическая и культурно-массовая работа, репатриация на родину. Документы проиллюстрированы большим количеством фотографий, листовок и других наглядных материалов.

По вопросам приобретения обращаться:
113093, г. Москва,
ул. Щипок, д. 2.
Тел.: 737-0491
Факс: 737-0490

Коллектив авторов.
Книга памяти.
М.: Патриот. 1999. Т. 10.

Книга посвящена погибшим советским воинам и гражданам, которые принимали участие в боевых действиях за пределами СССР после Второй мировой войны (1946–1982). В этом труде впервые в отечественной историографии приводится составленный на основе архивных источников наиболее полный перечень военнослужащих, погибших, умерших и пропавших без вести в войнах, в которых участвовали советские войска после окончания Великой Отечественной войны. Каждый из 17 разделов посвящен определенному конфликту и предваряется историческими справками, в которых дается военно-политическая характеристика произошедших событий и раскрывается степень и характер участия в них советского военного контингента.

По вопросам приобретения обращаться:
129110, Москва,
Олимпийский проспект, д. 22.
Тел.: 284-4904

Иванов-Разумник.
Писательские судьбы.
Тюрьмы и ссылки/Вступ. статья, сост. В. Г. Белоуса.
М.: Новое литературное обозрение. 2000.

В своих полных горечи и сарказма мемуарных книгах литературный критик, публицист и мыслитель Иванов-Разумник, друг А. Блока и А. Белого, С. Есенина и М. Пришвина, пишет о судьбах «погибших», «задушенных» и «приспособившихся» в 1920–1930-е годы русских писателей и о собственной судьбе — судьбе человека, испытавшего тюрьму и ссылку, однако не пошедшего на сделку с совестью и не ставшего «советским писателем».

Книгу можно заказать
по адресу: 129626, Москва,
а/я 55. Тел.: (095) 976-4788.
Факс: (095) 977-0828.
E-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

Фотографии А. В. Колчака, помещенные в № 5 «Родины» 2000 г., предоставлены Российским фондом культуры (коллекция Американо-русского историко-просветительного и благотворительного общества «Родина», г. Лейквуд, шт. Нью-Джерси, США).

былое

Антон БОГДАНОВ

“КОГДА ЛЕД ЗАСТЫНЕТ, ПРИДЕМ”

«Вогул» на языке коми означает «дикий». Такой этноним дали они своим воинственным восточным соседям — манси, одному из двух обско-угорских народов. В XVI–XVII веках манси в подавляющем большинстве жили в Приобье и лишь незначительная их часть — в европейской части Приполярного Урала и по реке Чусовой. Места обитания манси в Западной Сибири — весьма заболоченные территории со множеством озер и рек (Обь, Сосьва, Северная Сосьва, Лозьва, Вижай, Ляпин, Тавда, Пелым...), простирающиеся от низовьев Оби на севере и Уральских гор на западе до Иртыша на востоке и Тавды на юге. Природные и климатические условия этого региона достаточно неровные: продолжительная зима, короткое и жаркое лето, с разливами рек и обилием гнуса. Летом многие районы были практически отрезаны друг от друга. Поэтому основные походы и набеги проводились зимой, так как устанавливавшийся лед делал болота проходимыми.

В конце XVI века у манси было несколько княжеств, в том числе крупных, например Пелымское, которому подчинялись княжества Большая и Малая Конда; от пелымских властелинов зависели и Табаринские территории. Основная масса подданных князя проживала в удаленных друг от друга локальных поселениях — паулях. Зачастую несколько паулей или один крупный пауль возглавлялись своим собственным князьком, хотя чаще главой поселения был старейшина-патриарх, обладавший правом объявлять войну.

Остатки безымянной вогульской крепости на реке Учинья. Ханты-Мансийский автономный округ. Фотография С. Кокшарова.

Отыр. На голове воина типичный сферический шлем с наносником и вырезами для глаз. Из-под шлема выпущены длинные косы – символ мужества и принадлежности к социальной группе богатырей. В левой руке – лук с центральной веслообразной костяной накладкой; в правой – боевой топор (проушной, плоскообушной, с бородкой). За спиной колчан со стрелами. На торсе воина полубайдана, усиленная на груди и животе выпуклыми округлыми пластинами с зооморфными янусовидными изображениями. На поясе-энтапе слева нож в берестяных ножнах с крестообразным орнаментом, означающим, что у воина есть три сына. Справа на поясе мешочки с табаком и талисманами.

Разрез внешнего оборонительного вала. Рисунок В. Никишина.

Разрез внешнего оборонительного вала. Фотография С. Кокшарова.

Географически соседями манси были: на севере — селькупы, ненцы и лесные ненцы; на востоке — ханты и сибирские татары (сибир тар); на западе — русские, коми и черемисы; на юге — татары и ногайцы. В XVI веке большинство мансийских княжеств зависело от Сибирского татарского ханства. Соответственно им пришлось принимать участие в династических распрях Шейбанидов и Тайбугинов, затем бороться против насильственной исламизации, которую вводил победитель — шейбанид Кучум. Представители западной ветви манси регулярно устраивали набеги на Чердынь и строгановские городки. Кроме того, это было время, аналогичное периоду феодальных усобиц в Западной Европе, когда все воевали со всеми. В конце XVI века мансийские князья принимали участие в событиях, связанных с походом Ермака, выступая как за, так и против новых пришельцев, в XVII веке боролись против насильственной христианизации. Благодаря мерам русской администрации и изменению статуса мансийских военных княжеств, а позже и их аннулированию в этих местах стало спокойнее, но отдельные вооруженные конфликты продолжались до начала XX века.

Наиболее известным противником экспедиции Ермака был пелымский князь. В русских источниках он назван Романом Славным (наиболее вероятно следующее предположение: это один из «младших», то есть военных, князей-пелымцев, который руководил кондинским ополчением). В союзе с хантами и татарами в 1583 году его дружина обороняла остяцкий Демьянский городок — улус хантыйского князя Нимньюана. Три дня это поселение не мог взять отряд казаков под командованием есаула Богдана Брязги, в свое время прославившегося тем, что вместе с запорожцами Никиты Пана и волжскими казаками Кольца и Болдыри разгромил столицу ногаев Сарайчик. Урочище, где происходило самое тяжелое сражение казаков с сибирцами на подступах к городу, позже назвали «урочище Роман».

Сам Роман Славный вместе со своими вогулами бился на стенах Демьянского городка до взятия его казаками в отличие от татар и остяков, которые сбежали. Его взяли в плен, привели к «шерти» (клятве на верность) Ермаку и вынудили заплатить ясак. После его уплаты Роман Славный скрылся в свои пелымские владения.

Конфликты с соседними этносами: набеги кочевников, борьба за территории, родоплеменная месть — были обычным делом в Западной Сибири и дополнялись внутренними военными стычками. Один из основных поводов для столкновений — «походы за женами». Таким образом, вся жизнь мансийского общества, так или иначе, была связана с войной.

Дружину мансийского коныща (князя) составлял отряд богатырей — «косатых отыров», специально подготовленных воинов-профессионалов, при обучении которых основной упор делался на индивидуальные боевые действия в условиях тайги. Отличительным внешним признаком отыра были длинные волосы, заплетенные в две косы или собранные в два пучка. Постоянное подчеркивание эпитета «косатый» в мансийском фольклоре в первую очередь связано с тем, что, по воззрениям угров, в волосах находилась четвертая из пяти душ мужчины. Именно поэтому обращаемых в рабство пленных брили наголо, лишая их таким образом мужества («убегая от тебя я прятал от тебя мою отливающую головную кожу, прибегая к сотням уловок, прибегая к многочисленным выдумкам»)[1]. В мирное время отыры служили телохранителями, гонцами, послами князя, сборщиками ясака. В военное время большинство их становились командирами военных отрядов манси. Основная масса воинов в мансийских княжествах принадлежала к ясачному населению. Из них и состояло ополчение. В фольклоре запечатлелось иерархическое разделение воинов на «косатых отыров» и воинов «со стриженым лбом». Иконография святилища Пайпын-ойки в селении Хошлог-пауль подчеркивает социальную структуру вогульских военных

княжеств. Нуми-торум (верховное божество) — «большой», то есть верховный князь; Хонт-торум (бог войны) — военный князь; Пайпын-ойка (предок — покровитель селения) — отыр; Мис-хум (добрый лесной дух) — ясачный; Какын-пунгк-ойка (бог рабов, дословно «паршивый лысый мужик») — раб.

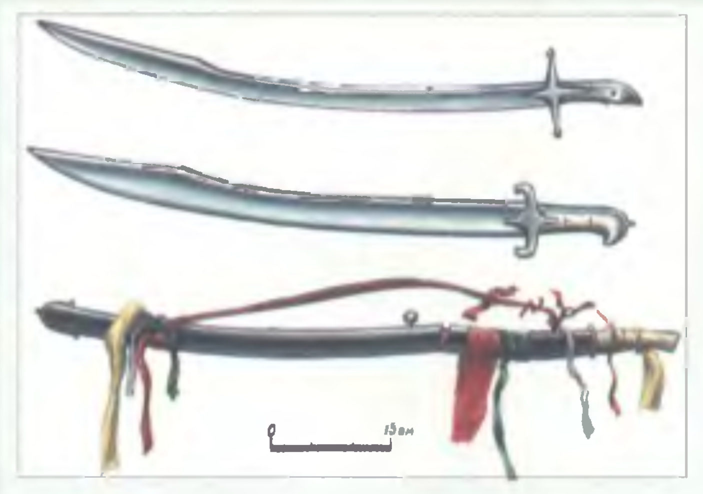
С раннего детства вогульские мальчики начинали упражняться в боевом искусстве, прежде всего в стрельбе из лука. Причем лук и древки стрел юноши изготавливали самостоятельно. Их учили отражать стрелы, уворачиваясь от них или отбивая подручными предметами, для этого обучаемые становились мишенями, в них стреляли тупыми стрелами, постепенно наращивая интенсивность стрельбы и количество стреляющих. Опытный лучник бил влет птицу, поражал насмерть бегущего лося и мог пробить доспехи тяжеловооруженного врага. Сказочный лучник Вищ-отыр, стреляя из костяного лука по вражьему войску, сбил с ног и отбросил на три сажени лесного духа, а стрела ушла в землю по самое оперение[2].

Кроме стрельбы из лука юношей тренировали в беге, переноске тяжестей, прыжках, метании копья, фехтовании на ножах. Их приучали к воинской диете. На охоту обучаемый часто отправлялся в доспехах, привыкая таким образом их носить. Достаточно часто устраивались состязания воинов и юношей, в которых принимали участие и иноземные богатыри (один из способов сбора разведданных). На специально отведенных площадках состязались в прыжках в высоту через ремень, натянутый между двух столбов, метании ногой валунов друг в друга, беге на лыжах, сталкивании соперника с места, стрельбе из лука, ломании руками крупных костей животных. Последнее состязание было привилегией отыров и приносило им пожизненные титулы, например, «богатырь, разломавший долго сушенное конское бедро»[3]. На состязаниях князья присматривали себе новых дружинников. Но не каждый силач мог стать дружинником. Для этого неофиту требовалось иметь духов-покровителей, культ которых был связан с подвластными князю территориями.

Ясачный. На голове воина «со стриженым лбом» поверх национальной меховой длинноухой шапки надет «травяной шлем» (плетенный из веток). Ополченец вооружен луком со стрелами, рогатиной и ножом.

Реконструкции выполнил Владимир Нуждин.

Сабли-корабелы и деревянная сабля.

Обычно в воинском отряде насчитывалось около 50 человек. Известные сводные дружины нескольких князей вместе с ополчением не превышали 700 человек. Причина малочисленности вооруженных формирований проста: невозможность прокормить большее количество воинов. Впрочем, для малонаселенного региона такие отряды считались колоссальной боевой силой.

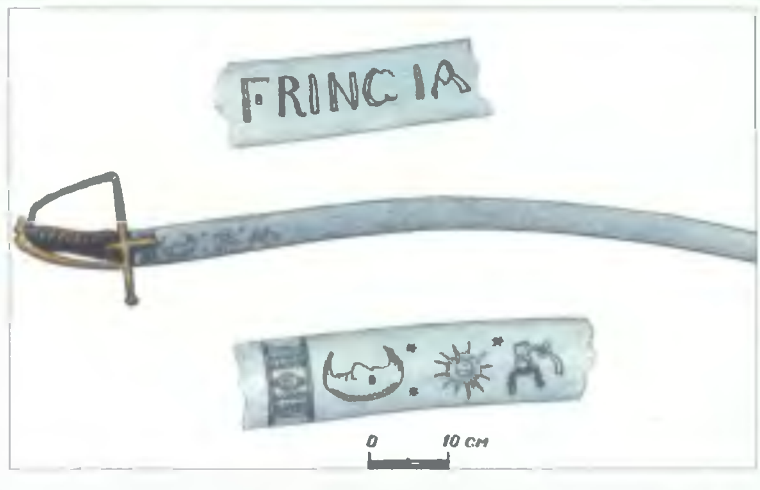
К войне готовились заранее — заготавливали провизию, стрелы и оружие. Подобно предупреждению князя Святослава Игоревича «Иду на вы», мансийские князья могли послать врагам вызов: «Когда лед застынет, мы придем». При необходимости князь или родовой старейшина (разрешение территориальных споров с соседями военными мерами было их прерогативой) объявлял мобилизацию. Как правило, в паули посылалась стрела с условными знаками — «шайтанами», по которым определялось необходимое количество воинов. Летом воины передвигались по воде. При отражении «флотилии» врага с берега устраивали засады и стрелами выбивали гребцов, начиная с рулевого или старшего на лодке. Берестяные лодки-обласки повреждали стрелами ниже ватерлинии (иногда в дно реки вбивали заостренные колья).

Существовало два основных типа воинского построения. Стрелковая цепь использовалась в бою на открытой местности или при нападении на неукрепленное селение. При штурме укрепленного городка применяли построение колоннами, впереди которых шли тяжеловооруженные отыры. При обороне своего городка манси в первую очередь старались вывести из строя воина в доспехах, дабы затем перестрелять стрелков. Поскольку войти в городок в большинстве случаев можно было только по специальной временной приставной лестнице, убиравшейся при малейшей опасности, врагам приходилось взбираться на стены, с которых осажденные сбрасывали на них бревна. Считалось, что от седьмого бревна не мог уйти и самый проворный самоед (ненец. — *А. Б.*). При сильном обстреле отыры-защитники закрывали бойницы лезвиями топоров. После нескольких неудачных штурмов осаду достаточно быстро снимали и отступали.

Палаши и щохри.

Сабля из дома П. Е. Шишина, клейма и надпись на клинке.

Городки князей были небольшими, но мощными оборонительными комплексами. При их основании приносились человеческие и иные жертвоприношения, которые закладывались в фундамент основной стены. Крепостцы строили на высоком речном обрыве или близ святилищ (где находились дары богам и духам), они могли иметь многоярусную систему обороны: рвы, палисады, валы (зимой их поливали водой), колья, клинки, набивавшиеся в дно реки и стены рвов, волчьи ямы и элементы сигнализации (ремни с гремящими подвесками) на подступах к городку. В самих крепостцах обязательно рыли колодцы, строили продуктовые и оружейные склады.

Если сражение происходило на открытой местности, его исход иногда предрешал поединок двух отыров. Условия такого поединка тщательно обговаривались руководителями дружин, а сам поединок начинался после своеобразной словесной дуэли, подробно отраженной в вогульских преданиях. При бое с конными татарскими отрядами (конников у манси практически не было) старались вывести из строя предводителя, для этого могли отрубить морду его лошади или подрезать ей сухожилия. Иногда слабые отряды пускались на хитрости. Так, в Сказании о Ларвожском соре вождь заставил противников отступить при помощи мертвых душ, выставив убитых воинов и устрашив таким образом врагов, которые приняли их за живых отыров.

В походе соблюдали скрытность перемещения, князь специально акцентировал внимание воинов на этом факторе: *«Когда вы, мои 300 мужей, пойдете, пусть не шевелится соринка, пусть не шевелится былинка! Не делайте столько шума, сколько комар (делает)!»* Внезапность нападения манси использовали очень умело: так воины князя Асыки незаметно подплыли на обласках и плотах, замаскированных под плавучие островки, к лагерю епископа Питирима Пермского и перебили его людей. Сам Питирим лишился правой руки. Так вогулы отомстили ему за разрушение их капищ и попытки насильственного крещения.

На основе археологических данных, сведений летописей и устных источников можно представить себе воина манси той или иной социальной группы[4].

Основой вооружения манси до конца XVII века был лук, который изготовлялся с учетом климатических условий. **Лук**, бытовавший в рассматриваемый период, происходит от позднемонгольского. Он цельнодеревянный с центральной веслообразной костяной накладкой. Делали его в основном из березы и сосны (реже ели, березы, черемухи), причем выбиралось дерево, выросшее на обращенных к югу опушке леса или склоне оврага. Изредка встречались костяные луки. **Тетива** из крапивы или кудели была на 25–30 см короче лука, на ее концах делались ушки.

Относительно **стрел** в источниках существуют разночтения, а археологические данные крайне скудны. Известно лишь то, что их древки изготовлялись из специально подготовленных чурочек. На расстоянии примерно 5 см от наконечника древко обклеивали тонкими полосками бересты. Длина древка стрелы колебалась в пределах 60–70 см. На оперение шли только маховые перья орла и ястреба, в северных паулях — старого филина: на одной стреле были перья с одного крыла и одинаковой твердости. Известно, что князья и отыры собирали с подданных своеобразный «перьевой» налог. **Эллипсообразные щитки** из металла или кости предохраняли запястье левой руки от травм тетивой. Впрочем, в результате постоянных упражнений с луком кожа воина грубела, и он мог обходиться без защитного устройства, стрельба без которого была более точной. **Наконечники стрел** отличались крайним разнообразием из-за различия их функционального назначения.

Колчаны были двух типов: закрытые и с карманом, причем в первом случае стрелы носили наконечниками вниз, а во втором — вверх. Делали их из бересты. В XVI–XVII веках были распространены колчаны фигурно-вычурной формы с боковым вырезом — сказывалось усилившееся отатаривание обских угров. Колчаны носили справа на портупейном ремне, который продевался в костяную скобу, но нельзя исключить и заплечный способ ношения.

К рассматриваемому периоду мечи и сабли уже отошли в прошлое. Своеобразный ренессанс **сабли** произошел к концу XVII века в связи с активной русской колонизацией. Так как боевые действия происходили в условиях тайги, то длинноклинковое оружие имели только князья и значительная часть отыров, которым приходилось штурмовать и защищать городища. Поскольку в это время было проще проколоть доспех, нежели разрубить, предпочтение здесь отдавалось **палашам**. По мнению А. И. Соловьева, особенность палашей определяется тем, что окончание прута (петли) примыкает к рукояти всегда со

стороны лезвия. Это правило соблюдалось и в том случае, если навершие изготовлялось отдельно. Палаши и сабли носили на поясе в наклонном положении. Причем интересно наличие привозных экземпляров: в частности, в 1968 году на Приполярном Урале была найдена средневековая сабля работы армянского мастера Хачатура (XII–XIII вв.)[5]. В XVII веке зафиксированы польские сабли-корабели, в том числе с надписью на клинке «FRINGIA»[6].

Особенность мансийского оружейного комплекса того времени — отсутствие в нем кинжалов; пользовались только **ножами**, на берестяные ножны которых наносился крестообразный орнамент, означавший количество сынов у воина. Интересно, что с момента вхождения мансийских территорий в состав Российского государства ножи наряду с панцирями, пищалями и иными воинскими припасами запрещалось продавать сибирским инородцам.

Использовались также различные типы древкового оружия. Основным видом в это время была **пальма**, которая произошла из соединения несколько укороченных древка охотничьей рогатины и клинка палаша, а также пики, археологически зарегистрированные, но не подтвержденные письменными и графическими источниками. К древковому оружию ближнего боя причисляются и **топоры**. В лесной полосе Западной Сибири его основным типом возможно считать массивные грубооткованные, клиновидные в сечении топоры с закругленным обухом, симметричным, под прямоугольным или слегка расширенным книзу лезвием. Общая длина лезвия 8–14 см, рукояти — 48–52 см, ширина 3–8 см. На основе вышеуказанного типа был создан иной тип плоскообушного топора, отличительной чертой которого стали клиновидные бойки с треугольным проухом (длина лезвия 11,2–14 см, рукояти — 40–51 см, ширина 5,8–13 см).

На рубеже XVI–XVII веков произошла смена ориентации мансийских верхов с протатарской на прорусскую, что повлекло за собой качественные изменения во многих сферах материальной культуры, в том числе и в оружии.

Защитные доспехи также отличались крайним разнообразием, прежде всего из-за достаточно четкой социальной градации и благосостояния их владельца. Они в основном разделяются по способу сочленения и облику пластин. Соответственно выделяются доспехи **ламелярные**, пришедшие от монголов, когда прямоугольные, вытянутые или восьмеркообразные пластины связаны ремнями, причем на некоторых экземплярах была шерстяная прокладка. **Чешуйчатые** доспехи отличались бронированием внахлест мелких пластин-чешуек с заостренным или округленным краем, что улучшало их защитные качества. Также использовалась **кираса** из рога оленя, прикрывавшая, как правило, только грудь, и **доспехи из рыбьего клея**, то есть несколько слоев проклеенной, прочной кожи.

Большое распространение с XVI века получили **кольчуги**, среди которых видное место занимает **байдана** (от арабского «бадан»). Ее отличительной чертой были плоские и несколько укрупненные кольца. Она защищала только от рубящих ударов. Винклер[7] различал байдану и полубайдану, более короткую, выше колен. Кольца байданы могли склепываться шипами или гвоздями, такой доспех весил около 6 кг. Бытовали и **юшман** (иначе «юмшан», от персидского dj awshan), распашной на груди, с петлями и застежками-«кюрками» панцирь или кольчуга с крупными дисками (упоминается применительно к Руси с 1548 года), весивший 12–15 кг. При кольчужном варианте юшмана набор пластин (около 100) вплетался в грудь и спину с небольшим припуском. По названию столь дорогого доспеха мог получить свое имя и вогульский князь Юшман (или Юмшан).

Зафиксированы и «ложные доспехи», когда на одежду нашивались металлические бляшки. Применяли и «бригандины» — доспехи со скрытым бронированием подквадратными пластинами, при ношении которых на матерчатой основе виднелись только головки заклепок.

Наличие щитов у манси не отмечено. Однако в виде группового щита они, подобно североамериканским индейцам, использовали лодки.

Основным типом шлема того времени являлся сфероконический с налобной, часто декоративно украшенной накладкой, своеобразными вырезами на лицевой стороне, замкнутыми снизу в полумаску, и наносником (здесь, несомненно, прослеживается сходство со шлемом, потерянным князем Ярославом Всеволодовичем на месте Липецкой битвы). Такой шлем носили в бою, надвинув полумаску на лицо, а в иных случаях его сдвигали на затылок, оставляя лицо открытым. В иконографическом материале мансийских капищ достаточно часто представлены идолы с остро затесанной головой и двумя парами глаз, причем верхняя пара прорезана схематично без зрачков, что подтверждает бытование подобного способа внебоевого ношения шлема. С XIV века вместо бармицы могли использоваться металлические наушники. Также встречалась личина. Простые воины применяли для защиты головы плетенные из подручных средств (прутьев и т. д.) покрытия. Так, в одном из вогульских преданий говорится о травяной шапке, которая дополняла комплект защитного вооружения. Князья отличались особым «трехрогим» (трехлучевым) шлемом, низ которого напоминал первый из описанных шлемов, а верх выполнялся в виде трехлучевой короны.

Необходимо упомянуть и о костюме мансийского мужчины того времени. В него входили матерчатая рубаха (только угры в Западной Сибири знали ткачество), выворотная меховая или замшевая куртка-малица (на нее обычно одевали доспехи), штаны (зимой меховые) и обувь, надеваемая на чулок-«вай», шуба-«совик» для сильных морозов. Поверх доспеха обязательно полагалось носить богатырский пояс-«энтап». В районах распространения оленно-нартового транспорта носили длинные сапоги «ерн-вай» («ненецкий чулок»), которые привязывали ремешками к поясу под малицей. Особенностью мансийской малицы («мольсянг») было наличие на груди и рукавах полос ленточного орнамента с конгруэнтным и многократно повторяемым узором[8].

Примечания
1. Пелих Г. И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Нс. 1981. С. 118.
2. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. Нс. 1989. С. 123.
3. Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб. 1881. С. 44.
4. Сведения по типологии вооружения и доспехов приводятся по: Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Нс. 1987.
5. Подробнее об этом клинке см.: Джанполадян Р. М., Кирпичников А. Н. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале//Эпиграфика Востока. Л. 1972. Т. 21. С. 528–533.
6. Варианты расшифровки этой надписи см.: Eduard Wagner. Hieb- und Stichwaffen. Praga. Artia. 1966.
7. Винклер П. П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. СПб. 1992. С. 271.
8. Образцы мансийской одежды см.: Гемуев И. Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Нс. 1992; Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л. 1961; Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири. М.; Л. 1954.

Ольга **КОШЕЛЕВА**,
кандидат исторических наук

ИВАН АЛЕКСЕЕВ СЫН РЫБНИКОВ

Из жизни незнаменитых людей в эпоху Петра

Портрет вологодского купца Г. М. Фетиева (ум. около 1684 г.) — земляка и современника старшего поколения Рыбниковых.

...Этот человек, посадский Иван Алексеев сын Рыбников, родившийся в 1696 году в городе Вологде, начал преследовать меня совершенно неожиданно. Никакого намерения прослеживать жизненный путь Рыбникова у меня не было. Я вообще не имела понятия о его существовании, пока он сам не заявил о себе. Вернее, это сделала его жена.

Все началось с того, что, просматривая челобитные, принесенные жителями Петербурга в 1718–1719 годах в Надворный суд — новоучрежденное Петром I судебное заведение для горожан, — мое внимание привлекла одна явочная челобитная (по-современному заявление), в которой жена жаловалась властям на мужа, просила оградить от него в судебном порядке. Поскольку над нами довлеет широко распространенное мнение о бесправии русских женщин, их боязни выглянуть за ворота своего дома (что, на мой взгляд, верно для большинства, но отнюдь не для всех женщин того времени), то эта челобитная показалась несколько необычной. В ноябре 1719 года Рыбникова Прасковья, Васильева дочь, сообщала следующее: в 1717 году ее муж Иван Алексеев сын Рыбников «съехал из Санкт-Петербурга к Вологде в дом свой для разделу с братом своим Прокофьем» (видимо, раздел имущества сыновьями происходил в связи со смертью отца). «И уведомилась она от комиссарства, что де он, муж ея, де, быв на Вологде, явился во многих воровствах[1] и в тех воровствах пытан. И в нынешнем 1719 году, а в котором месяце и числе о том неведома, оной, де, муж ея послан был с Вологды в Санкт Питербурх на каторгу скован и дорогою бежал из-за караула». И теперь, — сообщала Прасковья, — «оной ея муж Иван Рыбников всегда на дороге, куда она за своими нуждами не пойдет, встречается и грозит смертным убивством и принуждает ее жить с собою». Она же, «опасаясь царского величества и градских законов гнева, для помянутого его воровства и гроженья смертного жить с ним не хочет». Поэтому Прасковья просила ее челобитье «в Надворном суде записать в книгу, чтоб ей от царского величества никакого гнева в его (мужа. — *О. К.*) воровстве не принять».

Похоже, что заявление Рыбниковой было скрытым доносом на попавшего в несчастье мужа, так как выследить его через общение с нею не составило труда. Таким образом Прасковья искала способ освободиться от своего супруга.

Во второй раз фамилия Рыбниковых привлекла мое внимание среди «сказок» санкт-петербургских жителей, собранных с них в 1718 году для переписи населения. Двор Рыбниковых находился на Санкт-Петербургском острове в Посадской слободе. Его хозяева были молоды — в 1718 году Иван имел 22 года от роду, а Прасковья — 24, у них уже родилась дочь, которой исполнился годик; с ними жил и брат Ивана Прокофий 15 лет[2]. Иван Рыбников не только собственноручно подписал свою «сказку», но и самостоятельно ее написал, что говорит о его свободном владении грамотой[3].

В руки случайно попали дела вологодского магистрата — захотелось посмотреть: а не сохранилось ли случайно там дело Рыбникова?

Рыбниковых в документах было множество — они покупали и продавали дворы, брали в долг, участвовали в драках — вели обычную жизнь посадских людей. Более того, один из Рыбниковых — Алексей (но не отец нашего Ивана) входил в городской магистрат в качестве бурмистра[4], другой — Афанасий — значился в «президентах» магистрата (то есть он стоял во главе бурмистров). Теперь стало ясно, что Иван Алексеев сын Рыбников принадлежал к одной из старых и влиятельных фамилий в Вологде[5], члены которой владели, среди прочего, лавками в рыбных рядах[6], откуда, видимо, и получили свое прозвание.

Однако в вологодских документах петровского времени Рыбниковых с разными именами оказалось много, несколько раз встретился Прокофий, Иваны тоже имелись в немалом количестве, но точно определить, кто из них мой знакомый Иван Алексеевич, было невозможно, да и дела о «воровстве» Ивана Рыбникова, похожего на искомое, не нашлось. Голос разума подсказывал мне больше не тратить время на тщетные поиски. Но я все-таки сделала своему любопытству маленькую уступочку. Одно-единственное дело я все же заказала, хотя оно относилось к 1725 году, то есть никак не могло быть связано с событиями 1719-го, когда Рыбникова сослали на каторжную работу. Но в заголовке прямо был назван Иван Алексеев сын. А посвящен процесс был делу о «воровском

зарезании» коровы двумя посадскими людьми — Иваном Рыбниковым и Юрием Воробьевым[7].

Как только я раскрыла эту пыльную папку, которую до меня никто не читал, то сразу поняла, что это тот самый, искомый «петербургский житель», в данном случае «за воровство наказанный Рыбников». Значит, остался жив и вернулся домой в Вологду! Дело это, конечно, пополнило историю Рыбникова новыми фактами. 19 сентября 1725 года некий дворовый человек Иван Кузнецов, находившийся по соседству с двором Юрия Воробьева, услышал у того в амбаре сильный шум, стон и хрипы. Побежал посмотреть, подергал дверь в амбар, но нашел ее запертой изнутри и счел за благо направиться в магистрат и сообщить о непорядке. Власти тут же прислали команду солдат, которые взломали амбарную дверь и обнаружили там мертвую корову с перерезанным горлом, рядом валявшийся нож — орудие убийства — и сидящих в том же амбаре Воробьева и Рыбникова. Их арестовали и привезли в магистрат, труп коровы также забрали в качестве улики. Хозяйка скотины — бобыльская жена — к тому времени заявила о своей пропаже, присовокупив сообщение о том, что ранее у нее таинственно пропал и боров[8].

Начался допрос, в ходе которого лишь одно показание обоих обвиняемых совпало — то, что они являются двоюродными братьями (по материнской линии) — во всем остальном их показания были различны. Рыбников рассказал, что зашел к своему брату, желая купить у него двор[9], видел, как в открытые ворота забрела чужая корова и Воробьев загнал ее в свой амбар. Позднее Воробьев вышел из избы и долго не возвращался, Рыбников пошел его искать и нашел в амбаре с ножом в руках перед бездыханной тушей. Воробьев запер за ним дверь и приказал молчать. Отвечая на вопросы судей, Иван о себе сообщил, что, «кроме прежнего своего воровства, за что был в публичном наказании и в каторжной работе и потом для показанного вечного мира свобожден с пашпортом, в других никаких воровствах нигде не бывал и убивств и поджегов не чинивал и воровских людей никово не знает»[10]. Юрий же рассказал, что действительно его двоюродный брат Иван Рыбников, который «в воровствах был пытан неоднократно и был в каторжной работе», заглянул к нему по-родственному и вскоре был обнаружен хозяином дома в амбаре с ножом в руках перед погибшей коровой. Увидев вошедшего брата, Рыбников запер дверь и приказал ему молчать, на крики соседей не откликаться[11]. О себе же Юрий сообщил, что он честный горожанин, под судом и следствием никогда не находился. Каждый из обвиняемых собственноручно подписал свои показания (Воробьев, так же как и Рыбников, умел писать, его отец вообще относился к грамотеям — был дьяком у архиерея).

Взаимные обвинения братьев ничуть не продвинули дело, и судьи перешли к пыткам. Рыбников получил 25 ударов кнутом, но своих показаний не изменил. Тогда его стали пытать «на виске», то есть подвесили на дыбе

Линогравюра И. И. Варакина и Н. П. Дмитриевского из уникального альбома «Старая Вологда» (1923 г.), изданного тиражом 490 экземпляров.

и встряхивали. Воробьев же пыток избежал. И вот, находясь в подвешенном состоянии и, видимо, испытывая немалые мучения, Рыбников сказал за собой «слово и дело о здоровье государском» и попросился в Преображенский приказ. Сказать за собой «слово и дело» издавна означало, что сказавший знал нечто, имеющее первостепенную государственную важность, в первую очередь о покушениях на государеву жизнь. Таким образом, на время такой информатор становился очень важной персоной, его охраняли и везли на допрос в высшее судебное учреждение.

Видимо, так плохо пришлось Рыбникову из-за той разнесчастной коровы, что он, желая хоть на время избавиться от мучений, добровольно попросился в Преображенский приказ — настоящий кровавый застенок. Возможно, что он надеялся по дороге сбежать, ведь такой опыт у него уже был во время первого ареста.

Но из Преображенского срочно приехали три конвоира, заковавшие его в кандалы, так что побег стал весьма затруднителен. Быстро, на ямщиках, Рыбникова доставили в Москву. И весьма скоро вологодские городские власти с курьером получили новый указ из Преображенского приказа — срочно с конвоем прислать к ним Юрия Воробьева, который еще содержался под караулом в магистрате. Нетрудно догадаться, что эту малоприятную «прогулку» ему обеспечил братец, который сказал в расспросе, что его «слово и дело о здоровье государском» сводится к слышанным от Воробьева словам, а о чем там речь, знает лишь сам Воробьев. Воробьев на очной ставке не запирался, а признался, что действительно такие слова говорил, но спьяну, на самом деле ничего он не знал. Пока суть да дело, умерла императрица Екатерина I, о здоровье которой шла речь, и братьев из Преображенского отправили назад в Вологду, видимо, поняв, что их заявления ничего под собой не имеют.

Вологодский магистрат заплатил за казенный проезд Рыбникова и Воробьева под конвоем туда и обратно 2 рубля 18 копеек и снова посадил их за караул. Дело о корове зашло в тупик. Братьям, видимо, стало ясно, что их будут держать под арестом до тех пор, пока один из них не признается. Не выдержал Воробьев. Он полагал, как самолично о том и заявил, что в первую очередь преступление спишут на каторжника Ивана Рыбникова. И действительно, судьи склонялись к этому, применяя к Ивану пытки более жестокие, чем требовало расследование убийства коровы. В итоге Рыбникова отпустили с миром, а Воробьев был наказан.

Пока я читала дело «о воровски зарезанной корове», переживая за Рыбникова, как бы между прочим обнаружилось еще два судных дела, связанных с ним же. Они пролили некоторый свет на то, что произошло с Иваном Рыбниковым между его амнистированием по случаю заключения Ништадтского мира 30 августа 1721 года и тем сентябрьским днем 1725 года, когда его попутал бес прийти на двор к братцу.

Отпущенный на свободу, Рыбников не остался жить в Петербурге, видимо, его как бывшего преступника выдворили из столицы в родную Вологду. В мае 1722 года он пришел в ратушу и поскандалил: «Вологоцкой ратуши бурмистры Сидор Овсянников с товарищи приговорили Санкт-Питербурхскому жителю Ивану Рыбникову, который за воровство свое был в каторжной работе и для всемерной радости и вечного замирения с швецкою короною от оной работы свобожден: за невежливые ево, Рыбникова, в вологоцкой Ратуше перед судейским столом слова и за называние бурмистра Симона Манойлова бездельником, учинить наказание, сняв рубаху, бить батоги нещадно, чтоб ему, Рыбникову, и другим, на то смотря, неповадно было так делать»[12]. Значит, еще до «дела о корове» у Рыбникова возникли напряженные отношения с городскими властями, которые, как мы уже успели убедиться, отнеслись к нему как к неисправимому преступнику.

По возвращении в Вологду Рыбников купил двор за 50 рублей. Его соседи были также Рыбниковы, взрослые дети его дяди Николая — Афонасей, Прокопей, Осип и Иван. В апреле 1724 года умерла мать Авдотья Михайловна Рыбникова, и братья Иван да Прокофий Алексеевичи остались в своей семье одни. Перед смертью Авдотья Михайловна срочно, с согласия сыновей, продала свой двор за 60 рублей двоюродным «Николаевичам» Рыбниковым, видимо, таким обычным способом были загодя получены деньги на похороны и поминовение ее души[13].

История эта продолжилась в Исторической библиотеке, где я намеревалась просмотреть печатную опись документов и дел Святейшего синода за 1719–1720 годы. Толстенный том открылся наугад, и из него опять возникло очередное дело Ивана Рыбникова. Как оказалось, его жена Прасковья обращалась с жалобой на мужа не только в Надворный суд, она примерно через год обратилась в Синод с просьбой о разводе. Просьба, надо сказать, по тем временам чрезвычайно редкая[14]. Теперь стало ясно, что ее муж Иван Рыбников был властями пойман и отправлен в галерную работу, то есть был гребцом на судах. Прасковья наивно разъясняла, что муж дал ей письменное согласие на ее вступление в другой брак. Синод обратился в Адмиралтейскую коллегию, в ведении которой находился теперь Иван Рыбников, с просьбой допросить его: действительно ли он дал жене своей Прасковье «свободное своеручное письмо, дозволяющее ей вступить в брак и жить, где она пожелает?»[15] Рыбникова допросили, и он подтвердил, что такое письмо он жене дал в августе 1720 года.

Вологодская тюрьма.

Видимо, подобная практика гражданского развода в среде горожан была распространена и супруги Рыбниковы пошли по обычному в таких случаях пути, ведь получить от церковных властей развод было возможно лишь в редчайших случаях, а необходимость расторгнуть брак была очевидной и насущной. Пример такого же «свободного» письма имеется в деле петербургского жителя, который, не желая жить с законной супругой, в 1718-м выдал ей та-

кую грамоту: «Се аз, Кузьма Иванов сын Колесников, дал сие письмо жене своей Агафье Елисеевой дочери, ежели похощет она идти замуж за другого, и я, Кузьма Иванов сын Колесников, в том сие письмо даю на все четыре стороны, и при сем письме свидетели...»[16]. Грамота написана по образцу отпускных, выдаваемых крепостным на волю...

Хотя решения по делу нет, можно предположить, что Рыбников был наказан за сочинение подобного письма и непонимание того, что святое таинство брака невозможно разрушить по своему желанию, и Прасковья официального развода не получила.

Конец истории жизни Рыбникова пока мне не известен, боюсь, что душа его осталась неотпетой, потому и преследует он меня без всякого моего на то согласия. И я чувствую, что его имя еще появится передо мной на листах архивных дел. Рассказанное же на этих страницах — еще не биография, а лишь отдельные фрагменты из жизни человека петровского времени, сложившиеся в некоторую общую картину. Не раскрыт и главный вопрос, на который обычно стремится ответить биограф: что это была за личность, что за характер? Из сохранившихся сведений о Иване Рыбникове прослеживается лишь то, что судьба этого человека сложилась несчастливо. Оказались ли в этом повинны какие-то определенные черты его личности, или просто его преследовали неудачи, как, например, в «деле о корове»?

В молодом возрасте, еще при жизни отца, наш герой вынужден был покинуть Вологду — он стал «переведенцем», «петербургским жителем», а фактически — изгоем. Посадская община, согласно петровским указам о заселении Петербурга, должна была выбирать из своих членов на «вечное житье» в новую столицу зажиточные и крепкие семьи, но фактически посад стремился «скинуть» в Петербург тех, кто в городе не пришелся ко двору, бедных, неплательщиков, а также всех, кто отличался неприемлемым в обществе поведением. Выборы переведенцев в Петербург проходили сложно, на выборщиков оказывали давление, прибегали к различным уловкам, чтоб оградить себя и своих близких от отъезда. Избранных держали до момента отправки из города под караулом, а потом везли в новую столицу в сопровождении конвоя из тех же выборщиков.

Так или иначе, Ивану Рыбникову вместе с братом Прокофием пришлось пережить эту мучительную процедуру, сограждане выбрали его семью в «переведенцы», а родные и близкие, многочисленные Рыбниковы, не спасли его от отъезда. Уже это могло озлобить братьев.

Впрочем, может быть и так: он принадлежал к тем немногим, которые добровольно пожелали переехать в Петербург. В результате смены места жительства к 20 годам Иван приобрел свободу от многочисленных вологодских родственников и стал самостоятельным главой семьи, опекуном младшего брата. Тем не менее братьев тянуло обратно в Вологду, где за ними оставалась часть наследственной собственности. И тут, вернувшись на родину, братья Рыбниковы совершили некое преступление, причем младший Прокофий, как и Иван, подвергся публичному наказанию, видимо, их секли на площади кнутом при всем честном народе, но младшего, в отличие от Ивана, не приговорили к каторге. Это становится ясным из дел, связанных с Прокофием, который так же, как и Иван, явно не отличался спокойным нравом.

Ясно, что братья Иван и Прокофий Рыбниковы были людьми несдержанными и даже буйными, и в том причина их «воровства». Но в целом такое поведение, при котором эмоции не считали нужным сдерживать и всякое неудовольствие своим ближним выражали руганью и битьем, было обычным для людей того времени, не только для простых посадских, но и для «царедворцев».

Во всяком случае, постоянный конфликт Рыбникова с властью в материалах присутствует столь же часто, как и конфликт с собственной женой. Видимо, помимо крепкого здоровья (выдержал пытки, побои и галерные работы и сохранил, судя по его подписям 1722 и 1725 годов, твердую руку), он имел еще и твердый характер. Иван как мог боролся за себя — бежал из-под стражи, тащившей его на каторгу в Петербург, и даже подвешенным на дыбу он не взял на себя чужого преступления.

Словом, для романтического пера вполне достойный материал, чтобы представить Рыбникова личностью сильной, но глубоко несчастной. Взглянув на документы более реалистично, можно увидеть обыкновенного провинциального скандалиста и грубияна. Можно вообще оставить Рыбникова в покое и не воскрешать его из небытия...

Но обращение к вышеизложенному сюжету, как кажется, важно не только для историка, но и для самого Ивана Алексеева сына Рыбникова. Для рядового человека очень значимо не исчезнуть бесследно, а где-то, как-то оставить свое имя, чтоб люди знали, говоря словами Гоголя, что есть такой Бобчинский. Мои читатели, наверно, привыкли в основном к чтению биографий людей знаменитых. Рыбников же был мелким торговцем из провинциального города и никак, ни в чем себя положительно не проявил. Но через его биографию, слова и поступки, бытовые реалии и многое другое можно увидеть русский город петровского времени. До настоящего момента он остается «безлюдным», а если кто в нем и мелькнет — то в большинстве своем это именитые горожане[17].

Пусть же Иван Алексеев сын Рыбников примет участие в его заселении.

Примечания
1. Слово «воровство» на языке описываемого времени означало преступление вообще, а не кражу, как в современном русском языке.
2. РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 3. Д. 8663–8947. Л. 150–151 об.
3. Видимо, в челобитной Прасковьи Рыбниковой ошибка в дате отъезда ее мужа в Вологду (1717 г.), совершенная либо самой Прасковьей, либо записавшим челобитную дьяком, так в мае 1718 г. Иван Рыбников определенно был в Петербурге и проживал в своем дворе.
4. РГАДА. Ф. 717. Д. 378 (1720 г.).
5. Буданко Иванов сын Рыбник, купец, посадский человек значится в писцовой книге Вологды 1629 г. Видимо, он и явился родоначальником многочисленных Рыбниковых Вологды//Чайкина Ю. И. История вологодских фамилий. Вологда. 1989. С. 28.
6. В 1713 г. в Вологде было два рыбных ряда — один в 9 лавок, другой — в 10. См.: Суворов Н. Вологда в начале XVIII века. Вологда. 1861. С. 11.
7. РГАДА. Ф. 717. Д. 644.
8. Там же. Л. 3.
9. Отца Воробьева только что похоронили, и шла распродажа детьми его имущества.
10. РГАДА. Ф. 717. Д. 644. Л. 13.
11. Там же. Л. 16.
12. Там же. Д. 420.
13. Там же. Д. 545. Л. 1–7.
14. О разводах см.: Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М. 1997. С. 235–349.
15. Описание документов и дел Святейшего синода. Т. 1. СПб. 1868. № 139/244. Стб. 126–127.
16. Цит. по: Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л. 1982. С. 52.
17. Исключение составляют работы А. И. Куприянова, в которых даются интересные образы русских горожан второй половины XVIII–XIX в. См.: Куприянов А. И. «Пагубная страсть» московского купца//Казус. 1996. С. 87–110; Он же. Русский горожанин в поисках социальной идентичности//Одиссей. 1998.

Борис **КУЗНЕЦОВ**

НАЦУДЗОЙ СУТОРОНЭ

Приключения японцев в России

В XVIII веке не только в России, но и во всем мире о Стране восходящего солнца почти ничего не знали. И это неудивительно, сами японцы постарались как можно плотнее отгородиться от любопытных глаз. С 30-х годов XVII века Япония начала свою полную самоизоляцию, от которой избавилась только в 1854 году. Это мероприятие было торжественно названо «открытием дверей». С 1636 года японцы под страхом смертной казни не могли покидать пределы родины, а также строить большие суда, на которых можно было бы выехать из страны. Все иностранцы в одночасье были выдворены, и лишь два раза в год корейским и китайским торговым судам разрешалось заходить в порт Нагасаки. Один раз в год там же мог бросить якорь корабль из Голландии. Под страхом суровых наказаний, вплоть до смертной казни, японцам было запрещено записывать, хранить и распространять сведения о других государствах. Но в самом конце блестящего XVIII века произошла хоть и случайная, но знаменательная встреча двух культур — японской и русской.

Остров Амчитка

Во взаимном неведении есть какая-то прихотливость и чистота лабораторного эксперимента. Нечасто мы становимся свидетелями подобных событий. Но в этом случае нам повезло. Добросовестные японцы оставили о тех давних событиях весьма объемную книгу — «Краткие вести о скитаниях в северных водах», по-японски — «Хокуса монряку». Основой для нее послужили подробные следственные показания капитана японской шхуны Дайкокуя Кодаю и его матроса Исокити, занесенных бурей к российским берегам и проживших там со своими товарищами по несчастью целых десять лет.

Все начиналось очень буднично. Рано утром 4 января 1783 года небольшая японская шхуна «Синсё-мару» вышла в море. Она выполняла каботажное плавание и везла груз риса. На ее борту было семнадцать человек команды. В открытом море судно неожиданно попало в сильнейший шторм и сразу же потеряло мачту и руль. Совершенно неуправляемую шхуну носило по Тихому океану целых семь месяцев. Моряки все это время, 208 дней, питались рисом, которого, к счастью, вдоволь оказалось на борту, и пили дождевую воду. За все время мучительных морских скитаний погиб лишь только один из них. В конце концов уже отчаявшихся моряков прибило к небольшому острову Амчитке, одному из Алеутских островов, принадлежащих России.

На острове была фактория русских промышленников, добывавших и выменивавших меха. Но здесь японцев ждало разочарование. Сначала они никак не могли объясниться с хозяевами острова, но когда через пару месяцев взаимопонимание было кое-как достигнуто, оказалось, что эта партия промышленников высадилась на острове совсем незадолго до появления на нем японцев, а по договору корабль за ними должен был прийти лишь только через три года. Японские моряки оказались изолированными на все это время, к тому же их пострадавшую шхуну, едва поставленную на прикол, вдребезги разбило штормовой волной. За три года японцы постепенно начали осваивать русский язык. Позднее они признали его красивым и емким, но весьма трудным, а грамматику и азбуку вообще непонятными, поскольку в русском алфавите всего 31 буква.

Хокусай. Большая волна.

все буквы имеют звук, но совершенно не имеют смысла». На Амчитке, где жизнь не была легкой, от различных болезней скончались семеро моряков.

Но вот к обещанному сроку к острову подошел русский корабль. К неописуемому горю встречающих, на их глазах он разбился о прибрежные камни у самого входа в бухту. Терпения еще на несколько лет ожидания ни у японцев, ни у русских не осталось, и из останков двух кораблей за год они соорудили некое подобие судна, на котором, впрочем, вскоре смогли добраться до Камчатки. Русские власти конечно же не смогли предоставить японцам корабль для возвращения на родину. Столь серьезный вопрос мог быть решен только в Петербурге. Но и с Камчатки не так-то просто было съехать. Год провели здесь многострадальные японцы в ожидании то погоды, то установления пути, то оказии. Здесь от цинги умерли еще трое из них. Из семнадцати человек экипажа шхуны оставалось уже только шестеро. (Опережая события, скажем, что из них лишь только трое вернулись в Страну восходящего солнца.)

Наконец, в феврале 1789 года, через семь лет после того, как они покинули родину, японцы попали в Иркутск, где власти могли если не решить их проблемы, то хотя бы сказать, что им теперь делать, ведь в тщетных попытках вернуться домой японцы все больше удалялись от него.

Литографии из коллекции РГАДА.

Иркутск

В Иркутске они с удивлением обнаружили небольшую общину своих соотечественников. Оказывается, уже четыре раза до этого море заносило японцев в Россию. Опасаясь вернуться домой после долгого отсутствия в пределах страны, они приняли православие и остались на житье в Иркутске. Их примеру последовали и двое матросов из команды шхуны. Матрос Сёдзо после крещения превратился в Федора Степановича Ситникова, а Синдзо — в Николая Петровича Колотыгина, причем последний сделал неплохую карьеру на русской государственной службе: из простого матроса на небольшой японской шхуне он дослужился до чина титулярного советника, что по табели о рангах соответствовало воинскому званию капитана.

В Иркутске японцам наконец-то повезло, в их судьбе решил принять участие известный естествоиспытатель и путешественник Кирилл Густавович Лаксман. Академик Петербургской академии наук, он имел связи и знакомства в столице. Решительно взяв дело в свои руки, Лаксман в январе 1791 года повез капитана Кодаю в Петербург.

Японский капитан вот уже семь лет ехал по России и пересек ее почти от края и до края. Свое мнение о неведомой стране, где проживали, как считалось в Японии, «сырые варвары», он уже успел составить. Конечно же, его потрясли наши просторы. Такое изобилие неосвоенной суши японцу, привыкшему рачительно использовать каждый клочок земли, трудно было даже вообразить. И потому он обмолвился: «Земли там, может быть, в несколько десятков раз больше, чем в стране у нашего императора, а населения, наоборот, пожалуй, меньше, чем у нас». В сравнении с Японией природа вообще не балует русских, урожаи не так велики, а плоды земли не так разнообразны. Малое же употребление риса, по мнению японца, свидетельствует вообще о нищете. Его не хватает даже на государственные надобности: «В России производство зерна очень незначительное, поэтому жалованье платят только деньгами», по этой же причине подданные не в состоянии платить налоги рисом. С этим, видимо, связан и в самом деле небогатый рацион простолюдинов, основу которого составляет хлеб, который для японца — «якимоти», то есть рисовая лепешка, но чтобы подчеркнуть русскую специфику, автор указывает, что она сделана «из муги», то есть из муки.

В рассказе японца не чувствуется привычной по сочинениям западных путешественников предвзятости и высокомерия. Он впервые видел эту страну и этих людей и писал, опираясь только на свои впечатления. В целом же русские в его представлении оказались такими: «высоки ростом, белые, глаза голубые, носы очень крупные, волосы каштановые. Красивыми у них считаются женщины с румяными лицами. Русские отличаются уважительным и миролюбивым характером, но вместе с тем отважны, решительны и ни перед чем не останавливаются. Они не любят праздности и безделия». На фоне таких достоинств недостатки кажутся мелкими и несущественными. Так, например, японцам бросилось в глаза, что русские очень любят хвастаться, рассказывая о своем достатке, при этом они всегда стараются указать, сколько стоит та или иная вещь, принадлежащая им.

Кодаю, проявив достойную веротерпимость, даже не осудил русских за то, что они по-своему поклоняются Будде, которого именуют странным именем Кирисутосу (Христос). Он лишь с удивлением обратил внимание на то, что они молятся «висячему изображению будды» (иконе) и носят на себе его фигурку, прикрепленную к крестику. Молитвы же у русских совсем несложные, они «складывают щепоткой большой, указательный и средний пальцы и, говоря «осподи помируй», прижимают их ко лбу, к груди, к правому плечу и к левому», что очень похоже на традиционное многократное распевание нембуцу, имеющего магическую силу заклинания: «Наму Амида Буцу» (Славься, Амида-будда).

Петербург

Но вот, наконец, успев как следует рассмотреть Россию и русских, японец прибыл в Петербург, где Кирилл Лаксман через статс-секретаря императрицы графа А. А. Безбородко подал на имя государыни прошение о возвращении японцев, обставив это дело, как удобный предлог для установления отношений с Японией.

Петербург. Вид площади перед Адмиралтейством и Зимним дворцом.

28 июня 1791 года капитан шхуны Дайкокуя Кодаю был торжественно принят Екатериной II в Царском Селе. Длительный и чинный прием больше всего запомнился капитану тем, как близко к сердцу приняла русская императрица переживания и тяготы, выпавшие на долю японца. Во время рассказа она всплескивала руками и часто повторяла: «Охо, дзядко» [Ох, жалко] и «Бэньясйко» [Бедняжка], что в понимании капитана означало: «Достоин жалости!» (На приеме Кодаю отличился еще и тем, что, когда императрица милостиво подала ему руку для поцелуя, он, не сообразив, чего от него хотят, трижды ее лизнул, продемонстрировав, таким образом, свое глубочайшее почтение.) История злоключений японцев и впрямь заинтересовала Екатерину, и она еще неоднократно вызывала к себе во дворец японского капитана, чтобы вместе с наследником Павлом Петровичем послушать занимательные рассказы о скитаниях японцев и об их далекой родине.

Впрочем, Кодаю, привыкший к сложнейшим ритуалам на родине, о российском императорском дворе снисходительно заметил, что «дер-

Хиросигэ. Станция Мисима. Утренний туман.

жатся там очень просто». Эта простота едва не стоила жизни японскому капитану. После одного из приемов радушный наследник престола Павел Петрович (в будущем — император Павел I) запросто подвез Кодаю в своей карете до дома, причем сидел с ним бок о бок так, что на тряской дороге пассажиры касались друг друга. Для впечатлительного японца подобное святотатство в отношении божественной императорской особы стало сильнейшим психологическим потрясением. Переживая свой поступок, он впал в тяжелую немочь, от которой еле-еле смог оправиться. Надо сказать, что российский императорский дом и сама [«импэраторсука»] императрица в иерархии правителей государств для японцев стояли в одном ряду с самими императорами Японии. По их убеждению, в мире всего существовало 1100 государств, но лишь 7 из них управлялись императорами и подданные этих счастливых стран были неизмеримо выше всех прочих.

В Петербурге Кодаю были продемонстрированы примеры настоящего русского гостеприимства. Ему было разрешено всюду бывать и все беспрепятственно осматривать. Японца, отнюдь не отличавшегося высоким положением и знатностью на своей родине, считали за честь принимать у себя русские аристократы и самые богатые купцы. Многие из них старались покровительствовать японскому моряку. Он побывал в лучших домах Петербурга: у Юсуповых, Турчаниновых, Воронцовых, Мусиных-Пушкиных, Демидовых, запросто заходил в гости к всесильному графу А. А. Безбородко. Обласканный императрицей японский капитан рассказывал о своей стране в университете, школах, на светских раутах, в тюрьмах и даже в публичных домах. Понимая, что всех интересовала в первую очередь экзотика его странствий и принадлежность к далекому и неведомому народу, Кодаю на все светские встречи являлся в традиционном японском костюме (шелковое кимоно хаори, шаровары хакама и короткий меч вакидзаси), хотя, заботами Лаксмана, был снабжен и вполне приличным европейским платьем.

Как ни удивительно, но японский капитан так ни слова и не сказал о знаменитом русском пьянстве, которое у нас принято хулить и втайне гордиться им. Зато в сочинении много говорится о различных интимных предметах, о которых у нас не говорят и не гордятся ими и которые для японца есть естественная составляющая человеческой жизни. Так, кстати, японскому капитану весьма понравились публичные дома Петербурга, которые, по словам Кодаю, там существовали вполне легально и пользовались большой популярностью у населения. Более всего его поразило богатое убранство заведений и обходительность девушек. Заслужив расположение проституток, он в полной мере пользовался их симпатиями, ввиду чего с него не брали платы и даже одаривали различными подарками. (Изо всех дарительниц Кодаю больше всего запала в душу девушка Елизавета, которая на прощанье трогательно ему подарила шелковый платок, три раскрашенных картинки и три рубля денег.) Несмотря на льготное обслуживание, японский капитан привел подробные сведения о расценках на услуги подобного рода (от 1 до 5 рублей серебром за ночь), а также описал особенности функционирования российских «зеленых домов».

Заодно с публичными домами, столь любезными сердцу Кодаю, он оставил потомкам уникальнейшую информацию, которую, пожалуй, больше найти негде. Капитан подробнейшим образом описал русские сортиры и деятельность ассенизаторских служб. Этому предмету, имеющему в Японии особое эстетическое преломление, он уделил внимания гораздо больше, чем, скажем, просвещению.

Заметил японец в России и гомосексуализм (содомский грех), отметив, что для сего весьма распространенного и почему-то преследуемого законом явления у русских есть даже свое маловразумительное обозначение — "дзоппаэбёто».

Единственное, чего так и не понял Кодаю в Петербурге, — это система финансов и кредитов (впрочем, они и поныне остаются для иностранцев загадкой). Например, банк так и остался в его понимании красивым двухэтажным зданием за высоким зеленым забором, и не более того.

Возвращение

Между тем, пока японский капитан на правах гостя знакомился с жизнью российской столицы, его дело своим чередом шло по канцеляриям Петербурга. Наконец, после долгих разбирательств японцев все-таки решили отправить на родину и, конечно, не последнюю роль в этом сыграла возможность использовать подвернувшийся случай для установления отношений с восточным соседом. Как значилось в указе о снаряжении экспедиции: «Случай возвращения сих японцев в отечество открывает надежду завести с оными торговые связи». (Однако в Петербурге на случай провала мероприятия решили подстраховаться — вся экспедиция с подарками и предложениями о дружбе и торговле направлялась якобы по инициативе и от лица сибирского генерал-губернатора.)

Возвращались лишь только трое: пока шли разбирательства, умер еще один матрос из команды капитана Кодаю, дожидавшейся его в Иркутске. Напоследок растроганная императрица щедро одарила отъезжающих. «Капитан Кадай» получил из ее рук табакерку, золотую медаль, золотые часы и 150 червонцев (надо сказать, весьма приличную сумму, ибо червонец был тогда золотой монетой весом в 3,5 грамма), остальным досталось по серебряной медали и по 50 червонцев. Не были забыты и невозвращенцы, но поскольку они уже были российскими подданными, то им пожаловали по 200 рублей, но только не золотом, а бумажными ассигнациями.

Экспедицию в Японию возглавил сын Кирилла Густавовича Лаксмана поручик Адам Лаксман. Японцы должны были вновь пройти через всю Россию, теперь уже спешно и в обратном направлении. В Охотске они пересели на бригантину «Екатерина» и уже на ней 9 октября 1792 года благополучно прибыли к японским островам. К разочарованию русских, надежды их не оправдались, досрочного «открытия дверей» Японии не состоялось. После препирательств с японскими чиновниками русскому судну разрешили войти в порт Хакодате. На суше русские посланцы оказались в глухой изоляции, им запретили самостоятельно передвигаться по городу и установили за ними строгий надзор. Японские власти объяснили русским морякам, что их, как и прочих иноземцев, по закону следовало бы как минимум навечно пленить, но их милостиво прощают и позволяют свободно вернуться туда, откуда прибыли. При этом им не преминули заметить, что впредь приезжать не стоит, да и привозить никого больше не надо. Японских же моряков, использованных в качестве предлога для визита, русские, по своему усмотрению, могут или забрать с собой, или оставить японским властям. Так и отплыл русский корабль ни с чем, оставив, конечно, в гостеприимной Японии трех ее верных подданных.

А японские моряки после многолетних скитаний вернулись домой, где уже, наверное, родственники успели их похоронить. Однако мытарства на этом не закончились, несчастные оказались в руках все тех же дотошных чиновников. Поскольку японцам, покинувшим страну по тем или иным обстоятельствам, не разрешалось возвращаться, началось длительное расследование. Ввиду того, что ситуация была непростой, моряков отправили в столицу, в Эдо, где начались многочисленные допросы, на которых присутствовал сам сёгун. Капитан и двое его матросов после многолетних скитаний «в северных водах» оказались подследственными, впрочем, матрос Коити вскоре после возвращения на родину умер (видимо, от переизбытка впечатлений), и ответчиков осталось только двое. На допросах было разрешено присутствовать и записывать их потомственному придворному врачу сёгуна Кацурагава Хосю. Ему по повелению Иэнари 11-го сёгуна дома Токугавы поручено было сделать подробный свод сведений о России. Работа, получившая, как мы уже знаем, название «Хокуса монряку», была закончена в 1794 году. Автор сжег черновые записи, дабы не быть заподозренным в крамольном хранении сведений об иных странах, а окончательный вариант сдал в императорский архив, где и был тотчас засекречен.

Книгу извлекли из архивов лишь только в 1937 году. Она вышла в Японии, все еще сторонившейся мира, крайне ограниченным тиражом и в продажу так и не поступила. Изучать ее начали только в конце 60-х годов. И лишь в 1978 году в России наконец смогли увидеть ее перевод, который, к сожалению, так и не вышел за узкие рамки академического круга историков-японоведов*.

Послесловие

Капитан Кодаю добавил к своему описанию России первый в мире русско-японский словарь-разговорник на 1500 слов и выражений (он, кстати, содержит приличный набор русской ненормативной лексики, которая для капитана казалась вполне общеупотребительной). В качестве примера русского литературного языка Кодаю предложил запись одной русской песни.

Так эта песня выглядит в русском оригинале:

Ах, скучно мне
На чужой стороне.
Все не мило,
Все постыло.
Друга милого нет.
Не глядел бы я на свет,
Что бывало, утешало,
О том плачу я.

Так ее записал капитан Кодаю:

Аха сукосино мэня
Нацудзой суторонэ
Фусенемиро
Фусэппосатэро
Доругамэрова нэто
Нагирэдэрабу янасиуэта
Титоппиваро утисяро
Отому пурати я.

А так она выглядит в его переводе на японский язык (разумеется, здесь мы приводим обратный перевод):

Ах, скучно
На чужой стороне!
Всех, всех прошу:
Не покидайте!
Какие же вы бессердечные,
Даже не посмотрите,
Отворачиваетесь в сторону.
Как горько, как тяжело.
И сейчас остается только плакать.

Хиросигэ. Ливень.

Александр **ФИЛЮШКИН**,
кандидат исторических наук

ОТ ХУДОСТИ СЕРДЦА

Измена в Отечественную войну 1812 года

В годы Отечественной войны под подозрение попадали чуть ли не все иноземцы, как принявшие русское подданство, так и имевшие временный вид на жительство. Некоторые из них пострадали «за фамилию», из-за излишнего рвения местных властей, видевших в каждом иностранце шпиона (как не вспомнить знаменитый эпизод, когда генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин велел выпороть своего повара только за то, что он француз). Иные действительно были замешаны в сотрудничестве с оккупантами.

Отечественная война 1812 года выявила немало примеров подобного сотрудничества. Взять хотя бы дело Станислава Жуковского — поляка, принявшего русское подданство и служившего учителем гимназии в Могилеве. После занятия города войсками Наполеона он получил звание секретаря у французского интенданта, вместе с мародерами участвовал в грабежах местного населения. Когда захватчиками была выдвинута идея проведения в Могилеве бала в честь имении Бонапарта, Жуковский сочинил стихи «для транспарантной картины». На ней Россия изображалась во тьме, а Польша — озаренная светом, под покровом с изображением Наполеона.

При наступлении русской армии Жуковский бежал вместе с французскими войсками, пытался скрыться в Вильно, где нашел убежище у местного профессора Бриотти. Там он был выслежен полицией и взят под наблюдение. Дальнейшая его судьба неизвестна[1].

Продолжение. Начало см: Родина. 2000. № 7.

На национальных окраинах французы часто привлекали на службу нерусских представителей местной администрации. Так было в западно-русских губерниях, где опорой оккупантов оказались так называемые маршалки — местные предводители дворянства. На эти должности избирались дворяне-украинцы, белорусы, поляки. Например, в Пинске местный маршал Г. М. Родзевский был назначен подпрефектом генералом Моро, чьи войска заняли город. Он был обязан собирать подати, формировать местное правительство и позаботиться о будущем рекрутском наборе для наполеоновской армии. Примечательно, что после изгнания захватчиков Родзевский некоторое время оставался в должности маршалка и лишь позже был арестован по доносу, хотя о его службе Моро было известно всему Пинску[2].

*Выступление Наполеона из Москвы.
С рисунка с натуры Фабер дю Фора.*

В Киевской губернии были арестованы поветовые маршалки Богуславский, Головинский, Таращанский, Мадейский, Липовецкий и Красницкий. Их сослали в Астрахань, Саратов и Воронеж. В вину им вменялось сотрудничество с оккупантами, пропаганда среди западно-русского дворянства идеи не давать людей в российскую армию для войны с Наполеоном, саботаж в организации местного ополчения. Примечательно, что такие случаи были скорее исключением, чем правилом, и в целом население западно-русских губерний восприняло приход французов как нашествие захватчиков. Вышеупомянутых маршалков дворянские собрания Киевской губернии даже собирались торжественно исключить из списков дворян[3].

Необходимо упомянуть и недостойное поведение некоторых представителей духовенства западно-русских губерний. Например, архиепископ Витебский и Могилевский Варлаам повелел всей епархии величать «в благодарственных ко Всевышнему молебствиях вместо императора Александра французского императора и италийского короля великого Наполеона». В Смоленске духовенство города встретило завоевателя с крестом и изъявлением покорности. В Минске епископ служил в его честь торжественную обедню, а в Подолии и на Волыни церковники раздавали прихожанам листки с текстом молитвы «Отче наш», где вместо имени Бога было вставлено имя Бонапарта[4].

Надо также сказать, что имперские власти в целом с пониманием относились к ситуации, возникшей в западных областях во время наполеоновской оккупации. Случаи прямого сотрудничества с врагом строго карались, но по отношению к основной массе населения велась гибкая политика. 12 декабря 1812 года был даже издан высочайший манифест о прощении жителей бывших польских областей (то есть западно-русских губерний), поддержавших Наполеона.

Перед войной и в ее начале русское правительство и командование принимают меры для нейтрализации угрозы возникновения «пятой колонны» из находящихся в стране иноземцев. В основном они заключались во временной высылке иностранцев из охваченных войной губерний[5]. В 1812 году главнокомандующим М. И. Кутузовым был издан указ о высылке всех евреев из Москвы в Нижний Новгород[6]. После окончания боевых действий их возвращали на места жительства, кроме лиц, уличенных в шпионаже в пользу Франции[7]. Впрочем, с последними обходились довольно мягко: к примеру, многим было разрешено просто навсегда уехать из России в Европу.

Довольно суровые меры власти применили к собственным подданным, в трудное для России время решившим отсидеться за границей. По указу 1813 года имения всех помещиков, не возвратившихся во время войны на Родину, были конфискованы государством[8]. Правительственный секвестр было отменен лишь в 1814–1815 годах, после окончательной победы над Наполеоном. Александр I объявил амнистию лицам, виновным в сотрудничестве с оккупантами или в уклонении от службы России в годину тяжелых испытаний[9]. Отношение в русском обществе к людям, запятнавшим себя уклонением от службы Родине и даже сотрудничеством с оккупантами, необычайно точно передается словами Дениса Давыдова: «Можно не награждать почестями истинных сынов России, ибо какая награда сравниться может с чувством совести их? Но щадить изменников столь же опасно, как истреблять карантины в чумное время»[10].

Одним из самых известных «изменных дел» является случай с сыном московского купца Михаилом Николаевичем Верещагиным, обвиненным в распространении в Москве воззваний от имени Наполеона. В июне 1812 года в руки московской полиции попало несколько рукописных экземпляров сочинений: «Речь Наполеона к князьям Рейнского союза» и «Письмо Наполеона к королю Прусскому в Дрезден». По Москве пронесся слух, что французский император распространяет прокламации, в которых обещает покорить «обе российских столицы» через полгода. «Пройдя через 63 человека в течение 14 часов», следствие остановилось на Верещагине. Он долго пытался запутывать показания, но в конце концов признался, что написал тексты прокламаций сам.

Незадачливый диверсант представлял собой молодого повесу, франкофила, поклонника Наполеона, бредящего блестящей карьерой и успехами этого великого полководца, мечтающего быть на него похожим. Он хранил дома портрет обожаемого Бонапарта в богатой раме, а также портреты 23 французских генералов. Подобные увлечения были распространены среди молодежи того времени, и о «моем Тулоне», подобно князю Андрею Болконскому, мечтали многие. Однако «бонапартизм» 23-летнего Верещагина принял довольно неожиданную форму: он стал как бы «играть в Наполеона», воображать себя императором и сочинил от его имени две весьма хвастливые и напыщенные речи.

Сам по себе данный факт заслуживал бы скорее медицинский, психиатрический интерес, если бы не конкретная историческая ситуация. В Москве 1812 года, ожидающей наполеоновского нашествия, подобные прокламации были, мягко говоря, неуместными. Отсюда и столь суровая реакция на них властей, и жестокость к нему населения. По материалам следствия, москвичи отзывались о поступке Верещагина так: «Этот злодей написал то, чего и сам Бонапарт писать не смеет».

Губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин писал Александру I по поводу ареста юного изменника: «Надо поспешить произведением в исполнение приговора ввиду важности преступления, колебаний в народе и сомнений в обществе. Я осмелюсь предложить Вашему императорскому Величеству средство согласить правосудие с Вашею милостию: прислать мне указ, чтобы Верещагина повесить, возвесть на виселицу и потом сослать в Сибирь на каторжную работу. Я придам самый торжественный вид этой экзекуции, и никто не будет знать о помиловании, до тех пор, пока я не произнесу его». Таким образом, власти собирались сделать из Верещагина «знаковую фигуру», чья судьба будет символизировать неизбежность наказания предателей.

15 июля общее присутствие Московского магистрата с Надворным судом приговорило купеческого сына к «лишению доброго имени», заклепанию в кандалы и вечной ссылке в Нерчинск. Однако Ростопчин стал требовать более сурового наказания, и по его инициативе дело было передано в Сенат.

19 августа Сенат вынес решение: хотя от «пасквиля», написанного Верещагиным, «никакого вреда не последовало» и он написан «единственно из ветрености мыслей», но в условиях войны дерзкие выражения в адрес России от имени Наполеона, содержащиеся в письмах, квалифицируются как измена. Поэтому преступник должен быть наказан 25 ударами кнутом и каторгой, его же сочинения палач должен публично сжечь под виселицей. Однако Верещагин не дожил до исполнения приговора.

В день оставления русскими войсками Москвы, 2 сентября, по призыву Ростопчина он был растерзан унтер-офицерами из охраны московского губернатора и толпой[11].

Наиболее крупное «изменное дело» войны 1812 года связано с деятельностью Московского оккупационного правительства. Во главе муниципального правления первопрестольной французами был поставлен гражданский комендант Ж.-Б. Лессепс. В его обязанности входило: закупка для французов провианта, размещение их войск по квартирам, содержание улиц, дорог и мостов, очистка улиц от трупов, досмотр за госпиталями и богослужениями, контроль над уголовными преступлениями. Состав должностей в муниципалитете выглядел следующим образом: председатель-интендант, голова, товарищи головы, члены муниципалитета, секретарь и казначей. Кроме того, учреждалась должность полицмейстера, в его распоряжении были комиссары.

Пост городского главы занял купец первой гильдии П. И. Находкин. Его товарищами стали: чиновник Вотчинного департамента надворный советник А. Д. Бестужев-Рюмин, виртембергский уроженец Е. Меньен, купец Я. Дюлон, московский именитый гражданин Ф. Фракман, купец П. Коробов, купеческий сын Н. Н. Крок. В муниципалитет в качестве членов вошли 14 человек. Секретарем назначен иностранец К. К. Куст, казначеем — дерпский купец Х. Фэ, полицмейстером — магистр Московского университета Виллерс, главным комиссаром — иностранец Пюжо.

А. Кившенко. Суд над Верещагиным в 1812 году.

Степень измены и сотрудничества с оккупантами этих лиц была разной. В заключении императорского манифеста от 30 августа 1813 года, в ст. 19 говорилось: «...находим мы некоторое, но к утешению весьма малое число заблудших людей, из которых иные от страха и угроз неприятельских, иные от соблазна и обольщений, иные же от развратных нравов и худости сердца, забыв священный долг любви к Отечеству и вообще к добродетели, пристали к неправой Богу и людям ненавистной стороне злонамеренного врага». В документах Особой сенаторской комиссии, расследовавшей дело о московских изменниках, говорится, что «вины тех подсудимых большей частью состоят в одной только слабости духа, не позволявшей им упорствовать с твердостию против угроз и насилий безчеловечного врага».

И. И. Теребенев. Русский Сцевола. 1813 г.

Все же необходимо назвать имена и поступки наиболее активных сторонников захватчиков. Магистр Московского университета Виллерс стал при французах полицмейстером, составлял для них списки кандидатов в комиссары полиции, объявлял французские прокламации и исполнял особые поручения. При оставлении Москвы неприятелем он отступал с армией Наполеона, позже бежал и из нее и был арестован уже в Черниговской губернии.

Надворный советник А. Д. Бестужев-Рюмин, пользуясь случаем, присвоил более восьми тысяч рублей, которые ему доверили на сохранение в Вотчинном департаменте. Он гордо носил красную перевязь, пожалованную ему французами, и прикрепил на своем доме табличку: «Жилище товарища городского головы». Губернский секретарь Щербачев, приписанный для службы в 1-й Егерский полк, дезертировал и стал состоять при свите Наполеона для особых поручений.

Русский подданный иностранного происхождения И. Бушот призывал французов «принять меры» против спрятанных в домах русских раненых. Купец Смирнов был избит крестьянами Вохонской волости, где пытался наладить сбор провианта для армии Наполеона и распространял от его имени прокламации. Его арестовали сами же сельчане под предводительством головы Стулова. Канцелярист Орлов был схвачен казаками в деревне Черная Грязь, где в качестве французского шпиона выведывал расположение русских войск.

После занятия русскими войсками Москвы (12 октября 1812 года) по приказу генерал-майора А. Х. Бенкендорфа, назначенного в освобожденной столице на должность полицмейстера, началось расследование в отношении лиц, сотрудничавших с оккупантами. Всего по следствию проходило 87 человек. Они были разделены на три категории: лица, уличенные в активном и добровольном сотрудничестве с неприятелем (22 человека), лица, занимавшие должности по принуждению и под контролем французов, при этом сделавшие что-то и полезное для города (например, член муниципалитета А. Сущев спас от разгрома университетскую типографию; таких было 37 человек), и подозреваемые (21 задержанный). Были еще арестанты, выделенные в особую категорию (у которых предательство совместилось с мародерством и уголовщиной).

Часть членов Московского оккупационного правительства оправдали, некоторые отделались админист-

ративными наказаниями, наиболее злостных служителей оккупантов лишили сословных привилегий и сослали в разные губернии (наибольшее количество — в Тамбовскую губернию и Сибирь). Понесенные изменниками наказания в целом были весьма мягкими, к тому же уже 30 августа 1814 года вышел царский манифест об их прощении[12].

И все же необходимо отметить необычно малое для войны такого масштаба число русских изменников, перешедших на сторону Наполеона. Предатели были в своей массе людьми незначительными. В принципе неизвестно ни одной сколь-либо важной фигуры, вставшей под французские знамена. Это была Отечественная война в истинном смысле этого слова. Наполеон вынашивал планы организации в России внутреннего сопротивления режиму, велел изучить историю Пугачевского бунта, который рассчитывал вызвать манифестом об освобождении крестьян. В мае 1812 года он приказал министру иностранных дел Г.-Б. Маре «заложить очаги восстания» внутри России усилиями специальных агентов (по данным русской военной полиции, в ноябре 1812 года в бумагах главной квартиры Наполеона, обнаруженных в деревне Рванице, найден список из 34 французских агентов — все иноземцы, приехавшие в Россию)[13]. Кроме того, он размышлял о возможности инспирирования сепаратистского бунта на Украине, а также среди татар и казаков.

Историки склонны объяснять нерешительность Бонапарта в этих вопросах его классовой солидарностью с русским дворянством, что сословная корпоративность в нем взяла верх и он не решился раздуть пламя «мужицкого восстания». Возможно, такие соображения и имели место (по крайней мере, позже сам Бонапарт заявлял, что не захотел «разнуздать стихию народного бунта»), но думается, что немалую роль в отказе от подобных планов сыграл и фактор массового патриотизма населения, с которым французский император столкнулся в таких масштабах чуть ли не впервые (до этого подобное народное сопротивление обусловило его неудачу в Испании).

О реакции крестьянства на нашествие Наполеона свидетельствуют воспоминания Дениса Давыдова. Описывая путь своего партизанского отряда, он пишет: «...путь наш становился опаснее по мере удаления от армии... Общее и добровольное ополчение поселян преграждало путь нам. В каждом селении ворота была заперты; при них стояли стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что пришли на помощь к ним и на защиту православной церкви. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от ударов коих судьба спасла нас». Давыдов описывает, как крестьяне села Егорьевское по ошибке истребили команду Тептярского казачьего полка, спутав их с французами, и замечает: «Вот пример остервенения поселян на врагов отечества»[14]. И этих людей Наполеон мог рассчитывать поднять на антироссийский мятеж, посулив «сладкую жизнь» в будущем?

Недаром анализ социального состава русских изменников 1812 года показывает, что в нем мало представителей низших сословий. Среди предателей было много чиновников, работников образования (главным образом обрусевших иностранцев), купцов, стремившихся нажиться за счет войны, отставных дворян, увидевших в участии в оккупационных органах власти шанс к своему возвышению. Но редко встречаются простые русские крестьяне и горожане, в массе своей проявившие тот самый патриотизм, который и послужил главной причиной гибели наполеоновской армии в России. Показательна цифра: из 247 547 жителей Москвы в оккупированном городе осталось всего около шести тысяч, да и из них большинство просто не смогло покинуть столицу по разным причинам.

Разница менталитета русских патриотов и иностранных захватчиков, которые не понимали самого характера встретившего их в России сопротивления, видна из яркого примера, приводящегося в мемуарах Дениса Давыдова. Он описывает пленение 15-летнего барабанщика Молодой Гвардии Наполеона Викентия Боде, которого Давыдов нарядил в казачью форму, держал при себе не только в кампанию 1812 года, но и в заграничных походах русской армии, довез до Парижа и сдал на руки родителям. К его изумлению, спустя два дня Боде с родителями попросили выдать ему аттестат, что он сражался в отряде Давыдова... против французов! Пораженный гусар возражал, что если он выдаст такой документ, то младшего Боде расстреляют, и за дело. Но ему разъяснили, что с таким аттестатом Боде сразу станет борцом против тирании Наполеона, что в свете свержения императора очень кстати.

Доведенный до крайней степени изумления Давыдов заявил: «Если это так, господин Бод, жалка мне ваша Франция! Вот тебе аттестат, какого ты требуешь». По его словам, «я в оном налгал не хуже правителя канцелярии какого-либо главнокомандующего, сочиняющего реляцию о победе, в коей он не участвовал». Через неделю благодарные Боде сообщили, что Викентий уже награжден... орденом Лилии за свои подвиги в войне![15]

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 49. Л. 1–1 об.
2. Там же. Д. 51. Л. 1–12.
3. Там же. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–23.
4. Цит. по: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М. 1988. С. 215.
5. В фонде Особой канцелярии МВД, хранящемся в ГА РФ (Ф. 1165. Оп. 2), содержатся дела по жившим в России иностранцам, сосланным в 1811–1815 гг. по подозрению в шпионаже: француз Бердард Августин (Д. 4), француз Шевалье де Брессоль (Д. 5), иностранцы Бушен, Вальдгейм, Велькер, Биннон, Грек, Туссен, Черпотти, Герен (Д. 7), прусский подданный Бютихер (Д. 8), генерал французской службы Володкович (Д. 9), греческий подданный Николо Галати (1817 г. Д. 10), доктор Гербауер (Д. 11), Х. Гольберг (Д. 13), эльзасский купец Гуртер Франц-Ксава (Д. 14), француз Диодон Жан-Никол (Д. 15), французский военнопленный Дюпон Альберт (Д. 17), фабрикант Лион (Д. 20), еврейские купцы Мейеровичи (Д. 23), доктор медицины И. Нетолицкий (Д. 25), прусский подданный Николай Карл (Д. 26), граф Таксис (он же барон Лоэн Фридрих) и его камердинер сицилиец Какаче Доминико (Д. 21), офицер Саксонской армии граф Остророг (Д. 27), армянин Ракалович и еврей Цикарий М. Арбернон (Д. 29), иностранцы Тевенсте, А. Травери, Мари де Сент Урсене, Сальватори, Д. Бриде, Канелли, В. Бере и еврей Голберх (Д. 32а), француз Турналь Огюст (Д. 33), французский подданный Шалон (Д. 38), в 1814 г. арестован и сослан в Пермь турецкий шпион Шахсевар-Бека (Д. 39). Надо также упомянуть о посланных в 1811 г. в Войско Донское польских шпионах Мозаковском и Турском (РГВИА. Ф. ВУА. Т. 1. Отд. 1. Д. 432).
6. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–8.
7. Манифест об освобождении иностранцев, высланных в разные губернии под надзор полиции, вышел 30 апреля 1814 г.//ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 181. Л. 1–39.
8. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–433.
9. Там же. Д. 158. Л. 1–458.
10. Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года//1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М. 1987. С. 272.
11. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1-4; Д. 169. Л. 1–29; Попов А. Н. Москва в 1812 г.//Русский архив за 1875 г. Кн. 2. С. 281–288.
12. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–77; Д. 44. Л. 1–69;. Д. 48. Л. 1–3; Д. 53. Л. 1–7; Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1859. Т. 2. М. 1859. Смесь. С. 65–89; Киселев Н. Дело о должностных лицах Московского праалеиия, учрежденного французами в 1812 году//Русский архив. 1868. Т. 1. Вып. 6. Стб. 881–903.
13. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 42. Л. 70–71 об.
14. Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года. С. 189.
15. Там же. С. 223–224.

Андрей ТОПОРКОВ,
доктор филологических наук

ОТ ПОКРАЖИ, НЕНАСЫДСТВА И НЕСТАНИХИ

Заговоры от Книголюбова: правда и вымысел

«Взять земли ис-пот пяты дверныя и говоря:
«На море на кияне, на острове
на Буяне лежит камень алатырь,
на камни алатыри стоит дом,
у того дома двирь коса,
некогда не притворяется,
так бы и рабы (имя) друг от друга
разлучились, некогда не сходились,
не дружились, друг на друга коса
смотрили. Как двирь скрипит,
так бы и рабы (имя), когда сойдутся,
друг на друга сирдились.
Как бык на навозною кучу быченится,
так бы и они друг на друга
быченились и ненавидели.
Как змия на человека сипит
и проч бежит, так бы
и рабы (имя) друг на друга
сипели и врозь бежали»
(Заговор, призванный поссорить супругов или близких людей.)

5 августа 1865 года профессор Московского университета Н. С. Тихонравов приобрел чрезвычайно интересную рукопись, включающую обширное собрание заговоров и молитв, заплатив за нее 25 рублей серебром — сумму по тем временам весьма и весьма немалую.

Составил рукопись некий Григорий Данилович, присвоивший себе псевдоним «Книголюбов». Известно об этом человеке совсем немного. М. Н. Сперанский со слов того же Тихонравова характеризовал Г. Д. Книголюбова как «довольно известного списывателя и торговца рукописями в Москве»[1].

Приобретенная Тихонравовым рукопись явственно указывает на то, что ее составитель не был литератором и не принадлежал к культурной элите своего времени[2]. Она написана крупным, аккуратным полууставом, почти без знаков препинания. Орфография имеет неустоявшийся и несколько архаический характер (используется «юс малый», смешиваются «ер» и «ерь» и т. д.); в тексте много орфографических ошибок. Отдельные написания, не соответствующие орфографической норме середины XIX века, повторяются на протяжении рукописи многократно (например, написание *не* вместо *ни* в отрицательных местоимениях и наречиях: *нечего* вместо правильного *ничего*, *некогда* вместо *никогда* и т. д.).

К сожалению, сборник дошел до нас не в полном виде. Многие листы потеряны, а некоторые сохранившиеся повреждены. Тем не менее и в таком виде он впечатляет своим объемом (139 листов) и разнообразием содержания. Он включает многие сотни заговоров и в количественном отношении значительно превосходит знаменитый сборник «Великорусские заклинания» Л. Н. Майкова, увидевший свет впервые в 1869 году.

Первоначально сборник, по-видимому, состоял из двух частей: «Молитвы» и «Заговоры». Однако от «Молитв» сохранились только несколько листов. Впрочем, большинство текстов, помещенных среди «молитв», вполне могут быть квалифицированы как заговоры, а многие «заговоры» включают в себя отдельные молитвенные формулы или даже фрагменты молитв.

К сожалению, Книголюбов не указывал, откуда ему известен тот или иной текст. Ситуацию несколько проясняет запись Н. С. Тихонравова на первом листе рукописи: «Записаны Книголюбовым со слов и выписаны из тетрадки». Впрочем, текстологический анализ сборника показывает, что при его составлении были использованы не только источники устные и рукописные, но и уже опубликованные к тому времени. В частности, отдельные заговоры Книголюбов скопировал из книги И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (1-е изд. 1836–1837). Можно также предпола-

гать, что некоторые тексты он частично или полностью составил сам, используя реальные формулы народных заговоров и церковных молитв, в другие же внес дополнения или изменял их по своему усмотрению*.

Присмотримся внимательнее к содержанию нашего сборника. Прежде всего бросается в глаза, что его составитель — городской житель. В сборнике почти нет заговоров, связанных со специфическими видами сельскохозяйственного труда (уход за домашним скотом, первый выгон скота, обереги домашних животных от диких зверей, обереги урожая, защита от града, засухи и т. д.). Зато имеются заговоры, отражающие интересы и занятия купца и даже карточного игрока. В сборнике можно найти заговоры «На торговлю», «На извоз», «На карты», «Гадание на карты», «На игры разныя». Есть даже заговоры «На алтарею» (то есть на лотерею) и «От ненасыдства» (то есть от обжорства)[3].

Составитель сборника явно подбирал заговоры таким образом, чтобы удовлетворить самым разнообразным интересам и потребностям, в том числе и прямо противоположным, взаимно исключающим друг друга. Ведь не случайно он включил в сборник и заговор, призванный помочь поступить на службу в армию и, наоборот, заговор, призванный избежать 25-летней службы. Есть в сборнике заговоры «от разбою» и «от покражи», но есть и такие, с помощью которых можно разомкнуть все замки и запоры или «от кладу отогнать стражей»[4].

По-видимому, отдельные проблемы особенно волновали самого составителя сборника или его близких. Любопытно, что на протяжении сборника составитель 9 раз обращается к заговорам от импотенции и приводит аж 18 текстов от этой напасти. (Для сравнения скажем, что в сборнике Л. Н. Майкова приведен только один заговор «От плотской немощи», да и тот извлечен из следственного дела XVII века. Некоторые из заговоров явственно указывают на их устное происхождение. Например, такое нехитрое средство «от нестанихи» составитель, скорее всего, услышал; характерно, что и записано оно в форме практической рекомендации: «Возми красного или белаго петуха, подреж гребень над вином стакана, чтобы капли крови в вино капали, и говори: «Каков петух на курицу, таков бы молодец на девицу» (Зж). И дать выпеть. После болному пролесть скрозь женския ноги взат и впирет Зж[ды]»[5].

Составитель сборника часто прибегает к особой стилистике, которую можно назвать украшающе-архаизирующей, как, например, в заговоре от глухоты: «На море на кияне, на острове на Караване стоит дуб, под тем дубом лежит камень, на том камне стоит терем, в том тереме престол, на том престоли сидит царица в порфири красной, перед ней сидит на крылатом на кони юной младой богатырь, в руках держит алатырь камень, не велик не мал»[6]. Начинается фрагмент с хорошо известной заговорной формулы (на море остров, на острове дуб, под ним камень), но дальше появляются образы, вовсе не характерные для заговора, да и стилистика («царица в порфири красной», «крылатый конь», «юной младой богатырь») ближе к лубочной литературе XVIII–XIX века, чем к подлинным народным заговорам.

* Какую-то рукопись Г. Д. Книголюбова использовал М. Забылин в известной книге «Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (М. 1880). В тексте он кое-где называет этот источник также «рукописной тетрадью» или «рукописной книжкой», а ее автора почему-то именует иногда «Боголюбовым», а не «Книголюбовым». Всего М. Забылин включил в свое издание около 30 заговоров из тетради Г. Д. Книголюбова. Большинство из этих текстов в нашей рукописи отсутствуют, а в тех, которые и в самом деле имеют соответствия в нашем сборнике, есть существенные текстуальные расхождения с ними. Это дает основания предполагать, что М. Забылин держал в своих руках какой-то другой сборник, не идентичный с нашим.

Иногда в тексты вводятся имена славянских и античных языческих богов. Например, в заговоре «на скоробег» (то есть чтобы бежать быстро), помимо трех евангельских волхвов, фигурируют Перун и Венера: «Ветер, ветер, унеси меня. Жопка, жопка, унеси мои ноги. Ношки, ношки, унеси мою жопку и меня. Каспар, Мелканор, Мерхисардер, дай мне, Перун и Венера, свои скоролетящия крилье, дай мне крылатаго коня, унесите меня, чтобы не могли меня во ста ног, во ста коней догнять, и упоймать, и не в какие орудия вредить, и мое слово порушить. Аминь, аминь, аминь»[7]. Замечательно, что этот заговор, обращенный к языческим богам, завершается как молитва — христианским «аминем»!

Особый интерес представляет обширный заговор «На Фартуну счастия», в котором Фортуна изображена как языческая богиня, в духе аллегорической живописи XVIII века.

«Востану я, раб Божий (имя), перекристясь, пойду благословясь из двери в дверь, из ворот в вороты. Выйду я в чистоя поля, в широкая раздолья, во все четыре стороны, от земли до неба. Выйду я на моря на киян, на остров на Буян, на нем лежит камень Алатырь, на етим камне стоит соборной храм, в этем соборном храме стоит престол, на етим престоли сидити милости счасливая наша мать Фартуна с благополучным отцом Судбой, круг етого престола 3300 престолов, на етих пристолах сидят 3300 мудроразумных хитрочудотворов древних и днешных. Около того пристола и 3300 пристолов служат, исполняют все задуманное и желаемо лики, купидоны, граци, амуры, ангели, воздушныи духи, мудреци, хитреци, действенники, жреци, пророки, исполнители, бесчисленныя полки. Сотворите, подайте мне, рабу Божия (имя), визде, всегда, во всякое время во всем счастия, талану, богадству, мира, любве, славы, чести, разуму, хитрости, мудрости, памяти, успеху во всем желаемом, задуманном, силу, действия, исполнения навечно и бесконечно, по вись век, по мою жизнь ненарушимо, во веки веков. Аминь»[8].

Некоторые тексты сборника несут на себе отпечаток определенной исторической эпохи. Например, один из заговоров от сифилиса связывает распространение «французской болезни» с нашествием Наполеона: «По морю по кияну, по острову по Буяну, по Можайской дороге шел француз скверной своей силуй поганой, пришел в Росийскою землю он, скверной, негодной, пакосной француз со всей силуй поганой, разсеял по всей России разныя свои скверныя французския болезни и женам крови, и всем бели и рези навел, и всем болезнь лютою и заразу нестерпимою, ввел в Росию болезнь новою и неслыханною. Ой, ты, скверной негодной француз с силуй погануй! Зачем ты свою болезнь сию здесь оставил? Возми назат к сибе, а я сему рабу (имя) исциление и здравие дам. Ты, ресь, лом, бель, гной, кровь, изыди, очистись, а ты, рана и боль сия, у раба (имя) заживи, затяни, исчезни, не буде некогда, не отрыговай, не воспоминовайся во веки веков с сей минуты. Ты, слово мое, крепко»[9].

В другом заговоре от той же напасти с полным сочувствием и уважением описаны действия доктора, излечившего «красного молодца», хотя обычно в заговорах описываются действия знахаря, а уж никак не представителя официальной медицины:

«На море на кияне, на острове на Буяне есть мать черная яма, в ние входи[т] и вон исходит красной молодец. Захворал, занемог тот молодец, великой язвой заразился, многих осквернил. Случилось у отца его дохтора исциление скорое от всех разных французских скорбей и болезней, и быстъ ему сия язва не в язву, болезнь не в болезнь, скоро исцелил, и очистил, и здравие воставил, и прогнал сию язву и заразу французскую в смрадною пучину, Содом и Гомор-

скою, от раба Божия (имя), не велит опять болезни сей ворачоватся, впреть до веку открыватся и прикасатся, а быть сему рабу скоро исцелну здраву и живу от сего время, от сей минуты во всю его жизнь. Ами[нь]»[10].

В одном из заговоров от рекрутского набора поминаются и Адам и Ева, изгнанные из рая, и Сатана, сброшенный с небес, и жена Лота, превратившаяся в соляной столп, но наряду с этим фигурирует и странное наблюдение о том, что греки почему-то не нравятся Богу:

«Бог изгна Адама и Евву из рая и Сатану с неба, грешников в рай не прияша, во ад грешника отослаша, тако же бы и сего раба Божия (имя) в приеми в рекруты не приняли. Как Богу греки не нравятся и не любят, так бы и раб Божий (имя) в приеми не понравился и не полюбился, отослали его назат прочь. Как у дедушки нашего Адама и у бабушки нашей Евви уста не отверзаются, руки не поднимаются, ноги не двигаются, глаза не отворяются, тако же бы и на сего раба Божия (имя) у всякаго начальника, судьи, власти и властелина уста не отверзались, руки не поднимались, ноги не двигались, глаза не открывались, некакую его доброту не покусились, не прелстились и его не брали, а его бы назат отпустили. Архангел Михаил, грозный воевода, защети своим щитом раба Божия (имя) от рекрутского набора, в салдаты приема. Как Лот жену на поли остави, тако же бы и раба Божия (имя) не приняли, проч назат отослали, казался бы нечем не годен, не потходен. Прямое слово по его веки веков. Аминь»[11].

Некоторые заговоры из сборника Книголюбова обращены к бесам и другой нечистой силе. Например, ярко выраженный «отреченный» характер несут на себе заговоры карточных игроков. Согласно одному из них, «на море на кияне, на острове на Буяне, на камни бел алатири стоит дуб, под етим дубом стоят святыи отци Кузма и Дамиан и 4 евангелиста. Мимо их идут дочери Иродовы, несут карты-колоды. И спросиша их святыя отцы и 4 евангелиста: «Что за жены, и куда идете, и что несете?» Они отвещаша им: «Мы дочери Иродовы, несем карт колоды на обогрыш и выигрыш к рабу (имя)». «Святые отцы и 4 евангелиста» приказывают Иродовым дочерям продолжить свой путь и обеспечить выигрыш[12].

В другом заговоре объясняется, как можно отучить от карточной игры. Для этого нужно отправиться на кладбище: «Возми колоду карт новою, дай игрущему сыграть игру и брос ты ее в могилу. Сказать: «Мать могила, ты принимаеш в сибя всякаго человека и все его затеи и занятии некогда не возвращаеш. Тако прими в сибя карты с его отхотуй и желанием, раба Божия (имя). Как вам, карты, сгнити, из могилы не выходити, тако и рабу Божию (имя) в карты некогда не игровати и на сие покушание и желание не имети. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь»[13].

Отдельные тексты нашего сборника произносятся от лица знахаря или какого-то другого человека, который чувствует себя всесильным и приписывает себе сверхъестественные способности. Если он и обращается к Богородице, архангелам и святым, то вовсе не для того, чтобы им молиться, а для того, чтобы приказывать. В некоторых текстах субъект заговора явно или неявно ставит себя в положение Бога или иного сакрального существа.

Одна из услуг, которую предлагают маг или знахарь, заключается в том, что они помогают любопытствующим заглянуть в будущее. Для этого нужно наступить на правую ногу знахаря и заглянуть ему через правое плечо (или, соответственно, встать на левую ногу и заглянуть за левое плечо). Ритуал и сопровождается, и описывается таким заговором, в котором говорящий кощунственно отождествляет себя с Христом:

«Открой и покажи сам Господь Иисус Христос, не я сам, а сам Господь Иисус Христос и я на месте его, горе Синойской стою и чрез плечи свои все тайное и невидемое открою и покажи, покази, Господи, открой, Господи. Как Адаму чрез плечо свое все показал и открыл все на свети тайное и явное, прошедшее и будущее во всех странах. Ступаю я на горе Господне и стою я, раб (имя), на месте святе, подо мною солнце, надо мною месяц, круг меня звезды и вся земля и вода, зъзади вся тайность открытая. Всякой раб Божий, Адамов сын, на стопы мои ступает, чрез плеча мои с правой все тайности добрыя открыто, явно видит, нечего не закрыто, не утаенно, все явно и видно. Открой, Господи, покажи, Господи, своею силою, своею мудростию, моем показанием и открытием. Как Адаму-пророку, так всякому человеку нечего не утаится, не закрытся, не застенится свирху, и снизу, и со всех сторон, Божие и бесовское, что есть тайно и явно, каждыя сутки, каждой раз во всякое времья, вечно и бесконечно, а раб (имя), с[ы]н Божии, а сии рабы, дети Адамовы, так открой и покаже все чрез мои обеи плечи. Всегда и ныне, и писно, и во веки веков. Аминь. (Встань на правою ногу чрез правое плече или на левою ногу чрез левое плечо посмотрить, все ув[идит])»[14].

В одном из заговоров нашего сборника приведен и замечательно интересный апокриф, повествующий о происхождении заговора и молитвы:

«На море-кияне, на острове Буяне, на том и на сем свети белом стоят четыре столба на мести безводном и безземном, на тех четырех столбах сидит сам Господь Господей, Бог Богов, Саваов вседержитель Иисус Христос, с братом своим Сатаной, с Матерью своей Пресвятой Богородицей, со ангелами и со архангелами, со всею бесплотною силою, со пророками, со апостолами, с праведными со мучениками и со всеми святыми. Они творили небу и землю, воды и огни, растения и животных, человека и слова. Господь сотвори добро, а Сатана зло, Господь сотворил молитвы, а Сатана чары, бес сотворил волхвование и порчи, а Господь избавление, бес сотворил смерть, а Господь живот и здравие». Христов, ошибочно отождествленный здесь с Саваофом, выступает в данном случае в одном ряду с Сатаной, который к тому же назван его братом. Они сообща создают «небо и землю, воды и огни, растения и животных, человека и слова». Молитвы и чары, согласно такому взгляду, столь же органично дополняют и уравновешивают друг друга, как добро и зло или жизнь и смерть. В то же время знахарь, пользующийся чарами, по этой логике является служителем Сатаны; впрочем, это явно не очень-то его пугает[15].

Будущие исследования покажут, чего больше в сборнике Г. Д. Книголюбова — литературных импровизаций на фольклорной основе или фольклорной архаики, скрытой под слоем литературных стилизаций.

При оформлении статьи использованы миниатюры из рукописного сборника XVII века «Лекарстао душевное». РГАДА.

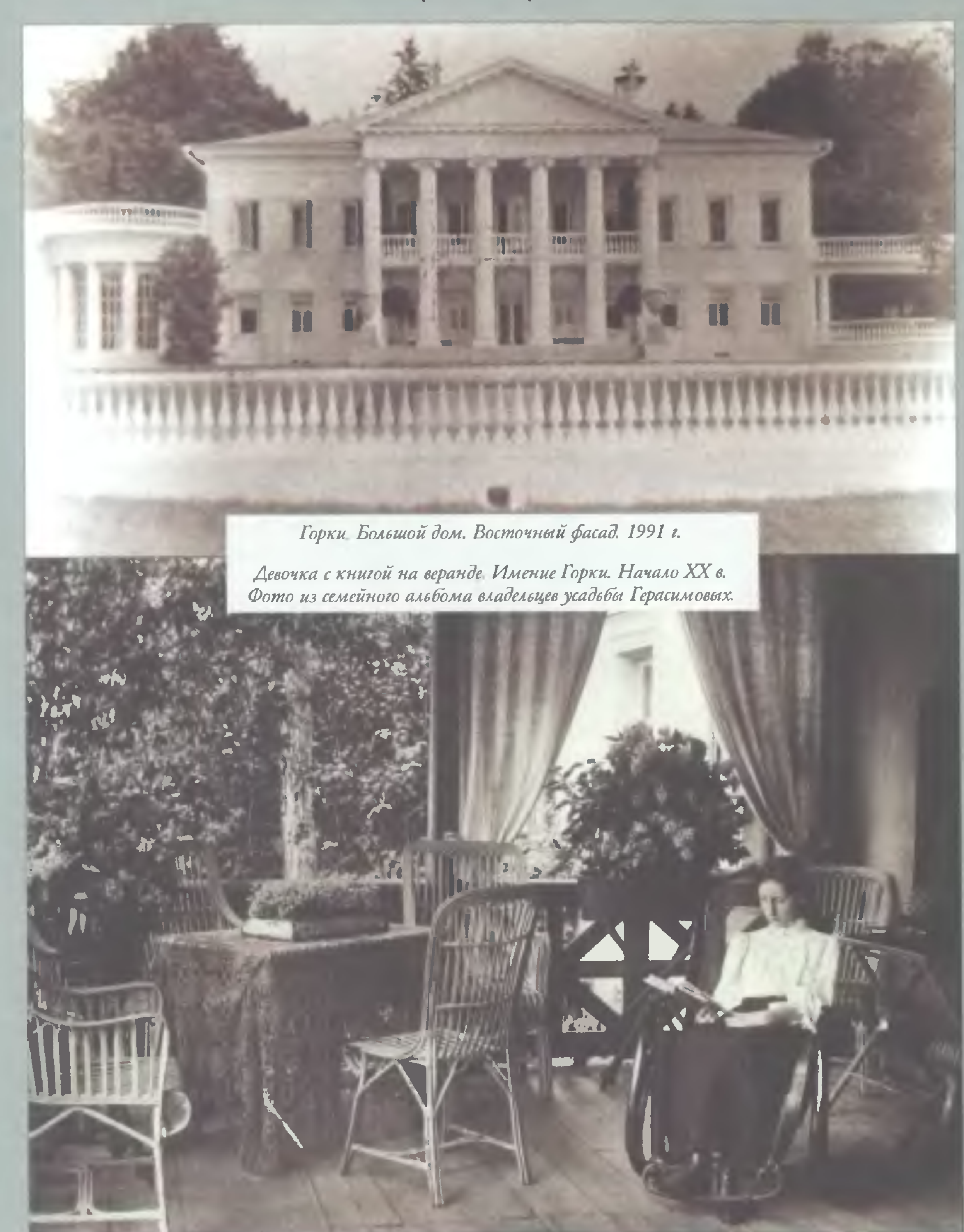
Примечания

1. Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея. М. 1891. С. 82.
2. Рукопись хранится в собрании Н. С. Тихонравова в Рос. государственной библиотеке. Ф. 299. № 728.
3. Рукопись. Л. 17, 31 об., 91 об., 97 об., 98, 78, 19 об., 90 об.–91, 56 об.–57 об.
4. Там же. Л. 72 об.–73, 85, 19 об.–20, 74 об., 20 об.
5. Там же. Л. 111 об.
6. Там же. Л. 50.
7. Там же. Л. 35.
8. Там же. Л. 12 об.–13.
9. Там же. Л. 9.
10. Там же.
11. Там же. Л. 72 об.
12. Там же. Л. 78.
13. Там же. Л. 16 об.
14. Там же. Л. 90.
15. Там же. Л. 86 об.

Александра КАЛЯКИНА

РОМАН ВДОВЫ С ГРАДОНАЧАЛЬНИКОМ

Семейные хроники Горок до Ленина

Горки. Большой дом. Восточный фасад. 1991 г.

Девочка с книгой на веранде. Имение Горки. Начало XX в. Фото из семейного альбома владельцев усадьбы Герасимовых.

17 августа 1907 года в Николаевской церкви села Лысцева Алексинского уезда Тульской губернии венчалась необычная для этого скромного храма пара. Он 39-летний генерал-майор свиты Его Императорского Величества Анатолий Анатольевич Рейнбот, она — вдова мануфактур-советника, почетная гражданка Зинаида Григорьевна Морозова (37 лет). Для жениха это был второй брак, совсем недавно он развелся с прежнею женой; Зинаида Григорьевна выходила замуж в третий раз. В семнадцать лет по воле родителей ее обвенчали с Сергеем Викуловичем Морозовым. Затем в ее жизни была страстная любовь — разведясь и презрев все строгости старообрядческой морали, она вышла замуж за другого Морозова, Савву Тимофеевича. В третий раз она шла к аналою под влиянием совершенно иных чувств. После смерти Саввы Зинаида осталась богатейшей вдовой: она владела паями Никольской мануфактуры, семейного морозовского предприятия, тремя химическими заводами на Урале, имела в собственности значительную недвижимость.

Так чем же мог привлечь эту волевую, сильную и совершенно независимую женщину неизвестно как возвысившийся генерал-майор, не имевший никаких иных доходов, кроме получаемого жалованья? Руки новобрачных соединил не столько бог любви, сколько бог расчета и тщеславия: Рейнбот получал материальную стабильность, Морозова наконец-то осуществила свою старинную мечту — стать дворянкой и официально войти в высший свет. В те времена общественные разграничения соблюдались очень жестко, «в силу не только бытовых традиций, но и директив свыше». По словам князя С. А. Щербатова, «на большие официальные балы у московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича купечество не приглашалось»[1]. В мае 1912 года Рейнбот обратился в Московское депутатское дворянское собрание с просьбой внести в родословную книгу Московской губернии его жену и выдать ей документы о дворянстве[2]. С этого времени Зинаида, рожденная в семье павлово-посадского купца второй гильдии Григория Ивановича Зимина, стала московской дворянкой. Нельзя не признать за этой женщиной, которую современники называли настоящим русским самородком, гибкого ума и врожденного вкуса, но стоит сказать и о том, что главным двигателем многих ее поступков было тщеславие.

Прожив девятнадцать лет в супружестве с Саввой Морозовым, Зинаида Григорьевна привыкла ощущать себя великосветской дамой. Мир, в котором она жила, способствовал тому: это были роскошные декорации, на фоне которых она играла главную роль. В 1898 году на Спиридоновке, бывшей улице аристократов, самый модный архитектор тогдашней Москвы — Федор Шехтель построил фантастический замок, который Савва подарил своей жене. Бал, устроенный в честь новоселья, долго обсуждала вся Москва. «Я с отцом поехал на торжественное открытие этого нового московского «чуда», — писал князь С. А. Щербатов. — На этот вечер собралось все именитое купечество. Хозяйка, Зинаида Григорьевна Морозова ...большого ума, с прирожденным тактом, ловкая, с вкрадчивым выражением черных умных глаз на некрасивом, но значительном лице, вся увешанная дивными жемчугами, принимала гостей с поистине королевским величием».

Траты семьи Морозовых на драгоценности, одежду, парфюмерию доходили до 30 тысяч рублей в год. «В 1899 г. за одно платье, которое С. Т. Морозов подарил жене, было выплачено 3800, а на ее драгоценности ушло 8000 рублей... В целом домашний бюджет Морозовых колебался в пределах 145 000–240 000 рублей»[3].

Все эти годы Зинаида Григорьевна стремилась к высоким связям, в ее респектабельном доме запросто бывала жена московского генерал-губернатора, великая княжна Елизавета Федоровна — родная сестра императрицы. «Золотая молодежь» охотно посещала концерты и балы. Однако хозяйка всегда чувствовала, что ее благородные гости признают в ней королеву денег, а не крови.

Самоубийство Саввы Морозова в мае 1905 года стало тяжким потрясением для его жены. Несмотря на то что в последние годы их отношения значительно охладели, Зинаида Григорьевна ощутила внутреннюю опустошенность. В первый год вдовства она мало где появлялась, посещая лишь театральные премьеры. Однако вскоре в ее жизни произошли большие перемены: весной 1907 года возобновил свои ухаживания ее старый поклонник генерал Рейнбот, недавно назначенный московским градоначальником. Они случайно встретились на Кузнецком мосту, потом завязалась переписка. Вскоре вся купеческая Москва заговорила об их романе.

Рейнбот был для Москвы человеком новым и малоизвестным. Несмотря на то что быстрая военная карьера генерала предполагала наличие некого покровителя, москвичами он воспринимался как обычный административный авантюрист.

Его отец — Анатолий Антонович Рейнбот служил еще Николаю Павловичу и вышел в отставку в чине капитана лейб-гвардии. Будущий градоначальник Москвы начал военную службу 17-летним, после окончания в 1885 году кадетского корпуса Михайловского артиллерийского училища. Весной 1901 года в чине капитана Анатолий Анатольевич был назначен офицером для особых поручений при канцелярии финляндского генерал-губернатора. Окончание Николаевской академии Генерального штаба придало новое ускорение его карьере. Он становится свитским генералом. Получение придворного звания делало его обязанным участвовать во многих официальных дворцовых церемониях, а его жене позволяло появляться на придворных балах. Как генерал свиты Его Императорского Величества Рейнбот должен был сопровождать императора во время высочайших выходов, в это время императорская чета и императрица-мать появлялись в парадных залах дворца в окружении большого кортежа, шествующего попарно. Непосредственно вслед за императором следовало почетное дежурство, в состав которого входил и один из свитских генералов. Не принадлежа к ближайшей императорской свите, Рейнбот, однако, жил по тем же законам и принципам: «никаких историй», «спокойно на своем месте», «не возлагать на себя ответственности, от которой можно уклониться». Они должны были выполнять лишь церемониальные обязанности. Свита императора была лишь красивой рамой, окружающей самодержца. Неудивительно, что живущий по этим же правилам генерал Рейнбот не оставил у жителей вверенного ему города сколько-нибудь ярких воспоминаний. Даже внешность его была типичной для светского щеголя: «Это был плотный, немного склонный даже к полноте мужчина с навощенными кончиками усов и в пенсне с золотой оправой. Стекла этого пенсне скрывали пару серых оловянных глаз с поразительным тяжелым взором. Несмотря на его подчеркнутую постоянную любезность, взгляд этих металлических глаз всегда распространял вокруг него какой-то холодок. Впрочем, в семейной обстановке, по слухам, ...он был трогательным и внимательным отцом»[4].

Московский градоначальник генерал-майор А. А. Рейнбот.

Рейнбот получил назначение на пост градоначальника первопрестольной в самом конце 1905 года, после непродолжительного губернаторства в Казани.

Сменивший ненавистного Москве адмирала Ф. В. Дубасова, элегантный и «либеральный» Рейнбот должен был способствовать «умиротворению», особенно после жестокого подавления декабрьского восстания. Однако новый градоначальник прежде всего взялся укреплять свое личное положение. Расширяя старые и налаживая новые связи, Анатолий Анатольевич открыто заигрывал с московским купечеством, принимая приглашения в купеческие дома, поддерживая их деловые начинания.

Добиваясь популярности у горожан, он стал регулярно прогуливаться пешком по центральным улицам и отменил употребление быстроходных санок, в которых прежний главный полицейский Москвы вихрем носился по городу. Однако желаемой популярности Рейнбот так и не снискал. Неудачное покушение на его жизнь во время прогулки по Петровке лишь на некоторое время привлекло внимание к его персоне. Но уже очень скоро московские острословы начали уверять, что Анатолий Анатольевич сам организовал это покушение, и именно поэтому не сработала брошенная в него «адская машина», а ему так ловко удалось связать и сдать в руки полиции покушавшегося террориста.

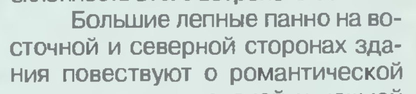
З. Г. Морозова. 1888 г. (?)

Осенью 1907 года градоначальник Москвы генерал-майор А. А. Рейнбот официально оформил свой брак на вдове мануфактур-советника З. Г. Морозовой. Уже после венчания Рейнбот обращается за разрешением на этот брак к Николаю II — будучи генералом императорской свиты, он не имел права совершать такой шаг без высочайшего дозволения. Всеподданнейшее ходатайство помогло, и император сообщил довольному жениху, что «его поступок последствий иметь не будет».

В 1909 году генеральша Рейнбот, желающая начать новую жизнь, с новым мужем и в новых декорациях, продала свой «Камелот» на Спиридоновке, передала имение в Покровском-Рубцове во владение старшего сына Тимофея, а для себя приобрела новое. Зинаида мечтала об уютном, комфортном и истинно дворянском гнезде. Воплощением мечты стала усадьба Горки Сухановской волости Подольского уезда. Старый барский дом, построенный по канонам русского классицизма в конце XVIII столетия, располагался на высоком берегу крошечной лесной речушки Туровки. Стройные колонны его западного фасада отражались в черных водах небольшого круглого пруда. Старинный парк с вековыми липовыми аллеями окружал дом и флигели. Усадьба уже пережила к тому времени и пору разрушения, когда ее оконные проемы зияли пугающей пустотой, а по парадным анфиладам гуляли ветер и мрак, и период относительного благополучия, когда очередные владельцы, восстановив дом, понастроили на усадебных землях многочисленные, сдаваемые внаем дачи. В начале XX века усадьба Горки стала настоящим «вишневым садом». Владевшие усадьбой братья Герасимовы запросили за усадьбу очень большую сумму, отпугнувшую многих покупателей. Но место это столь приглянулось генеральше, что она купила и дом, и земли не торгуясь.

С 1909 по 1914 год она кропотливо и педантично старалась творить свой новый дворянский мир, который с заднего двора гораздо больше походил на процветающую капиталистическую ферму. Она переделала, расширила и украсила дом, скупила земли, некогда принадлежавшие усадьбе, изменила облик сада, оранжерей, молочной фермы. Сам Рейнбот, не имея привычки и желания, делами в Горках не занимается. К тому же в богатом поместье ему принадлежали лишь 380 десятин пустопорожней земли, подаренные женой. Этот дар был сделан для того, чтобы чета Рейнботов могла быть внесена в родословную книгу московского дворянства. Бесцельная трата денег не была характерна для Зинаиды Григорьевны. Она была расчетлива и внимательно обдумывала все свои расходы. Однажды она отказала князю П. Долгорукову, лично приехавшему приглашать ее вступить в кадетскую партию. «Я богатая женщина, и когда будут у меня просить на дела партии, мне будет трудно отвечать, что у меня денег нет»[5].

Для реконструкции архитектурного ансамбля в Горках был нанят ее любимый архитектор Шехтель. Он кардинально перестроил новое обиталище Зинаиды Григорьевны, подчиняясь ее вкусу и привычке к современному комфорту. В усадьбе появились водопровод, электричество и даже телефон. Заметно изменился и внешний облик большого усадебного дома, его стены украсились скульптурными фризами, символизирующими богатство, достаток, счастье и семейное благополучие, которые должны поселиться здесь. Рельефы, изображающие сцены свадебной процессии и поклонения Амуру, красноречиво говорят о том, что обитатели дома надеялись на благосклонность этого ветреного бога.

Большие лепные панно на восточной и северной сторонах здания повествуют о романтической любви могучего воина, покоренного прекрасной и нежной женщиной. По сути дела, это образно рассказанная история самих владельцев усадьбы.

Поместье часто навещали те, кого Зинаида и раньше считала своими друзьями. К ее кругу принадлежали семья Станиславского и артисты МХАТа, Федор Шаляпин и Леонид Собинов. В фондах заповедника «Горки Ленинские» хранится копия письма Зинаиды Григорьевны к О. Л. Книппер-Чеховой. «Милая Ольга Леонардовна! Узнала, что Вы в Москве — буду рада, если соберетесь к нам в Горки. Шлю привет и надеюсь на свидание»[6]. В доме часто устраивались концерты, любителем музыки был и Анатолий Анатольевич. В середине двадцатых годов горкинские крестьяне вспоминали, что их помещик «Рейнборг» «все больше музыкой увлекался, да в надзорные трубы смотрел»[7].

Казалось бы, в семействе Рейнботов должны царить покой и благополучие. Но идиллия быстро начала рушиться. В конце 1908 года началось судебное расследование служебных преступлений, совершенных московским градоначальником. Самолюбию генеральши Рейнбот был нанесен сильнейший удар.

12 ноября 1908 года генерал-майор Рейнбот подал в отставку. Его дело слушалось на заседаниях первого департамента правительствующего Сената. Преступления его состояли в беспардонном мздоимстве. С его назначением на должность начальника московской полиции взятка, как социальное явление, обрела новую жизнь. В газетах того времени взятку сравнивали с цепкой паутиной, которая опутала жизнь обывателей первопрестольной. Генерал Рейнбот побуждал своих подчиненных

ко взяточничеству личным примером и всячески попустительствовал этому злу. В письменном столе, стоящем в его служебном кабинете, он завел особый правый ящик, где хранились деньги, поступающие на благотворительные нужды. Для учета такого рода сумм поначалу была заведена специальная «Книга денег, поступающих в личное распоряжение градоначальника». Но позже книга оказалась ненужной, так как значительная часть этих средств уже нигде не фиксировалась, но генерал самостоятельно распоряжался ими. Во время следствия выяснилось, что оплата лошадей, покупка новой мебели, счета по цветочным подношениям дамам производились именно из правого ящика его письменного стола. Из полученных сумм лишь 1/5 реально пошла на благотворительные дела. По данным газеты «Русское слово», из полученных 21 199 руб. на благотворительность было истрачено лишь 4199.

Особенно громким был скандал с Немецким клубом, управитель которого ежемесячно привозил генералу «пожертвования». Если даритель запаздывал с визитом, секретарь градоначальника сообщал ему по телефону: «Градоначальник просил передать Вам, что вы давно не были». Немецкий клуб был единственным благотворителем, который получал от Рейнбота расписки в получении денег, правда, первоначальный текст расписок, где говорилось, что «деньги приняты», был вскоре отредактирован и принял очень странный вид: «на дела благотворительности по личному усмотрению».

А. А. Рейнбот и З. Г. Морозова. 1910 или 1911 г.

Не брезговал алчный Рейнбот и вымогательством. Допустив открытие в Москве большого числа игорных домов, прикрывающихся названием «клуб», Рейнбот фактически получал по 25 копеек с каждой колоды карт. «Клубы», желающие выжить и не потерять своего права на организацию карточных игр, ежемесячно платили в градоначальство. Если они почему-то медлили, генерал напоминал им: «Я продолжаю жить на Тверском бульваре».

В начале 1909 года газеты Москвы и С.-Петербурга запестрели броскими заголовками «Рейнботиада», «Дело А. А. Рейнбота», «Как возникло дело Рейнбота». По высочайшему повелению была произведена ревизия московских правительственных установлений. Никаких сомнений в виновности генерала Рейнбота не возникло и в Сенате. За прекращение дела не было подано ни одного голоса.

Разбирательство длилось почти три года. 18 июля 1911 года Николай II помиловал бывшего градоначальника.

Со всей свойственной ей энергией Зинаида Григорьевна взялась за отстаивание «честного имени» генерала. Отдельным изданием были выпущены оправдательные материалы по делу Рейнбота. Но это не помогло сохранить разваливающийся семейный союз. Гордые надежды владелицы Горок были обмануты. В 1916 году по инициативе Зинаиды Григорьевны супруги навсегда расстались.

Но и сейчас, как в дни их почти безоблачного, но краткого счастья, на стенах большого усадебного дома в Горках могучий воин и прекрасная дама устремляются друг к другу...

Комната М. И. Ульяновой. 1991 г.

Комната В. И. Ленина. 1991 г.

Горки. Большой дом. Зимний сад. 1991 г.

Примечания
1. Князь Щербатов С. А. Московские меценаты//Меценаты и коллекционеры. М. 1994. С. 12.
2. Фонды ГИЗ «Горки Ленинские». П. 57. Ч. 2.
3. Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М. 1998. С. 74.
4. Бахрушин Ю. А. Воспоминания. М. 1994. С. 272.
5. Археографический сборник. М. 1998. С. 292.
6. Фонды ГИЗ «Горки Ленинские». П. 57. Ч. 1.
7. РГАСПИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 121. Л. 3–4.

Делегаты I съезда Советов. 1922 г.

Лариса **ЗАХАРОВА**,
аспирант Санкт-Петербургского университета экономики и финансов

ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

«Чучело медвежье с блюдом — во второй район милиции. Гобелен «Пастух» — в фонд художественных ценностей. Гобелен «Пастушка» — в клуб водников. Ковры обюссон, текинские и хоросан — в Наркомвнешторг. Гарнитур спальный — в союз охотников, гарнитур столовый — в Старгородское отделение Главчая. Гарнитур гостиный ореховый — по частям. Стол круглый и стул один — во 2-й дом собеса, диван с гнутой спинкой — в распоряжение жилотдела (до сих пор в передней стоит, всю обивку промаслили, сволочи) и еще один стул — товарищу Грицацуеву, как инвалиду империалистической войны, по его заявлению и резолюции завжилотделом т. Буркина. Десять стульев в Москву, в музей мебельного мастерства, согласно циркулярного письма Наркомпроса...» Так распределялись вещи из особняка Воробьянинова.

...Взять и поделить

Похожим образом конфискации и реквизиции проходили в разных городах Советской России. Раскрыть механизм этих процессов можно на примере известного в Санкт-Петербурге дома 26/28 на Каменноостровском проспекте, построенного в 1911–1914 годах по проекту Л. Н. Бенуа, его родственников и А. И. Гунста по заказу Первого Российского страхового общества. Это был крупнейший доходный дом с 5–12-комнатными квартирами. Уровень благоустроенности отвечал требованиям самого придирчивого жильца: здесь были подъемные машины (лифты), клозеты с умывальниками при каждой парадной лестнице и по два в каждой квартире (для хозяев и прислуги), прачечные, каретные сараи, конюшни, гаражи, горячая вода и отопление, электрическое освещение, телефоны и прочие бытовые удобства. Жить здесь было не только комфортно, но и престижно.

После Октябрьской революции социальный состав жильцов дома резко меняется: часть прежних владельцев квартир покинула страну, другая арестована, кто-то в надежде на стабилизацию политической обстановки уехал из революционного Петрограда в глубинку России.

В 1918 году по решению исполкома Совета депутатов Петербургской стороны дом 26/28 по улице Красных Зорь (так в 1918–1934 годах назывался Каменноостровский проспект)

стал Домом совета Петербургской стороны и предназначался для размещения в нем отделов Совета и его служащих[1]. Вопросы заселения и судьбу находящегося в квартирах имущества решали учреждения, в нем разместившиеся: «Отдел по разгрузке бесхозяйственных квартир при исполбюро Петроградского района», или, короче, «Отдела Бесхоза», «Междуведомственная комиссия Петроградского района», различные «подотделы» Отдела коммунального хозяйства Петербургской стороны (жилищный, недвижимых имуществ, реквизиционный). Сотрудники жилотдела описывали имущество всех квартир, часто в присутствии прежних владельцев. В описях можно встретить такие шедевры, как «бажественых картин — 4,...бальшая вешолка — 1,...постоновка зонтиков — 1, тилифон — 1,...итожерка — 1...». Самые ценные вещи и мебель изымались из квартир, отправлялись на склад для последующей «выдачи по норме» или передавались в личное пользование более-менее «высокопоставленным» особам. Так, например, поступили с имуществом потомственного дворянина, маклера фондовой биржи Роберта Робертовича Гавемана, проживавшего в десятикомнатной квартире № 12[2]. 54 венских стула из его квартиры были взяты Комиссией по устройству празднеств годовщины Октябрьской революции, часть вещей выдана «коменданту Следственной Комиссии» тов. Васильеву. Большая же часть предметов, в том числе и две серебряные иконы, поступила в размещавшийся в этом же доме отдел горпродукта. А сотруднику этого отдела т. Бриксману достались три кожаных портфеля Гавемана.

Из-за правового вакуума вновь вселенные пользовались чужим имуществом до 1922 года только на том основании, что жили в этих квартирах. Любопытно, что через определенный промежуток времени они искренне начинали считать эти вещи своими и просили «закрепить» их за ними, мотивируя свои просьбы следующим образом: «...живу в квартире 58 с 15 ноября 1919 года, пользуюсь и сохраняю оставленную мебель и посему прошу произвести эти вещи в мою собственность...»[3]. Новые владельцы очень дорожили недавно приобретенным имуществом. Одна женщина, служащая кондуктором Петроградского трамвайного парка, при ответе на вопрос «Кто еще проживает с Вами, сколько человек взрослых, детей, и чем они занимаются?» написала: «Примне находится мать инвалитка

а) атоманка
б) мягкие стулья 3
в) стул венский 1
г) столик мал. 1
д) шкап одежный 1»[4].(Так в документе. — *Л. З.*)

8 января 1922 года Петросоветом было издано постановление № 2/75 о порядке закрепления бесхозного имущества. На практике же норма мебели на человека постоянно варьировалась и «вырабатывалась» в каждом конкретном случае исполкомом Петроградского района. Простому рабочему полагалось 5–6 предметов мебели, а, например, завхоз отделом райпепо Петроградского района Г. Ф. Пименов получил среди прочих вещей «по норме» «картину профессора Бронникова, на которой был изображен сюжет из Евангелия о воскресении Лазаря».

Для того чтобы получить удостоверение, подтверждающее право собственности на имущество, жилец дома должен был обратиться с просьбой закрепить за ним определенное количество перечисленных вещей в жилищный подотдел. Затем на место выезжали сотрудники мебельного отдела и производили опись имущества данного лица. Одновременно жилец заполнял в двух экземплярах «Анкету для граждан, проживающих в бесхозных квартирах», где среди прочих сведений указывал свое социальное положение до 1917 года, нынешнее занятие и своих соседей по коммунальной квартире. Заведующий Отделом коммунального хозяйства города Петрограда Н. И. Иванов, занимавший в 1922 году четыре комнаты из семи в принадлежащей ранее отделу горпродукта квартире № 26, в этой анкете, например, написал, что с ним проживают «жена, дочь 7 лет, племянница с мужем и маленьким ребенком и двумя приходящими тов. моряками». В другой анкете в графе «Социальное положение до 1917 года» значится «девицы», а в графе «Чем занимается в настоящее время...» — «сокращены по штату»[5]. Эти документы заверялись у управдома и по месту работы.

Довольно часто новых жильцов подселяли к прежним, лишая последних не только комнат, но и имущества. Так поступили с дворянкой Томошевской, у которой 20 февраля 1922 года отобрали все стулья, два кресла и диван для некой гражданки Курдюмовой.

Реквизиция с коммунистическим приветом

Подобного рода участь ожидала и служащего Первого Российского страхового общества (по заказу которого был построен упоминаемый дом) Николая Федоровича Кесслера[6]. 9 июля 1918 года он уехал в Финляндию, но через какое-то время вернулся в свою квартиру, которую за время его отсутствия не успели вскрыть. «Опись вещей, реквизированных в квартире № 63» составлялась уже в присутствии хозяев, 13 октября 1918 года. В нее вошли: «1 пианино, 1 диван, 1 этажерка, 10 стульев, 6 кресел, 2 стола, 1 зеркало, 7 предметов арматуры, 1 стол, 1 стенное зеркало, 1 ковер, 2 портьеры синие, 3 портьеры красные, 1 ковер маленький, 1 ковровая дорожка, 2 пары полуботинок, 1 пара ботинок, 1 костюм пиджачный черный, 1 костюм пиджачный синий, 1 костюм неполный (без жилета), 3 пары дамских полуботинок». После такого бесцеремонного вторжения Кесслер обратился за помощью на место службы. Правление Первого Российского страхового общества 16 октября 1918 года выдало ему удостоверение, что «вещи в квартире его..., согласно прилагаемой описи, приобретены им на средства, сбереженные за 20-летнюю службу в Обществе. Н. Ф. Кесслер работает в вышеозначенном Обществе с 1897 года».

Но данный документ не помог Николаю Федоровичу ни вернуть имущество, ни избежать подселения. Две комнаты его квартиры занял член РКП(б) Федор Сорокин, который, впрочем, остался недоволен своими жилищными условиями и даровым имуществом. Свои жалобы он изложил в заявлении в Междуведомственную комиссию Петроградского района: «В виду моего проживания в доме 26/28 квартире 63, я нахожусь в страшно стесненном положении, имея две комнаты, а нас трое, одна из этих комнат, занимаемая мною, столовая, через которую приходится всем живущим в квартире проходить, а в квартире живут 6 человек вместе с моей семьей, то нам приходится всем находиться в одной комнате. Принимая во внимание, что скоро семья прибудет, то житье в таковой невозможно, то поэтому прошу Междуведомственную комиссию дать мне квартиру с мебелью. Так как мебелью в доме, в котором я проживаю, пользуются одного из жильцов квартиры, то есть хозяина квартиры». Просьбу Сорокина удовлетворили, он переехал в квартиру 21 дома 20/10 по ул. Красных Зорь. Однако, получив желанное, на этом не успокоился и составил донос на своего бывшего соседа: «С разрешения Жилищного подотдела Петербургского Районного Совета, я въехал в квартиру 63 по улице Красных Зорь 26/28, в опечатанную комнату, в которой имелась домашняя обстановка, среди которой имелись ковры хорошие и портьеры несколько пар.

Обозначенные опечатанные вещи я принял как коммунист, без описи, надеясь, что в случае переезда я сдам в целости по имеющейся описи Жилищного Отдела, но в результате моего переезда на ул. Красных Зорь 20/10 кв. 231, где я занял квартиру с разрешением Жилищного (Отдела) и Междуведомственной комиссии, мне сдать обратно вещей вышеуказанной квартиры и дома не пришлось, так как опись была потеряна. Обозначенный орган таковую потерял, и вещи, опечатанные согласно декрета, которые должны быть вывезены, перешли в собственность прошедшего владельца гр. Кесслера, который проживает в той же квартире в доме 26/28 по указанной улице.

Но, принимая во внимание, что обозначенный гражданин стремится все свое ценное хозяйство сбыть по спекулятивным ценам на рынках, так я заметил, что он уже имел возможность продавать свои костюмы, которых у него имелось приблизительно штук 9, то я как честный коммунист заявляю и прошу принять меры для извлечения обозначенных вещей, например, ковров и портьер, в общественность всего Рабочего Класса и Советского Правительства». О том, что сотрудники Междуведомственной комиссии не оставили заявление без внимания, свидетельствует наложенная на него резолюция: «Т. Кузьминой. Всесторонне обследовать, запросив опись от Жилищного Отдела. В случае, если таковой не окажется, составьте вновь. Всю эту работу произведите с соблюдением всех формальностей. 3/V-20 г.».

Буржуям велено жить на кухне

Еще более показательна история Е. А. Свиньиной, жены члена Государственного совета, генерала А. Д. Свиньина. С 1915 года овдовевшая Евгения Александровна жила одна в Петрограде, на Каменноостровском проспекте, д. 44, кв. 3, так как все ее родственники сумели перебраться в Париж. Ее приютила семья швейцарских подданных*. В 1920 году главному бухгалтеру фабрики Военно-механической обуви Вернеру Яковлевичу Ратцу был предоставлен отпуск для выезда на родину, в Швейцарию. В выданном ему удостоверении были следующие строки: «...по окончании означенного срока гр. Ратс, как крайне нужный и незаменимый работник, которого вряд-ли удастся заместить в особенности теперь, когда начинается развитие русской промышленности, обязан вернуться в Россию для продолжения своей деятельности на фабрике... А посему Рабочий Комитет и руководитель фабрикой И. М. Вешторт просит все власти оказать В. Я. Ратс всякое содействие для свободного возвращения его в Россию. К сему присовокупляется, что фабричный

об этом факте руководитель фабрики Исидор Михайлович Вешторт написал заявление в жилищный отдел: «В квартире бывшаго моего бухгалтера швейцарского гр. Ратц, проживающего по Каменноостровскому пр. № 44 в кв. 3, находятся две принадлежащих мне картины:

1) Иосифа Холменского под названием «Русская тройка»
2) Крежицкаго под названием «Закат на морском берегу».

О принадлежности мне вышеназванных картин заявлено при описи гр. Ратц.

Прошу выдать мне разрешение на право перевоза их на мою квартиру».

В тот же день за Ратца вступился Швейцарский комитет, который просил жилотдел не считать квартиру бесхозной и готов был взять имущество подданного Швейцарии под свою ответственность. С 29 мая на защиту прав Ратца встало Управление уполномоченного Наркомата иностранных дел в Петрограде. Между управлением и жилотделом начался обмен отношениями, пестрящими юридическими тонкостями, при этом на стороне управления чувствовался явный перевес. Вероятно, осознав это, жилотдел посвятил в суть дела районный исполком. «...Несмотря ни на кажущуюся крайнюю незаменимость его как работника, ни на надежду заводоуправления о скором возвращении, Ратц не возвращается, и с 20 года все живет и живет в своей Швейцарии, Свиньина тоже благодаря всему, устроившемуся, благополучно

К. С. Петров-Водкин. Новоселье. Рабочий Петроград. 1937 г.

Комитет и руководитель фабрики ручаются за В. Я. Ратс, как за вполне лояльного и ни в какой политической деятельности не замешанного человека. Петроград. 1 Марта 1920 г.».

С целью «оградить квартиру и имущество от всякого рода реквизиций и конфискаций» Ратц выписал доверенность о передаче своей квартиры вместе с обстановкой на время его отсутствия Евгении Александровне Свиньиной. Но эти документы не помогли. 21 апреля 1922 года сотрудник отдела недвижимого имущества Петроградского района составил акт о «бесхозности» имущества уехавшего Ратца. Осведомленный

припеваючи живет под охраною обстоятельств, в уютной богатой квартире, с удобствами, к которым привыкла давно, не неся лишений как другие граждане в прошедшее время...»

О том, как в действительности жила Е. А. Свиньина в этот период (отношение датировано 13 ноября 1922 года), можно прочесть в ее письме за 25 июня 1922 года: «Работаю на огородах — чернорабочей. Шью, чиню белье и присматриваю за квартирой (чужой). Стряпаю, стираю, даю уроки франц. языка. Два раза на похоронах помогала нести тяжелые гробы, читаю псалтырь у покойников. Кормят, дают хлеб. Я довольна»[7].

В конце концов часть имущества Ратца все-таки была реквизирована и передана в собственность члена Петросовета, члена РКП(б), режиссера Государственного театра юных зрите-

*В опубликованных письмах Свиньиной к своей внучке Анастасии Борисовне Дуровой в Париж фигурирует фамилия Шварц, а в архивных документах — Ратц (Ратс).

лей, председателя Жилищного товарищества Андрея Николаевича Дальского, который, по его словам, до 31 марта 1922 года не имел «совершенно никакого имущества». А Евгения Александровна заполнила «Анкету для граждан, проживающих в бесхозных квартирах», в которой указала, что из семи комнат квартиры она занимает одну, с ней также проживают: «Минич Наталья Алекс. (преподавательница трудовой школы), Минич Наталья Антоновна (слушательница арх. курсов), Минич Татьяна Антоновна (слушательница сельскохозяйственных курсов). Въезжает в квартиру Председатель Жил. Товарищества, член Петросовета Андрей Николаевич Дальский-Смирнов с женой Елизаветой Руфовной». Какой мебелью располагала в 1922 году она, видно из другого письма: «У меня же всего одно кресло, шкапчик для книг, два комода, один сундук и портреты, без рам, конечно. Вот и все. Но зато я теперь как муха. Ничего не жаль...»

С каждым годом Е. А. Свиньину все больше и больше ущемляли в правах: «Самое тяжелое теперь — это жить под гнетом озверевших, безграмотных, темных личностей...». В 1931 году в квартире № 3 проживало уже 16 человек. 30 марта 1932 года Свиньина написала об очередном унижении, которое ей пришлось перенести: «Я, как и другие, имела право на маленький кусок хлеба, на угол... Сейчас меня, как и множество других, уже лишили этого права и не дали нам хлебных карточек! Основываясь на том, что я и они — или безработные, или нетрудовой элемент, или же хуже того — бывшие люди... У меня только одно кресло, даже стула нет. Я давно уже его продала и съела, и когда ко мне заходит кто-нибудь, то из кухни приношу табурет... Когда ночью, в 11 часов, ко мне явились три типа, пришлось встать (я уже спала), осмотрели все и, увидя, что на стене висели сухие грибы (я перевесила потом) — 2 фунта с четвертью и лук четыре с половиной кило — они, не найдя, да и не могли ничего найти, потому что, кроме двух корзиночек картофеля и нашего пайка по 2-й категории, который я получала все время, ничего у меня и не имеется, да то, что вы мне прислали в посылочке — мука и рис, которые берегу на черно-чернейший день... Итак, не найдя ничего, они в акте поставили мне обвинение, что комната моя завалена вещами и стены обвешаны сухими грибами и луком, а следовательно (в моей комнате нет даже и 10 м), мне вполне можно жить на мои средства и не получать хлебную карточку, а также, так как я — не трудовой элемент, а бывший человек, надо меня переселить в еще худшую комнату. Где эта худшая комната, в мансарде или в подвале — я не знаю...» Свои дни Евгения Александровна закончила на кухне.

Погрузка агитпоезда ВЦИК. 1918 г. Из кинофильма «Всесоюзный староста».

Как Гагарин за квартиру воевал

Как складывалась судьба бывших жильцов квартир, оставшихся в стране и принявших советскую власть, можно также показать на примере квартиры № 318. Ее владельцем был князь Сергей Федорович Денисьев. Комнаты у него нанимал первый лектор Петербургского политехнического института князь Андрей Григорьевич Гагарин. После революции он начал работать в советских учреждениях — старшим конструктором Экспериментального института Наркомата путей сообщения и старшим инструктором Главного артиллерийского управления. В октябре–ноябре 1918 года Экспериментальный институт Наркомата путей сообщения отправил его «по долгу службы» в Москву. Семья Гагариных переехала в родовое имение. За время отсутствия главы семьи, несмотря на предоставленное Денисьевым удостоверение на имя Гагарина, подтверждающее право последнего занимать квартиру 31, его вещи были конфискованы, а квартира № 31 18 октября 1918 года предоставлена в распоряжение Компрода Петроградской стороны. «Владельцу квартиры гр. Денисьеву было выдано принадлежащее ему имущество по норме, выработанной Исполнительным Комитетом Районного Совдепа Петроградской стороны...; причем в виде исключения гр. Денисьеву была предоставлена часть имущества и сверх нормы — всего же гр. Денисьевым было вывезено 4 воза. Что же касается имущества гр. Гагарина, то таковое было конфисковано в виду того, что гр. Гагарин отсутствовал более двух месяцев и не представил до момента конфискации в отдел охранное на свое имущество удостоверение...».

Если верить сохранившейся описи, Гагарины владели богатейшей коллекцией картин (количеством — 83), среди которых были «Изображение 4-х детских головок» Брюллова, «Потрет мальчика» Маковского, «Старик, беседующий с мальчиком» Рембрандта, акварельный «Портрет в овале» Брюллова, «Голова старика» Фрагонара. Все представляющие художественную ценность предметы, в том числе серебряная посуда, были якобы переданы сотрудниками районной художественной комиссии в Бюро Зимнего дворца при Комиссии по охране памятников искусств и старины. 13 декабря 1918 года по распоряжению Реквизиционного отдела при Жилищной коллегии Петербургского района из квартиры № 31 на склад поступило двенадцать закрытых и опечатанных сундуков и два комода с имуществом княгини Гагариной. 18 декабря 1918 года в Петроград из Москвы вернулся князь. После посещения своей квартиры он написал заявление в Жилищную коллегию Петроградского района: «На основании предъявленных моим соквартирантом удостоверений Экспериментального Института от 16 ноября 1918 года за № 7951 и Главного Артиллерийского Управления от 8 октября 1918 года за № 49566 мое движимое имущество и обстановка, находившиеся в сем же доме в квартире 31, а также обслуживающие занимаемое помещение реквизициям, конфискациям и пр. не подлежит. На деле же я в гараже № 33 того же дома нашел жалкие остатки своего имущества. Покорнейше прошу мне разрешить вывезти свое имущество как из этого гаража, из комнаты № 15 квартиры 31, так и из других мест, куда вещи могли попасть при рассортировках. В Петрограде я нахожусь еще два дня, в течение которых я и прошу дать мне возможность исполнить просимое. А. Гагарин. Средняя Подъяческая, д. № 6, кв. 3. Петроград. 18 декабря 1918 года». Жилищная коллегия Петроградского района оставила заявление без внимания. Тогда Гагарин пишет заявление в Конфликтный отдел при Центральной исполнительной коллегии по жилищным делам при Петроградском Совдепе, находившийся на Невском проспекте, 41. В результате Центральная жилищная коллегия постановила «предписать Петроградской районной жилищной коллегии выдать все вещи гр. Гагарину какие есть и дать ответ Центральной коллегии, куда и кому выданы остальные вещи, составив им подробную опись. Постановление это предлагается привести в исполнение немедленно». В ответ Жилколлегия Петроградского района объясняет: «Имущество это было вывезено в склады Отдела частью (состоящее главным образом из платья), было распределено отделом на общих основаниях, причем установить, кто получил со склада вещи гр. Гагарина не представляется возможным, так как пометок на каждой вещи, кому она принадлежит, не делалось, так как склад был перегружен работой, а увеличить штат служащих на складах не представлялось возможным, так как состав служащих уже превышал намеченную Центроколлегией норму в 22 человека».

Как говорится, на нет и суда нет: дело прекратили. Но Гагарин на этом не останавливается, так как, по его словам, его лишили даже «носильного платья и обуви». «Кроме вещей, поименованных в моей описи, взят весьма редкий рукописный голландский молитвенник (Micel) XV века с бесценными миниатюрными изображениями из Св. Евангелия и орнаментами на пергаменте». Он обращается в вышестоящие инстанции — в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Советов, к тов. Бонч-Бруевичу. По всей видимости, «наверху» Гагарина поддержали и приказали исполкому Петроградского района решить вопрос в пользу пострадавшего. На это исполком Сов. Раб. и Кр.-Арм. Деп. Петербургской стороны отправил в Президиум ЦИК эмоциональный, полный революционного негодования ответ следующего содержания:

«Уважаемые товарищи,

Исполнительный Комитет Петроградского Районного Совета принужден обратить ваше внимание на наш протест, изложенный ниже. Тов. Бонч-Бруевич пишет на имя тов. Зиновьева отношение, где предлагает назначить расследование над тов. Морозовым (Зав. отделом движимого имущества при Петрогуботкомхозе. — *Л. З.*) и тем вандализмом и грабительством, какое проявляется в Петербургской районной жилищной коллегии и предлагает поставить в надлежащие рамки тов. Скороходова (Сотрудник жилотдела Петрорайона. — *Л. З.*).

Гр. Бонч-Бруевич бросает на коллегию такой навет, во главе которой стоят рабочие, сражавшиеся на баррикадах, томившиеся в царские дни в тюрьмах и ссылке за освобождение рабочего класса. Мы не знаем настояще, что из себя представляет гр. Бонч-Бруевич, поэтому не можем судить основательно. Но делая вывод один, что таким людям не место в Советском Учреждении, которые в защиту белогвардейца князя Гагарина за его имущество, награбленное от рабочего класса, смеет бросать истинным рабочим наветы в грабительстве и вандализме.

Да, мы грабители, ограбили буржуазию и заставили ее скитаться и приискивать себе работы, а не жить за счет народа. Мы не можем хладнокровно смотреть, когда в высшем Советском Учреждении сидят люди, могущие говорить на рабочих, что они варвары, это пишется в белогвардейской печати. Мы возмущены до глубины пролетарского чувства таким повелительным тоном гр. Бонч-Бруевича.

Настоятельно просим Президиум Центрального Исполнительного Комитета Советов обратить на наше письмо должное внимание, несмотря на Ваше ценное время, которое Вы на это потратите и примите к присечению подобной безответственности гр. Бонч-Бруевича.

При сем прилагаем отношение Бонч-Бруевича и письмо Гагарина. Если Вы его прочтете, то даже из этого молебного письма Вы поймете всю сущность этого проходимца.

Прилагаемую переписку по окончании дела просим переслать в Районный Совет Петербургской стороны.

С товарищеским приветом».

В конце концов в начале 1919 года прислуга Гагариных П. Ю. Орас по доверенности получила из Продовольственной управы оставшееся после реквизиции имущество семьи Гагариных, старой няни Евдокии Семеновны Сахаровой и учительницы Жанны Шанель.

Порадуйте буфетом гегемона

Но претензии к местным властям предъявляли не только действительно ущемленные в своих правах «лишенцы», но и гегемоны, желавшие получить как можно больше и все сразу. В этом разрезе небезынтересно письмо заведующему Отделом коммунального хозяйства Грошникову от демобилизованного красноармейца, студента Агрономического института С. И. Савича. Членство в партии и занимаемая должность давали человеку возможность улучшить свои бытовые условия, но эти льготы не распространялись на беспартийных членов семьи. Поэтому студент напоминает о заслугах перед советским правительством своего отца, Иосифа Савича, который в 1918 году вселился в пятикомнатную квартиру № 57 дома 26/28 по улице Красных Зорь и получил в распоряжение мебель прежнего владельца Давидова Адольфа Самуиловича[9]: «В средних числах марта месяца с. г. (1922) мною была подана просьба о закреплении за мной и братом-инвалидом гражданской войны мебели, которой мы пользуемся в течение почти 4-х лет, то есть с начала 1918 года. Разрешение вселиться в квартиру в то время было получено моим отцом — старым коммунистом (в компартии с 1902 г.), который сотрудничал в Жил. Отделе еще в бытность тов. Прохорова председателем Жил. Отдела, о чем он может подтвердить и теперь.

В 1918 году в порядке партийной дисциплины по распоряжению Литовского партийного комитета отец был отправлен для работ в Литву, которую вскоре заняли белые банды и засадили отца в тюрьму, где промариновали его более двух лет. Чудом он остался жив, потеряв в это время выброшенную на улицу мать нашу, которая умерла, и оставили его, не расстреляв, только потому, что стар и совершенно больной.

Я сейчас прилагаю все усилия к тому, чтобы его с 10-летней сестренкой вывезти обратно в Россию.

К концу лета он будет здесь и тогда, конечно, уже никакие хлопоты не помогут, а я не хочу, чтобы он воочию убедился в том, что и в нашей пролетарской стране пролетарии в угоду НЭПа могут оставаться у разбитого корыта и по-прежнему должны будут сидеть вдвоем на одном стуле и втроем спать на одной кровати. Почему это так?

Комиссия Жил. Отдела, которая была на днях для обследования, нашла, что мебель в квартире слишком шикарная (подчеркнуто в документе. — *Л. З.*), а следовательно, не подходящая для пролетариев, а прикрепить часть этой мебели нельзя, дабы не разбивать гарнитура. Что же! Если действительно на это есть приказ и если это действительно проводится в жизнь Жилищным Отделом, не можно спорить, хотя это глубоко несправедливо и обидно.

Предложение купить мебель (кабинет) за плату 450 миллионов и смешно и больно, а больно потому, что Жил. Отдел работает поверхностно и механически, не интересуясь и не заглядывая глубже в материальную сторону просителя. Я с марта месяца не получал жалования (оклад в апреле 15 млн) и живем-то мы только благодаря тому, что изредка удается попасть в порт на разгрузку угля.

Тов. Грошников! Не обижайте пролетариев, и если действительно нельзя прикрепить эту буржуазную мебель, к которой я и привык-то только благодаря нашей пролетарской власти, так прибавьте к тому. Что уже разрешили хотя бы со склада еще одну кровать, диван и пару мягких кресел, а совсем было бы хорошо, если бы дали еще какой-нибудь буфет и обеденный стол. Порадуйте старика отца, который скоро будет здесь и скажет Вам товарищеское спасибо. Савич».

В ходе перипетий, выпавших на долю нашей страны, социальный состав населения Советской России был фактически обновлен. Хозяевами жизни стали рабочие и выходцы из деревни, которые принесли в город свои традиции и способствовали формированию новой, маргинальной культуры. После революции многие из них, особенно те, кто занимал более-менее значимые должности, смогли получить то, о чем мечтали и ради чего «боролись», законодательно оформив свои действия.

Примечания.
1. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб. 1999. С. 186.
2. ЦГА СПб. Ф. 4304. Оп. 1. Д. 1094. Л. 15–18.
3. Там же. Д. 1124. Л. 8.
4. Там же. Д. 1105. Л. 5.
5. Там же. Д. 1099. Л. 15; Д. 1104. Л. 8.
6. Там же. Д. 1128.
7. Свиньина Е. А. Письма в Париж. (1922–1938). Звезда. 1997. № 11. С. 40–79.
8. ЦГА СПб. Ф. 4304. Оп. 1. Д. 1103.
9. Там же. Д. 1123.

Андрей КВАКИН

ИСТОРИЯ БОТИНОК

Как инспектор Гринь в эмиграции обувь выбивал

Занимаясь уже около четверти века изучением истории Российского Зарубежья, я был склонен считать, что россияне, вырвавшиеся из-под тирании Совдепии в 1920-е годы, попали чуть ли не в идеальные условия «демократических стран». Действительно, мы знаем немало примеров вольготного существования отдельных личностей, особенно из числа знаменитостей, как в Советской России, так и в «белой эмиграции». Гораздо меньше нам известно о беженской жизни «рядовых» эмигрантов.

Белград стал вторым по численности центром русской эмиграции после Парижа. В Югославии сосредоточились главным образом эмигранты из военного и служилого класса. В одном из интервью С. Н. Палеолог предложил *«провести существенное разграничение между двумя беженскими волнами, которые разбросали за границею остатки антибольшевистской России. Первая относится к 1917 году. Она вынесла за границу сторонников Керенского и добольшевистской революции, которые получили возможность спасти свою ставку и поселились в гостиницах Парижа и Ниццы, где не перестают «делать большую политику», обеспеченные от нищеты и несчастий. Вторая состоялась в 1920 году. Она привела в Югославию людей, у которых не оставалось ничего другого, кроме той одежды, которую они носили на себе, и к которым вскоре присоединились беженцы из Крыма, еще более несчастные: эти испили чашу до дна»*[1].

В Архиве Гуверовского института Стенфордского университета (Paleologue S. N. Box 1. Folder 15) хранится довольно большая коллекция Палеолога (36 боксов). В основном это однотипные канцелярские документы: официальные бумаги, бухгалтерские отчеты, переписка по поводу положения русских беженцев. Это естественно, так как в 1920-е годы он занимал должность правительственного уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия).

Но вместе со всей этой канцелярщиной здесь сотни документов с мольбами о помощи, свидетельства о тяготах беженской жизни. Так, в письмах писателя Г. В. Алексеева[2], по договоренности с С. Н. Палеологом совершившего «инспекторскую поездку по местам расселения русских беженцев в КСХС», мы неоднократно находим рассказы о трудностях существования русских эмигрантов[3]. Так как *«устроиться удалось только специалистам»*, почти все русские в Югославии были поставлены в финансовую зависимость от так называемых «разменов». Суть их состояла в обмене различных русских денег (начиная от царских и заканчивая казначейскими билетами всевозможных временных режимов на территории бывшей Российской империи) на югославские динары. Послевоенная экономика самого молодого королевства испытывала серьезные трудности, поэтому было решено производить обмен не одновременно, а постепенно, по спискам беженских организаций в размере 400 динар на человека в месяц.

Законным путем улучшить материальное положение порой было просто невозможно, что подтверждает публикуемый ниже документ — «История одних ботинок (быль). Дневник беженца Крымской эвакуации Инспектора В. Гриня. 2 листа». К сожалению, мне не удалось найти биографических сведений об авторе. Известно лишь, что Владимир Игнатьевич Гринь занимал пост председателя Союза учителей в Югославии, был членом редакционной коллегии журнала «Русский терем» в Белграде.

При публикации сохранены все пометки, сделанные на рукописи в канцелярии С. Н. Палеолога, а также стиль и орфография документа, за исключением явных ошибок и оговорок.

Примечания

1. Journal des Debats. 19 Mars. 1921. # 77.
2. Алексеев Глеб Васильевич (1892–1938) — русский писатель. В начале 1920-х гг. жил в эмиграции. В 1923 г. вернулся в СССР. В рассказах (сборник «Живая тупь» 1922), повести «Мертвый бег» (1923) отражено осмысление страшного опыта русских революций и гражданской войны. В 1933 г. завершает большой роман об индустриализации в СССР «Роза ветров». В 1938 г. покончил жизнь самоубийством.
3. Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: Paleologue S. N. Box 18.

Дневник беженца Крымской эвакуации Инспектора В. Гриня

10. III. 1921
К отчету
Вх.[одящий] [1] *10242 «11» Марта 1921 г.*

Декабрь [1920 года]

15

Вчера прибыл в Белград с учительской корпорацией. Все в ужасном виде: оборваны, голы и босы. Послал учителя Моисеева и учительницу Гринь в Русский Красный Крест со списком учителей и необходимых вещей. Учительница получила себе детскую рубашонку и детское же бумажное платьице. Ботинок ей не дали, несмотря на то, что была в чужих, мужских. Корпорации не дали ничего!

16

Пошел сам в Красный Крест хлопотать вообще для всей корпорации, а для себя, в частности, самое необходимое — ботинки. Принимал Макаров*, который сказал, что сейчас на складе ничего нет, но вещи будут через неделю.

23

Оказывается, есть только 5 пар ботинок, а желающих — 25 человек, а потому на эти ботинки рассчитывать не могу. Предложили придти через день.

25

Просидел даром от 10 до 12 часов: приема не было. Евреинов** где-то был будто бы на заседании.

28

Пошел к Евреинову вместе с протоиереем Николаевским. Макаров уехал. Принял Евреинов. Рассказали о горьком положении всей корпорации и, в частности, о своем собственном. Продемонстрировали свое белье, костюмы, обувь. По-видимому, отнесся сочувственно, ибо записал на заметку кто из нас в чем нуждается. Список же [позже] оказался затерявшимся где-то.

29

Евреинов заявил, что послал запрос в Земунский*** комитет [по обустройству беженцев], действительно ли мы нуждаемся в этих вещах, и что по получении ответа удовлетворит нашу просьбу. Для ускорения дела бегу в Комитет за удостоверением, и таковое получил на руки.

31-го

Представил удостоверение Комитета. Оказывается, Евреинову надо навести справки, есть ли ботинки в складе. Предложили придти после Нового года.

Января

2 дня

Евреинов заявил, что ботинки есть, но в ограниченном количестве, вследствие чего могут быть выданы только больным. Тотчас же представляю ему акт освидетельствования Ялтинской постоянной врачебной комиссии от 21 июня 1920 г., где видно, что страдаю ишиасом обеих конечностей, и членский билет Союза Увечных Воинов. Недостаточно. Предложил мне пойти к своему доктору и принести удостоверение. Иду. Свидетельствовал доктор Бензелевич, который послал к невропатологу д-ру Пассеку. Был осмотрен и получил удостоверение от доктора, что страдаю ишиасом и что мне необходимы ботинки, которых я не имею. Д-р Пассек удивился, что ему, таким образом, приходится выдавать удостоверения на право получения ботинок.

3

Несу заветное удостоверение и в мечтах уже ощущаю на своих больных (простуженных еще в Германскую войну в Карпатах зимой 1915 года) ногах ботинки, но оказывается, что еще мытарства русского офицера-инвалида не окончены. Евреинов предложил мне, ввиду аналогичных просьб остальных учителей моей корпорации, составить один общий список, по образцу арматурного, подробно указав, кто в чем нуждается, и засвидетельствовать в своем Земунском Комитете и представить в Английский Красный Крест, который только один может удовлетворить нашу нужду. Евреинов предложил также не допускать к нему учителей, которые допустили в отношении его некорректность в своей настойчивости. От пережитых передряг разболелась голова. Чувствую, что силы иссекают.

5-го

Составил список, посвидетельствовал в Комитете и представил Евреинову. Просил его выдать на руки ходатайство к англичанам — безуспешно. Предложил придти после праздника.

10-го

Список еще не переведен. Обещали отправить сегодня.

11-го

Список еще на столе у Евреинова. Заручаюсь сочувствием одного из служащих, который извлекает список и передает переводчице. Снова прошу отправить список к англичанам через меня. Отказывает. Обещает сегодня же отправить. Чувствую себя скверно. Еле добрался домой. Надо купить термометр.

12

Разыскал канцелярию Английского Красного Креста с большим трудом, ибо в канцелярии Евреиноа адрес держат в большом секрете. Оказывается, список еще не передан. Вот тебе и обнова к [православному] Новому Году! Чувствую себя совсем плохо. Покупаю термометр. Температура 35,6°.

13

Завтра Новый Год. Напрягаю все усилия получить ботинки себе, а костюмы учителям. Был у англичан, был 3 раза в Рус[ском] Красном Кресте. Списка нет ни здесь, ни там. Навожу справки. Оказывается, вместо того, чтобы передать в канцелярию англичан, список послан по почте и лежит у швейцара гостиницы «Бристоль». Передают капитану Кеннеди, но уже поздно: 4 часа и склад закрыт. Возвращаюсь домой, чувствую себя еще хуже — температура 35,5°.

15-го

Сегодня месяц, как начал я хлопоты по получению ботинок. Летние туфли совсем сбились. Отдохнул за вчерашний день. Снова иду в город. У англичан узнал, что вещи уже посланы в Русский Красный Крест. Спрашиваю, все ли послано. Говорят, что все. Иду в Рус[ский] Кр[асный] Крест. Оказывается, действительно англичане прислали 2 тюка вещей, но выдать мне не могут без приказания Евреинова. Жду два часа. Приходит Евреинов и говорит, выдать здесь не может, но что вещи я получу на складе (ул. Александра, № 130). Иду туда. Жду до 4 часов. Нет вещей. Иду снова к Евреинову. Оказывается, вещи сейчас отправляют и предлагают и мне поехать туда же. Нанимают карету за 20 динар, усаживается их доверенное лицо с вещами, в половину одного тюка, предлагают ехать и мне. Вещи получает заведующий общежитием (никакого отношения к нам не имеющий!), распаковывает и выдает по прилагаемому списку, подписанному Евреиновым: «Инспектору училища В. Гриню... носки (!!!), его жене, учительнице Ю. Гринь... носовой платок» и т. д...

Итак, за месяц хлопот, в результате... носки!.. Стоило ли терять месяц времени, массу энергии, силы воли, настойчивость, денег на дорогу: стоило унижаться, простите, стоило бить туфли!.. Чувствую себя совсем плохо. Температура снова 35,5°.

В. Гринь

Публикация и комментарии доктора исторических наук Андрея Квакина

*Товарищ (заместитель) Уполномоченного Русского Красного Креста в Югославии.
**Уполномоченный Русского Красного Креста в Югославии.
***Земунь — селение в пригороде Белграда, где поселились русские беженцы.

Эвакуация на английских военных судах.

Александр **БОНДАРЕНКО**, кандидат исторических наук
Сергей **КРАСИЛЬНИКОВ**, доктор исторических наук

УЗНИК *Нарымского края*

Жизнь и судьба Дмитрия Донского — эсера и ссыльного

Институт высылки и ссылки политических противников советского режима и оппонентов правящей коммунистической партии был официально введен в Советской России декретами ВЦИК от 10 августа и 16 октября 1922 года. Впоследствии их дополнили другими правовыми и нормативными актами[1].

Практическая подготовка к приему политссыльных в Сибири началась после того, как 21 сентября 1922 года Сибирское бюро ЦК РКП(б) заслушало и приняло к сведению и руководству циркулярное письмо ЦК РКП(б) и ГПУ о правых эсерах[2]. Как и в дореволюционный период, одним из наиболее подходящих мест для изоляции политических противников власти посчитали Нарымский край.

По сведениям помощника уполномоченного Нарымского отдела ОГПУ, общее число политссыльных в крае на 10 февраля 1927 года достигло 203 человек. Из них к анархистам принадлежали 34, меньшевикам — 70, эсерам — 8, сионистам всех оттенков — 36, «прочим» — 55 человек[3].

К марту 1930 года эта цифра выросла до 300. Имеющиеся же в нашем распоряжении косвенные сведения дают основание полагать, что социалисты-революционеры в Нарымской ссылке отнюдь не лидировали и в эти годы, но выделялись своей сплоченностью. В общей сложности через Нарым с начала 20-х и до конца 30-х годов прошли, надолго там не задерживаясь, десятки бывших членов эсеровской партии.

Самой знаменитой личностью среди ссыльных эсеров Нарымского края, оставившей заметный след в жизни местного населения, был Дмитрий Дмитриевич Донской, социалист-революционер, политик, врач.

Дмитрий Донской родился в мае 1881 года в Подольской губернии в семье интеллигентов. Отец, будучи земским врачом, рассчитывал, что сын продолжит его дело. С 1898 года за участие в революционной деятельности Дмитрий стал периодически подвергаться преследованиям: аресты, кратковременные, а затем и многомесячные тюремные заключения, бегство за границу, по возвращении из которой все повторялось. Учился на медицинских факультетах четырех высших учебных заведений — Киева, Вены, Мюнхена и Цюриха. В партию социалистов-революционеров вошел практически с первых лет ее создания, избрав для себя одно из самых опасных направлений — «боевую деятельность». В соответствующих кругах партийцев его считали профессионалом высокого класса — в свое время Б. Савинков упоминал Донского в числе первых среди тех, с кем предпочел бы иметь дело. За границей дольше всего — с 1907 по 1912 год — он жил в Мюнхене, где посещал занятия на медицинском факультете местного университета. В 1911-м там ему было выдано свидетельство о присвоении звания доктора медицины.

Со своей будущей женой, Надеждой Михайловной, урожденной Филипченко, он познакомился в Петербурге в годы первой русской революции, в эсеровской организации. Затем они выехали за границу, где Донской сочетал партийную работу с обучением медицине. В 1910 году у них родился сын, которого по семейной традиции Донских назвали Дмитрием.

В апреле 1914 года семья Донских приняла решение вернуться в Россию. Оно было не простым. Дело в том, что еще весной 1907 года Донской, будучи арестован в Петербурге и выслан

Д. Д. Донской. Парабель. 1933 г.

в Березов Тобольской губернии сроком на три года, по дороге бежал и скрылся за границу. Теперь же, почти семь лет спустя, он решил легализоваться и заявил русским властям о желании полностью отбыть положенный ему срок тобольской ссылки. Заехав в г. Хмельник Подольской губернии, где проживали родители, он с женой отправился в с. Черное Тобольской губернии. МВД разрешило ему занять место врача в участковой больнице. В конце 1916 года, за полгода до окончания срока ссылки, Донской был призван на военную службу в качестве врача и отбыл на Кавказский фронт.

С этого времени его жизнь представляет собой цепь быстро меняющихся ярких событий: в течение года из ссыльного эсера-врача он превращается в одного из лидеров партии социалистов-революционеров. После февраля 1917 года избран в Совет солдатских депутатов Тифлиса (ССД), в котором возглавляет военно-врачебную комиссию, в апреле того же года кооптирован в исполком Совета. С 25 мая 1917 года Донской являлся председателем президиума краевого Совета Кавказской армии (Закавказский краевой ССД) и одновременно комиссаром фронта. В ноябре — декабре 1917 года входил в состав Закавказского комиссариата (местного правительства), возглавляя там военное ведомство.

Всероссийскую известность как политический деятель Донской приобрел после избрания его в Учредительное собрание от Кавказского фронта по эсеровскому списку № 3. На IV съезде ПСР, состоявшемся в Петрограде с 26 ноября по 5 декабря 1917 года, вошел в ЦК партии. После января и до середины мая 1918 года руководил Военной комиссией, созданной при ЦК постановлением IV партийного съезда. Решением Центрального комитета от 16 мая 1918 года Донской в качестве «главного организатора» командируется для партийной работы в Поволжье. Примерно до середины августа 1918 года он проработал в Саратове. Затем переезд в Москву, где он становится одним из главных организаторов и руководителей антибольшевистского эсеровского подполья.

Под именем Ивана Семеновича Баскова с удостоверением от Комиссариата земледелия Донской с семьей живет на Ново-Басманной улице, ежедневно рискуя быть опознанным. Весной 1919 года на Петровке он столкнулся с одним из делегатов VIII съезда РКП(б) от Орловской губернии, неким Денисовым. В тот же день тот сигнализировал об этом своему ЦК: *«Я встретил доктора Донского — правого с.-р., — бывшего комиссара Кавказской армии во время Керенского. Этот господин в обращении к армии писал, что тов. Ленин работает на германские деньги и германский шпион и т. п. ...На вопрос, как он смотрит на положение вообще, он ответил, будем мы с вами биться»*.

30 марта 1919 года Донской был арестован и препровожден в печально знаменитую Бутырскую тюрьму. Далее начались

Д. Д. Донской и Н. М. Донская. 1927 г.

события, не совсем укладывавшиеся в общую схему большевистской карательной политики. По договоренности наркома здравоохранения Н. Семашко и московской инспекции мест заключения Донской получил официальную должность штатного врача Бутырской тюрьмы с весьма либеральным режимом надзора — ему дозволялось проживание вне тюрьмы.

8 октября 1919 года прямо с рабочего места без объяснения причин Донской там же, в Бутырках, был препровожден в одиночную камеру и объявлен заключенным.

15 января 1921 года Д. Б. Рязанов обратился к Ф. Э. Дзержинскому с поручительством за Донского, в котором писал: *«Ручаюсь, что он не будет предпринимать никаких активных шагов против Советской власти»*. По распоряжению Дзержинского уже на следующий день арестант покидает камеру в Бутырке и командируется для работы в отдел интернатов Мособлздрава.

Однако «оттепель» весны 1921 года оказалась недолгой. Мятеж в Кронштадте и волна крестьянских восстаний в провинции сказались на характере большевистской политики: уже в марте (по другим данным, в апреле) Донского арестовали прямо на улице и вновь препроводили в тюрьму. В конце же 1921 года в соответствии с планами большевистского руководства начинается подготовка шумного пропагандистского действа против лидеров и активистов ПСР. На проходившем в Москве в Колонном зале Дома союзов с 8 июня по 7 августа 1922 года процессе социалистов-революционеров Донской фигурировал уже в качестве одного из главных обвиняемых.

7 августа 1922 года Верховный трибунал, применив статьи с 57 по 60 нового УК РСФСР, вынес смертный приговор 12 подсудимым (из 22-х) «первой группы», включая Д. Донского. К нему, Л. Я. Герштейну и А. Р. Гоцу была также применена статья 64 (Организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов...).

Однако исполнение приговора приостанавливалось на неопределенное время и зависело от того, как писал в своей автобиографии Троцкий, *«будет или не будет партия* (эсеровская. — *Авт.*) *продолжать террористическую борьбу»*.

К началу 1924 года партия социалистов-революционеров в СССР оказалась практически разгромленной и перестала существовать как организованная политическая сила. Советское руководство сочло целесообразным смягчить приговор всем осужденным по делу ЦК ПСР. 14 января 1924 года постановлением Президиума ЦИК Донскому и другим, осужденным к смертной казни, расстрел был заменен пятью годами тюрьмы[4].

В середине июля 1924 года Д. Донской начал борьбу за пересмотр решения о назначении ему местом ссылки Туруханского края, принятого ранее по представлению ОГПУ. В обращении на имя Дзержинского он писал о невозможности отбывать срок с женой и сыном, страдающими туберкулезом легких, в таком гиблом месте и просил назначить ему *«для жительства местность, по климатическим и физическим условиям не обрекающую на медленное вымирание»*, например Тобольск или Минусинск.

По рекомендации Дзержинского Г. Г. Ягода на прошении Донского начертал резолюцию: *«Если подаст заявление, переменить на Нарым»*.

К месту ссылки в нарымское село Парабель Донской прибыл не позднее середины сентября 1924 года и провел в Парабельском районе практически безвыездно последние 12 лет своей жизни.

Все годы нарымской неволи (срок ссылки ему все время продлевался) он проработал главврачом Парабельской больницы, проявив себя не только высококлассным профессионалом, но и умелым администратором.

В одном из писем жене он описывал свою 1,5-месячную командировку в районную больницу села Каргасок зимой 1930 года. За это время, работая по 15–18 часов в сутки, Донской принял около 4 тысяч больных, провел 175 операций[5].

Д. Д. Донской с сыном Дмитрием. 1927 г.

Насколько почитаем был доктор Донской у местного населения, настолько предубежденным было отношение к нему со стороны официальных представителей власти. Совпартноменклатура видела в Донском не врача и незаурядную личность, а прежде всего своего политического врага.

Поэтому секретарь Нарымского укома РКП(б) Рябов в письме партийному начальству в Томск от 23 ноября 1924 года, положительно оценивая работу Донского — врача, одновременно отмечал, что им *«попутно ведется пропаганда среди пациентов (при этом ни одного конкретного факта не приводилось. — Авт.)... Авторитет его среди населения растет, а также попутно разлагаются наши члены, перед ними ставятся (Донским. — Авт.) такие вопросы: дискуссия распада РКП и партия разваливается, Ленин помер, Троцкий вышел из партии. Мною подмечено, что члены партии поднимают авторитет Донского, не отдавая отчета»*[6].

Настоящий переполох в начале января 1925 года среди партийных функционеров в Колпашеве и Томске вызвало известие о том, что Донской установил личную переписку с Н. А. Семашко, по распоряжению которого Парабельской больнице из госбюджета дополнительно было перечислено 250 рублей на борьбу с малярией. И хотя эту сумму в том же январе Новиниколаевский финотдел переправил Нарымскому уфинотделу, Донской не смог получить ее и в марте, так как данному вопросу сначала в укоме, а затем и губкоме партии был придан политический характер[7]. На заседании бюро Нарымского укома РКП(б) 4 февраля 1925 года докладчик по вопросу о состоянии здравоохранения в крае секретарь комфракции при местном уисполкоме Силин между прочим заявил, что ссыльные врачи, в том числе и Донской, пользуясь своим положением, *«ведут антисоветскую работу среди крестьян»*.

Тучи над головой Д. Донского стали сгущаться летом 1936 года, когда в стране вовсю начал раскручиваться молох массовых репрессий. К осени 1936 года в недрах центрального аппарата НКВД разрабатывается сценарий окончательной физической ликвидации во всесоюзном масштабе бывших эсеров.

На собрании райпартактива выступавший в прениях по докладу (о необходимости повышения бдительности) некто Исаев отметил между прочим, что *«Донской как заклятый враг партии старается всеми мерами создать себе авторитет»*. Он якобы *«сам в больнице провел работу среди больных о том, чтобы больные написали в газету и его расхваливали, что было и сделано, а мы на это не обратили внимания»*. Выступавшая здесь же в прениях некая Цыганова вспомнила, что когда «прорабатывали» проект новой Конституции СССР, то Донской якобы *«говорил, что я, мол, боролся за такую конституцию 18 лет, был гоним, был выслан в царские времена»*. И добавила, что Донской в *«практике своей работы... дискредитирует врачей, которые с ним работают и работают в районе, он говорит, что эти врачи ничего не знают, только мне и приходится всю работу вывозить»*[8].

Хорошо представляя обстановку в стране и, без всякого сомнения, прекрасно осознавая, чем данное судебное разбирательство может для него завершиться, Донской принимает решение о добровольном уходе из жизни, тем самым лишив карателей возможности объявить его действующим руководителем разветвленного «заговора»[9]. По сценарию чекистов в начале 30-х годов группа бывших активистов легально проведенного ликвидационного в 1923 году съезда бывших членов ПСР от Сибири (И. Х. Петелин, В. С. Осипов-Занозин и др.) будто бы воссоздала подпольное Сибирское бюро ПСР, позднее установила связь с «цекистами» — эсерами Жуковским-Жуком, Донским и другими. По этой «версии» связь организации с Донским обеспечивал И. М. Евстигнеев — в прошлом эсер-максималист, отсидевший при царском режиме в Шлиссельбургской крепости, состоявший в обществе политкаторжан и потому имевший до середины 30-х годов некоторый «иммунитет» от преследований со стороны сталинских властей. Далее из допросов Осипова-Занозина и Евстигнеева воссоздается почти детективная история о том, как эсеры, работавшие многие годы в Новосибирске, *«искали местонахождение Донского»*. Наконец, Евстигнеев получил эту информацию от известного всей Сибири старого большевика, руководителя крайархива В. Д. Вегмана. Осенью 1934 года последний организовал у себя на квартире встречу Донского с Евстигнеевым.

На одном из допросов в марте 1937 года к тому времени уже сломленный и работавший по сценарию чекистов В. С. Осипов-Занозин описывает ее следующим образом: *«По словам Евстигнеева, Донской якобы заявил, что стремиться к массовой организации не следует, т. к. это сопряжено с риском преждевременно обнаружить себя и оказаться под тяжестью репрессий. Теперь Донской главное видел не в собирании сил, а в организации тщательно законспирированной, но реальной работы против ВКП и Соввласти более эффективными способами, в том числе и террором»*.

Приведенный выше отрывок, как и все остальное, связанное с «участием» Донского в мифической организации, не выдерживает никакой критики и проверки. Достаточно сказать, что все идейные члены ПСР, а «цекисты» — тем более, не признавали «ликвидационный» съезд 1923 года и относились к организаторам и активистам последнего как к ренегатам. Поэтому с трудом верится, что Донской согласился стать во главе «Сиббюро ПСР», ядро которого якобы составляли те самые ренегаты.

Позднее, к началу лета 1937 года, в недрах Управления НКВД Западно-Сибирского края фабрикуется дело о существовании в регионе единой *«эсеровско-монархической повстанческо-террористической контрреволюционной организации»*, где будто бы оказались связаны воедино и идейные, принципиальные противники монархии социалисты, и бывшие царские и белые генералы, полковники и родовитые в прошлом дворяне.

История российского (не большевистского) социализма в первой трети XX века — это еще до конца не продуманная и не освоенная историками трагедия целой генерации социально-активной отечественной интеллигенции, обреченной на духовное и нравственное противостояние диктатурам, в какие бы цвета и оттенки они ни облекались. Поносимые и шельмуемые властями — вначале царскими, затем большевистскими — ссыльные социалисты в своем большинстве не шли на сговор с властями. В этой среде, как и до революции, презирались «подаванцы» (просившие о смягчении наказания) и «выдаванцы» (доносившие на других). Примечательно, что многие так называемые бывшие (книга А. В. Луначарского, приуроченная к процессу над лидерами ПСР 1922 года, так и называлась — «Бывшие люди»), а здесь наряду со ссыльными эсерами и другими «политиками» должно упомянуть и священнослужителей, достаточно органично входили в местную среду, принимались и почитались ею. Жизнь и судьба Дмитрия Дмитриевича Донского — яркое тому подтверждение.

Смерть Дмитрия Дмитриевича Донского наступила 24 сентября 1936 года. Ее причиной названо отравление, что подтверждается и свидетельствами современников, с уточнением лишь того обстоятельства, что Донской ввел себе в подъязычную железу смертельную дозу морфия.

Похоронили Донского при большом стечении народа на старом парабельском кладбище, которое до наших дней не сохранилось....

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 00-01-00334).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитациях жертв политических репрессий. М. 1993. С. 12–13, 104–107.
2. См.: Бондаренко А. А. Из истории эсеровской ссылки в Нарыме (1920–1930-е гг.) //Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск. 1998. С. 162.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 124–128.
4. Известия ЦИК СССР. 1924. 15 янв.; Янсен М. Суд без суда. С. 193.
5. Сибирский медицинский журнал. № 3–4. Томск. 1999. С. 148.
6. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 179 об.
7. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 53–60; Ф. 6. Оп. 1. Д. 192. Л. 41; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 103. Л. 303–304.
8. ЦДНИТО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
9. АУФСБ ТО. Д. П-2726. Л. 75–91; Д. П-3229. Л. 53–54; Д. П-3235. Л. 1–7, 10–14, 18–20, 110–113; Д. П-11210. Л. 495–497.

Илья СТАРИНОВ

Я ПОМНЮ ВЕСЬ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК...

Бурные события уходящего столетия суждено было наблюдать в полном объеме очень немногим. Один из таких уникальных людей — Илья Григорьевич Старинов. 2 августа ему исполнилось ровно 100 лет. Илья Григорьевич прошел четыре войны, стал кавалером двух орденов Ленина, пяти орденов Красного Знамени. Судьба его складывалась совсем непросто. Прослужив в армии 36 лет, проведя десятки операций, вошедших в учебные пособия по подготовке разведывательных и диверсионных групп, он остался полковником и главную награду — звание Героя Советского Союза — не получил. Илья Григорьевич вспоминает о главных событиях своей жизни.

Протекция сына Цюрупы

Я не раз мог погибнуть — и от пуль противника, и от рук своих. Я чудом избежал первой волны репрессий, в ходе которой погибли многие мои сослуживцы. По возвращении в Москву из Испании в ноябре 1937 года меня принял начальник Разведывательного управления Красной армии Сергей Гендин. Он поздравил меня с возвращением и получением орденов Ленина и Красного Знамени и представил наркому обороны СССР маршалу Ворошилову. Тот выразил восхищение моими делами: взрывом поезда со штабом итальянской авиационной дивизии, подрывом эшелона в туннеле — и дал указание Гендину о представлении меня к более высокой награде. Гендин представил меня к званию Героя Советского Союза, но был вскоре арестован. Я жил в гостинице «Балчуг» и каждую ночь спал в теплом белье, ожидая ареста. Днем ходил в разведупр и писал отчет о том, как диверсионная группа Доминго Унгрия превратилась в 14-й партизанский корпус. Потом меня перестали туда пускать.

В начале февраля 1938 года меня пригласили на Лубянку и предложили написать о своей работе с Якиром и Берзиным. Я вышел оттуда ошеломленный. Что делать? Решил попытаться попасть на прием к Ворошилову, ибо только он мог спасти меня. Мне повезло, что сын Цюрупы, с которым я возвращался на одном пароходе из Испании, дал мне прямой телефон Климента Ефремовича. Я ему рассказал о допросе на Лубянке и просил меня принять. Встреча состоялась, и Ворошилов попросил соединить его с Ежовым.

— Здравствуйте, Николай Иванович. У меня сидит прибывший недавно из Испании Старинов, его допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладке для них оружия.

Пауза. В трубке слышится неестественно тонкий голосок. Снова говорит Ворошилов.

— Конечно, он выполнял задание врагов народа, но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела.

Опять пауза. И ее нарушил маршал:

— Но он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое. Сами примем соответствующие меры.

После этого последовал приказ о присвоении мне звания полковника и назначении начальником Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона около станции Гороховец Горьковской области. По штату на этой должности полагалось быть генералу.

Осенью 1939-го меня стали обвинять в том, что я дал положительную оценку изобретению арестованного Баркаря, проходящему испытания у нас на полигоне. К счастью, в ноябре меня вызвали в Москву, откуда я выбыл в Ленинград в качестве начальника оперативно-инженерной группы по разминированию железных дорог на Карельском перешейке, по мере освобождения их войсками Красной армии.

Во время войны с Финляндией, в январе 1940 года, я был тяжело ранен в правую руку. За финскую кампанию меня наградили вторым орденом Красного Знамени. При выписке из госпиталя мне выписали справку о негодности к военной службе со снятием с учета, но я эту справку никому не показывал вплоть до 1992 года.

Великая Отечественная застала меня в командировке на учениях войск Западного военного округа, которые должны были начаться 22 июня под Брестом, но, к счастью, я доехал только до Кобрина.

24 июня я вернулся в Москву, а 26-го был назначен начальником инженерной группы Ставки Верховного главнокомандующего на Западном фронте, в распоряжении которой находились 3 саперных батальона и небольшое количество минно-взрывных средств. Перед отъездом нас принял нарком обороны маршал Тимошенко. От его имени мы получили широкие полномочия по разрушению объектов перед наступающим противником. Начальник оперативного управления Генерального штаба генерал-майор Г. К. Маландин предупредил, что мы прикрываем московское стратегическое направление, и если не будут взорваны важные мосты при отходе наших войск или будут взорваны раньше отхода войск, то нас расстреляют. Затем нам вручили мандат, подписанный наркомом обороны.

За Вязьмой возле моста через Днепр я предъявил свой мандат начальнику охраны моста и объявил,

что его следует подготовить к разрушению. Не успел я это договорить, как мы были окружены и обезоружены. Начальник охраны презрительно бросил:

— Плохо ваши хозяева работают! Не знают даже, кому охрана мостов подчинена. Теперь тебе крышка, гад фашистский.

Оказалось, что начальник прав! Охрана мостов была в ведении Наркомата внутренних дел, а наши мандаты подписаны наркомом обороны. Нас доставили в районный отдел НКВД, много времени ушло на выяснение, и управление нашими батальонами было потеряно. Очень важные мосты через реку Березина у станции Борисов достались противнику целыми.

Дальше группа действовала успешно.

В середине сентября я получил приказ срочно возвратиться в Москву. Я несколько дней принимал участие в формировании новых частей, выезжал на оборонительные рубежи вокруг столицы, даже облетал их, выясняя, где и как усилить заграждения.

В конце сентября я был назначен начальником специальной группы для оборудования Харьковского района массированными минно-взрывными заграждениями. В Ставке Верховного главнокомандующего меня с начальником ГВИУ генералом Л. З. Котляром глубокой ночью принял начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников. Обрисовав обстановку, сложившуюся на Юго-Западном фронте, он сказал: разрушать и минировать в районе Харькова придется на большой площади, а действовать придется быстро.

Май 1926 г.

29 сентября я выехал в Харьков вместе с небольшой группой специалистов. Задача была выполнена, несмотря на все трудности, а 24 октября враг занял Харьков.

10 ноября нашей группе пришлось испить чашу горечи: разведка доставила в штаб Юго-Западного фронта копию приказа немецкого командования от 8 ноября 1941 года. В приказе сообщалось, что «при наступлении «доблестных войск фюрера» в Харькове обнаружены в большом количестве русские мины, среди них — мины замедленного действия с часовыми замыкателями и электрохимическими взрывателями. Неумелая установка и маскировка мин позволили опытным саперам рейха быстро их обнаружить и обезвредить».

В действительности они ни одной неизвлекаемой мины замедленного действия не обезвредили и мины продолжали продолжительное время взрываться, но это было установлено только после освобождения Харькова в 1943 году.

Копию этого приказа в переводе на русский язык мне доставили с сопроводительной запиской, написанной незнакомым, но энергичным почерком: «Это легкообнаруживаемые и обезвреживаемые мины устанавливались под руководством полковника И. Г. Старинова».

Не успел я дать объяснение Военному совету фронта, в котором доказывал, что приказ фашистского командования — фальшивка, как пришло новое известие: немецкие саперы извлекли из полуподвала дома № 7 на ул. Дзержинского в Харькове особенно сложную мину и теперь там расположился начальник гарнизона генерал-лейтенант Георг фон Браун.

Меня вызвал начальник инженерных войск Юго-Западного фронта Георгий Невский и спросил мое мнение о хвастливом объявлении. Я ответил, что немцы наверняка извлекли «блесну», которую мы поставили для того, чтобы отвлечь внимание вражеских саперов. 13 ноября мы получили приказ привести в действие радиоуправляемые мины в Харькове. В ночь на 14 ноября он был исполнен. Произведенная в тот же день аэрофотосъемка и осмотр города после его освобождения в августе 1943 года показали, что все заложенные нами устройства сработали.

Рельсовая война

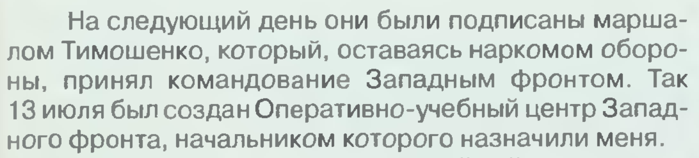
В годы войны я имел массу неприятностей из-за плохих отношений с П. К. Пономаренко. Особенно осложнились они и стали опасными для меня после резко отрицательного моего отношения к «рельсовой войне», которую одобрил Сталин.

Вот как это было.

В начале июля 1941 года в штабе Западного фронта я встретился с Ворошиловым, который поинтересовался, готовлю ли я партизан, и обещал вызвать и подключить меня к этому делу.

Вызова от Ворошилова не было, и я пошел к находившемуся в штабе фронта представителю Ставки Л. З. Мехлису. Он принял меня и выслушал мои предложения по вопросам партизанской войны. Я объяснил, какое важное значение имеет минирование железных дорог в тылу немецких войск, что диверсии на коммуникациях врага потребуют значительно меньше сил и средств, чем тратится на их бомбардировку. Мехлис ничего не предпринял. Тогда я обратился к члену Военного совета фронта Пономаренко и показал ему сделанные мною в полевых условиях образцы противопоездных мин.

Пономаренко попросил меня немедленно представить записку на имя наркома обороны и проект приказа об организации оперативного учебного центра Западного фронта.

На следующий день они были подписаны маршалом Тимошенко, который, оставаясь наркомом обороны, принял командование Западным фронтом. Так 13 июля был создан Оперативно-учебный центр Западного фронта, начальником которого назначили меня.

Когда возникла идея «рельсовой войны», мне удалось доказать вредность разработанного ЦШПД плана для Красной армии начальнику Украинского штаба партизанского движения генералу Т. А. Строкачу и первому секретарю ЦК Компартии Украины Н. С. Хрущеву. Я привел им следующие доводы:

1. У нас не хватает взрывчатых веществ для крушения поездов.

2. На контролируемой противником территории СССР свыше 10 млн рельсов, и он снимает их с ненужных ему участков и увозит в Германию на переплавку, в то же время немцы испытывают острый недостаток паровозов и вынуждены их производить за счет сокращения выпуска танков.

3. Установка приказа, рекомендующая уничтожать рельсы не только на магистралях, но и на запасных путях, полезна не Красной армии, а противнику, особенно когда он отступает, так как при отходе противник будет уничтожать рельсы на магистралях, а остальные пути будут подорваны партизанами, и наступающим частям Красной армии нечем будет восстанавливать разрушенные противником дороги.

4. Эффективность взрывчатых веществ, которых партизанам недостает для крушения поездов, в десятки раз выше, чем при подрыве рельсов, так как в первом случае наносимый противнику урон в сотни раз больше.

1944 г.

Хрущев выслушал мою оценку «рельсовой войны» и весьма опечалился: «Да, согласен». Но вся беда в том, что план «рельсовой войны» лично одобрил Сталин.

Для этой цели украинским партизанам было доставлено всего 2 тонны взрывчатых веществ, хотя для выполнения плана по взрыву 88 тысяч рельсов нам надо было 32 тонны.

Оказалось, что массовый подрыв рельсов вызвал прекращение движения поездов на многих магистралях только в первые 5–6 дней, затем их охрана была усилена и партизаны для выполнения плана стали подрывать не нужные противнику участки. Для восстановления движения немцы стали применять сварку подорванных рельсов. Применяли для стыковки специальные накладки на разрыв длиной в 80 см.

Специально изготовленные для этой операции 100-граммовые толовые шашки, хорошо показавшие себя на испытаниях, во многих случаях при взрыве оставляли на рельсах только пробоину или пятно. Партизанам стало ясно, что «рельсовая война» менее эффективна, чем крушения поездов, и они резко снизили количество подрываемых рельсов и увеличили количество подрываемых поездов и в дальнейшем уже подрывали около 800 поездов в месяц.

Мое отрицательное отношение к «рельсовой войне» сделало Пономаренко моим недоброжелателем, больше того, его неприязнь стала опасной после того, как он настроил против меня начальника Главного управления кадров генерала Ф. И. Голикова. А ведь до начала «рельсовой войны» Пономаренко всячески старался приблизить меня к себе, вплоть до того, что взял к себе в помощники по диверсиям и одновременно назначил начальником технического отдела ЦШПД, сохранив при этом за мной должность начальника Высшей оперативной школы особого назначения (генеральская должность).

В результате чехарды со штабами партизанского движения я в мае 1943 года стал заместителем по диверсиям начальника Украинского ШПД.

В начале мая 43-го я встретился в Москве с Пономаренко. Он хотел, чтобы я принял участие в разработке операции «рельсовая война». Мои возражения он не стал выслушивать, и мы расстались холодно. Больше я с ним не встречался. В отместку в своей книге о партизанской борьбе он не написал обо мне ни слова.

Во время войны тучи сгущались надо мной еще дважды. В 1943 году взорвался в воздухе самолет с минами моей конструкции, летевший к партизанам. Некоторые уже стали подозревать меня в диверсии. Мне повезло, что расследование было проведено объективно и установило, что взрыв произошел из-за негерметичности дополнительных бензиновых баков.

Потом из учебного центра исчезли и были задержаны на советско-иранской границе трое испанцев из числа тех, кто участвовал в рейдах в тыл противника по льду Азовского моря зимой 1941/42 года. Они хотели попасть на Родину и продолжить там борьбу с фашизмом, однако были схвачены НКВД. Надо мной и всеми испанцами также нависла опасность, но мне удалось договориться с начальником 4-го управления НКВД Павлом Судоплатовым о том,

что он примет испанцев в подчиненную его управлению бригаду особого назначения — знаменитую ОМСБОН, где они и сражались до конца войны.

В 1964 году к изданию была подготовлена моя книга воспоминаний «Мины ждут своего часа», но после падения Хрущева из нее было изъято целых 8 печатных листов. В 1965 году Воениздат расторгнул со мной договор об издании второй книги. В том же году журнал «Подъем» перестал печатать эту книгу и я почувствовал, что пришедшие к власти руководители не допустят правды о вкладе Хрущева в войну в тылу врага и моего отношения к «рельсовой войне». Я оказался в опале. Этому способствовало и то, что в сентябре — ноябре 1944 года я в должности начальника военной миссии СССР при главнокомандующем Народно-освободительной армии Югославии дружно работал с Тито.

Все вышесказанное и привело к тому, что я так и остался полковником, и вот уже 62 года с честью ношу это звание.

Как я дожил до ста лет

Мне уже пошел сотый год. Я еще могу понемногу гулять по квартире, а на память свою я пока не жалуюсь, вот плохо только, что зрение слабое.

В 1927 году доктор медицинских наук Губерлис, когда у меня сердце было предельно расширено от ревмокардита, сказал мне, чтобы я не отчаивался, что при должном лечении и поведении могу прожить более 50 лет. И прожил.

Теперь, анализируя всю свою жизнь, я могу сказать, как я дожил до сотого года.

2000 г.

Я был первым ребенком в семье, и когда я родился, матери было немного меньше двадцати, а отцу — немного больше двадцати. Однако мои родители не стали долгожителями. Мать умерла 38-ми, отец — 54 лет. Не были долгожителями и их родители. Я их и не знаю.

Детство мое было трудным. Семья была из 8 человек, жили все в одной комнате, спали на двухъярусных нарах. Летом бегали босиком, вещи донашивали друг за другом. С 8 лет я уже зарабатывал, собирая грибы и ягоды и вместе с матерью продавая их на базаре. С 12 лет я уже работал сторожем на торфяной машине, поддерживая в ней огонь. Учился я тогда в начальной школе в Завидове, куда ездил поездом, вставая в 5 часов утра.

Я очень рано начинал купаться в пруду и купался до поздней осени, а зимой по утрам обтирался мокрым полотенцем. В холодной воде ловил рыбу неводом. Рано стал заниматься спортом, кататься на коньках и ходить на лыжах. Когда мне было 9 лет, отец сжег кисет и перестал курить, пьяным я его никогда не видел и в доме у нас водки не было.

После окончания войны я не раз болел: воспалением легких, холециститом, ангиной и гриппом, но благодаря усилиям врачей, медикаментам и моему правильному образу жизни я полностью выздоравливал. Рациональное питание я всегда считал делом первостепенной важности, никогда ничем не злоупотреблял, предпочитал больше всего молочно-растительную пищу, фрукты и соки. Очень много гулял.

Были в моей жизни моменты, отрицательно действующие на мое состояние здоровья. Это прежде всего свержение Н. С. Хрущева в результате заговора сталинистов.

Особенно тяжело мы перенесли перестройку и реформы. Для нас были черными днями в календаре 12 июня 1990 года и сговор в Беловежской пуще в 1991 году, в результате которого за пределами России оказались войска семи военных округов, около 25 миллионов россиян, в том числе мои племянники.

Во время тяжелых переживаний мои друзья всегда меня поддерживали и помогали. Большую помощь оказали мне Игорь Викторович Волошин, Юрий Иванович Дроздов, которые, по сути, сделали меня почетным членом «Вымпела», наградив Краповым беретом.

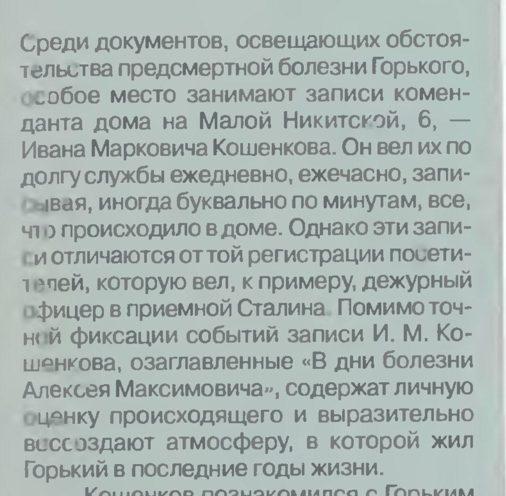
А еще всю жизнь мне помогали мои жены. С первой, Анной Корниловной, моей бывшей переводчицей, ходившей со мной в тыл противника в Испании, мы счастливо прожили 48 лет. Я тяжело переживал ее смерть, но друзья меня не оставили одного. Судьба подарила мне и другую прекрасную женщину. Татьяна Петровна, артистка балета Большого театра, заслуженный тренер по фигурному катанию, ставшая вдовой в 25 лет (ее муж-летчик погиб в Испании), была нашей соседкой свыше 20 лет. Это была чуткая, нежная женщина. С ней ко мне пришла вторая молодость, и мы чудесно прожили 14 лет. На наше здоровье плохо действовали события последних лет. В результате всех переживаний Татьяна Петровна 1 марта 1999 года скончалась от инсульта, возникшего у нее в новогоднюю ночь при чтении новогоднего поздравления Президента...

Лидия СПИРИДОНОВА
доктор филологических наук

ПЛЕННИК «нелепого дома»

О последних днях Горького

Среди документов, освещающих обстоятельства предсмертной болезни Горького, особое место занимают записи коменданта дома на Малой Никитской, 6, — Ивана Марковича Кошенкова. Он вел их по долгу службы ежедневно, ежечасно, записывая, иногда буквально по минутам, все, что происходило в доме. Однако эти записи отличаются от той регистрации посетителей, которую вел, к примеру, дежурный офицер в приемной Сталина. Помимо точной фиксации событий записи И. М. Кошенкова, озаглавленные «В дни болезни Алексея Максимовича», содержат личную оценку происходящего и выразительно воссоздают атмосферу, в которой жил Горький в последние годы жизни.

Кошенков познакомился с Горьким в сентябре 1929 года, во время второго визита писателя в СССР. В этот период Горький много внимания уделял журналу «Наши достижения», пытаясь сплотить вокруг него писателей, ученых и публицистов. Однако известные писатели не слишком охотно давали материалы в этот журнал, поэтому к сотрудничеству широко привлекались рабкоры и селькоры.

В марте 1929 года Кошенков ушел из Госиздата и стал работать заведующим отделом рабселькоров в «Наших достижениях». При встрече с Горьким, которая произошла в Машковом переулке, д. 1А, на квартире Е. П. Пешковой, он увлеченно рассказывал о своей работе в «Наших достижениях», но более всего — о родном селе Рахманове, где жила его семья. Горький внимательно слушал, интересуясь, какие перемены произошли в деревенской глубинке за годы советской власти. Ему понравился рассказ о том, как изменились женщины в селе, как они выступают против алкоголизма, воспитывая своих мужей. Вспомнив о пьяной толпе мужиков, которая измывалась над женщиной (он описал эту сцену в рассказе «Вывод»), Горький заметил: «Молодцы». И добавил: «В деревне женщина — сила. С ней считаться будут, и надо!»

Писатель уговорил Кошенкова рассказать о селе Рахманово в журнале «Наши достижения». В 1930 году Кошенков написал очерк «Конец раздумью» и послал его в Сорренто. Горький прочитал и тщательно выправил рукопись, обнаружив, что автор не в ладу с грамматикой. Впрочем, это его не смутило: начинающих писателей, рабкоров и селькоров он старательно опекал. Подбодрив Кошенкова, Горький посоветовал ему писать еще. Впоследствии для журнала «Колхозник» Кошенковым был написан рассказ «Колхозный день». Писателем Кошенков так и не стал, но о нем вспомнили, когда пошла речь о необходимости найти надежного человека для постоянной работы в доме Горького.

Весной 1931 года писатель с семьей решил навсегда переехать из Сорренто в Советский Союз. В Москве ему предоставили специально оборудованный особняк (ныне Музей-квартира А. М. Горького на Малой Никитской, д. 6). Этот уникальный дом в стиле «модерн», созданный известным архитектором Ф. Шехтелем для миллионера С. П. Рябушинского, поражал своим великолепием: мозаичный пол, фигурные окна, изукрашенные лепные по-

Павел Корин. Особняк Рябушинского. Акварель начала XX в.

толки, тяжелые дубовые панели и венец всего — мраморная лестница в форме волны, оканчивающаяся светильником-медузой. Дом напоминал сказочное подводное царство, а не жилище пролетарского писателя. Впрочем, мнением самого Горького никто не интересовался. 1 марта 1931 года он писал Крючкову (будучи секретарем Горького, тот занимался организацией быта писателя на родине): «...приехала Милиция* и сообщила, что для Горького ремонтируется какой-то дворец или храм Христа на берегу Москвы-реки, точно она не знает. Но я совершенно точно знаю, что мое поселение во дворце или во храме произведет справедливо отвратительное впечатление на людей, которые, адски работая, обитают в хлевах. Это будет нехорошо не только лично для меня. По сей причине я убедительно прошу: вопроса о вселении моем во дворцы не решать до моего приезда».

Тем не менее к приезду Горького вопрос был решен, и писатель поселился в этом «нелепом доме». Кое-что там было переделано: вместо камина в столовой, приспособленной

*Имеется в виду чекист М. С. Погребинский, приезжавший в Сорренто инкогнито.

для больших застолий, появился массивный буфет, а у входа в маленькой прихожей поселился И. М. Кошенков, мимо которого никто не мог пройти незамеченным. Рядом с ним была комната секретаря Горького П. П. Крючкова, соединенная прямым проводом с кабинетом Г. Г. Ягоды.

Так началась жизнь Горького на родине, напоминавшая существование пленника в золотой клетке.

Дом на Никитской, как и дача в Горках-10, в 50 километрах на запад от Москвы, и дача в Тессели в Крыму, были наполнены чужими людьми в гимнастерках, с револьверами в карманах. Штат сотрудников, обслуживающих писателя и его семью, был специально подобран Крючковым, исполнявшим распоряжения Ягоды. Кошенков вспоминает: «...меня вызвал секретарь А. М. Горького Крючков и предложил работать в доме Алексея Максимовича комендантом». Так же были подобраны комендант в Горках Н. И. Новиков, повар, горничные, сторожа, шоферы и другой персонал.

Горькому внушали, что все это необходимо для его безопасности, что «агенты мирового империализма» активно охотятся за советскими лидерами, в том числе и за ним. Когда он приехал из Берлина в 1932 году, так и не попав на Антивоенный конгресс, в его багаже обнаружили странный баллон с газом, который имел резкий неприятный запах. Уезжая, Горький взял с собой баллон кислорода (этого требовали его больные легкие), однако на этом была польская фабричная марка. О баллоне Кошенков рассказал Крючкову, но тот почему-то прореагировал очень спокойно. Горький тоже не стал особенно волноваться. И он и его сын, видимо, понимали, какую игру ведут с ними чекисты. Оба они с трудом мирились с постоянным наблюдением в доме. Уже 17 июня 1931 года Горький возмутился, что по дому постоянно ходят посторонние, то к Крючкову, то к коменданту. «Им было твердо сказано: Нетерпимо. У нас семья».

К Горькому шло немало посетителей: в день не менее 30 человек. Чтобы дать возможность писателю работать, Кошенков по приказу Крючкова старался ограничивать людской поток. Поначалу в этом не было ничего плохого, так как оба они руководствовались лишь заботой о горьковской семье. Но со временем Крючков начал превращаться в негласного соглядатая всех дел и замыслов писателя, контролера его переписки, непосредственно связанного с главой ОГПУ Г. Г. Ягодой. Кошенкову же предназначалась роль первого помощника Крючкова.

Однако в разработанный наверху сценарий то и дело вмешивался сын Горького, который с первого дня подружился с комендантом. Кошенков вспоминал, что на даче в Кратово Максим Пешков сказал ему: «В редакцию «Наши достижения» Вы не вернетесь. В работе у Вас должна быть только честность. Вам доверяем многое. Ваша честность в работе — это лучший контроль». Многократно повторяемое слово «честность» имело в данном случае весьма широкое значение, подразумевая заботу о Горьком и его семье, порядочность в отношении к людям и даже нарушение, если потребуется, служебного долга. Ровесник Кошенкова, Максим сделал все, чтобы комендант стал своим человеком в доме. Он рассказал ему об отце, его привычках, режиме дня, о работе и жизни в Сорренто.

В 1932 году Кошенков записал слова М. А. Пешкова: «У папаши всю жизнь были враги, и будут. Мы около Алексея Максимовича должны быть честными». И далее: «Тогда меня Максим просил: «Снимите защитную форму, брюки и гимнастерку, а из кармана выложите револьвер. Папаше это не нравится».

Частым гостем в доме на Никитской и на даче в Горках был Г. Г. Ягода. Он пытался стать другом Горького и его близких, однако его переписка с писателем свидетельствует, что их отношения были чисто деловыми. Горький использовал контакты с главой чекистов, чтобы заступаться за невинно арестованных, смягчать удары по «инакомыслящим», помочь иностранным писателям и ученым приехать в СССР, а советским — выехать за границу. Начиная с первых встреч летом 1928 года, с дружеских застолий на даче председателя Моссовета К. В. Уханова, Горький постоянно чувствовал на себе пристальное внимание «товарища и земляка» Ягоды и его людей. Даже на рыбной ловле в Горках, устроенной Генрихом Григорьевичем как «сюрприз» для Алексея Максимовича, помимо приглашенных были четыре незнакомых человека. Что уж говорить о поездке на Соловки! И хотя Горький установил в общении с чекистами любезный «приятельский» тон, он чувствовал себя пленником.

Кошенков оказался одним из самых необходимых людей в доме Пешковых. Человек добросовестный, честный, исполнительный и добрый, он вскоре искренне привязался к Горькому и членам его семьи. Более того, он начал защищать их не только от мифических внешних врагов, но и от самого Крючкова, а особенно от его жены, Елизаветы Захаровны (в семье Пешковых ее звали Цеце), претендовавшей на исключительную роль и на Малой Никитской, и в редакции журнала «Наши достижения». Когда Пешковы осенью 1932 года уехали в Сорренто, в доме всю зиму жили Крючков с женой, а весной 1933 года — одна Елизавета Захаровна. Кошенков записывает: «...она уже стала не только хозяйкой вещей и комнат, она даже требовала, чтобы пришедшую почту на имя Алексея Максимовича давать ей. Здесь мне помогала ложь. Я крепко врал: на ее вопросы о письмах отвечал: «не было», а сам всю почту прятал в сундук на кухне».

Вскоре разразился скандал: Елизавета Захаровна написала в Италию мужу и Надежде Алексеевне Пешковой, требуя убрать Кошенкова из дома. Приехавшая из Сорренто Е. П. Пешкова защитила коменданта, сказав: «Вам привет от Пешковых. Решали на семейном совете, не волнуйтесь, как работали, так и работайте, Вам привет от Максима». А Горький, вернувшись, обнял и расцеловал Кошенкова.

Эти записи позволяют предположить, что к 1933 году Кошенков уже не был безропотным исполнителем воли Крючкова, а осмеливался иметь свое мнение. Не случайно Петр Петрович выразил свое недовольство поведением коменданта. В мае 1933 года он писал ему: «Вы хороший работник, работать любите и можете. Однако для семьи Алексея Максимовича вы грубы».

По-видимому, Кошенкова спасла не только защита Пешковых, но и то, что он был действительно хорошим работником. В его маленькой комнате сходились все нити управления хозяйством, сюда поступала корреспонденция, потоком шли посетители. Но кого пропускать, кого нет — это решал Крючков в непосредственном контакте с Ягодой.

Горький был изолирован от внешнего мира. Даже близкие друзья, видные политические деятели, писатели и ученые не могли проникнуть к нему без предварительной договоренности. Н. И. Бухарин однажды с мальчишеской ловкостью перепрыгнул через ограду, окружавшую дом на Малой Никитской, и тут же был схвачен истопником Левкиным. Н. Е. Буренин, которого нежно любил Горький, никак не мог с ним повидаться. Писатель не раз просил Кошенкова пропускать его друзей, но они почему-то «не приходили». Впрочем, и Мария Федоровна Андреева, и Буренин сами частенько поворачивали назад, завидев у дома длинную черную машину, в которой ездил Ягода. Далеко не вся корреспонденция сразу попадала к Горькому: ее просеивали через частое сито крючковского кабинета. Не исключено, что даже письма А. Платонова, которые тот приносил собственноручно, не доходили до адресата. Судя по пометам Крючкова, ни письмо Г. Зиновьева, ни письмо Л. Каменева с просьбой о помощи, посланные из тюрьмы, так и не были переданы Горькому. Чем больше раскручивался маховик политических репрессий, тем строже охраняли писателя от «ненужных» встреч и «нежелательных» новостей.

Смерть Максима, неожиданная и нелепая, заставила даже Кошенкова подозревать, что тут не обошлось без вмешательства Крючкова и «фармацевта» Ягоды. Комендант удивлялся, почему к лечению не подключают виэмовцев и прежде всего А. Д. Сперанского, почему применяют какой-то новый метод лечения. Крючков что-то скрывал. Кошенков пишет: «Блокада новокаином это метод лечения при крупозном воспалении легких, но чей метод, об этом Крючков молчал, а Ладыжников мне ответил: — В медицине мы мало компетентны». Максим явно мешал Крючкову: он сам старался принимать почту от почтальона, протестовал против изоляции Горького. Из разговоров, которые записывал комендант в свой дневник, ясно, что писатель все-таки узнавал и о существовании «продовольственных затруднений» в стране, и о положении в деревне. Пытаясь быть «честным», Кошенков все чаще навлекал на себя гнев непосредственного начальника и его жены. Не случайно те страницы дневника, где говорится о проделках Цеце и поведении Крючкова, были использованы впоследствии для обвинения Е. З. Крючковой, арестованной раньше мужа. Об этом свидетельствует помета: «Взято в личное дело».

А. М. Горький и Г. Г. Ягода. 1934 г.

Судя по записи Кошенкова от 28 мая 1934 года, Горький тоже подозревал, что сына погубили: напоили до бесчувствия в компании Ягоды и Крючкова, быть может, подмешав что-то в вино, а потом бросили на весенней холодной земле. После смерти Максима от крупозного воспаления легких писатель вышел в сад и подошел к бассейну, куда незадолго до болезни сына выпустили окуней.

«— Где же рыба, мальки?

Я объяснил, что все погибло.

— Погубили, похоже. — С этими словами он ушел в столовую пить кофе».

Кошенков поясняет далее, что рыба ушла в канализационную трубу, так как кто-то сдвинул загораживавшую ее сетку.

Чья-то злая воля то и дело чувствовалась в событиях, происходивших вокруг Горького. На процессе 1938 года Крючков признался, что Ягода всячески настраивал его против Максима, уверяя, что после смерти писателя именно он станет полноправным наследником. Между тем Крючков привык распоряжаться в делах Горького и имел от этого немалую выгоду. В 1936 году он вошел в комиссию по литературному наследию Горького и был назначен первым директором его Архива. Так что в показаниях Крючкова и Ягоды о смерти М. Пешкова, данных на заседаниях судебного процесса, по-видимому, далеко не все было ложью.

С конца 1934 года вокруг самого Горького начала сгущаться атмосфера недоброжелательности. 18 мая 1935 года в небе над Москвой при весьма странных, так и не проясненных до конца обстоятельствах разбился гигантский многомоторный самолет «Максим Горький». По городу поползли слухи, что летчик Н. Благин, врезавшийся в него, сделал это сознательно. Для Горького катастрофа самолета была как дурное предзнаменование.

Не успел писатель оправиться от смерти сына, как пришла весть об убийстве Кирова.

Наиболее значительна и интересна та часть записей Кошенкова, которая озаглавлена «В дни болезни Алексея Максимовича». Неотлучно находясь в доме на Малой Никитской, он старательно записывал все, что происходило в трагические дни с 1 до 18 июня 1936 года. Будучи связным между Горками, где умирал писатель, и всем остальным миром, комендант фиксировал не только факты, но и весьма специфическую атмосферу, которая окружала семью Пешковых. Это, прежде всего, атмосфера «клетки», в которой никто не чувствовал себя свободно. Горький, как Гулливер, был опутан тысячью незримых, но весьма прочных нитей, ведущих куда-то наверх. Кто управлял событиями за кулисами, Кошенков и окружавшие его люди не знали, но безошибочно чувствовали присутствие чьей-то злой воли. Комендант записывает разговоры, которые ведут между собой врачи и шоферы, постоянно курсирующие между Москвой и Горками, слова коменданта Горок, истопника и других служащих в доме. Все они, искренне переживая за Горького, подозревают недоброе, опасаются повторения истории болезни Максима.

В воспоминаниях отчетливо вырисовываются два лагеря, противостоящие друг другу. Первый — это простые люди, которые звонят, приходят на Никитскую, предлагают свою помощь. Вся страна с замиранием сердца следит за ходом болезни Горького. Рабочие, школьники, красноармейцы, студенты, учителя, не говоря уже о друзьях писателя, не довольствуются сухими сообщениями о состоянии его здоровья в официальных бюллетенях, а требуют правды. В их числе оказывается и сам Кошенков, которому по долгу службы никак не полагалось выражать свои эмоции в служебных записях. Это свидетельствует, что Горький в последние дни жизни был для него не объектом наблюдения, а близким человеком, всенародно любимым писателем, за которого многие не пожалели бы отдать собственную жизнь.

Второй лагерь скрывался за звонками правительственных «вертушек», неприязненными репликами чиновников из Медсанупра, гаража ЦИК, где отказались дать машину, чтобы привезти кислород для умирающего писателя, «доброжелателей», заранее предсказывающих смерть Горького... Создается впечатление, что за ходом болезни не просто пристально следили, но и как-то «управляли» ее процессом. А главное, существовал определенный круг лиц, заранее уверенных в летальном исходе. Иначе как объяснить зловещие бюллетени в газетах и многочисленные телефонные звонки с соболезнованием по поводу кончины, которая, по-видимому, должна была наступить 8 июня. В этот день Горького чудом вырвали у смерти.

Тем же числом помечен любопытный документ, вклеенный по распоряжению лечащего врача Л. Г. Левина в горьковскую историю болезни. 8 июня 1936 года заведующий консульским отделом СССР во Франции Бирюков отправил начальнику Лечсанупра Кремля И. И. Ходоровскому следующее письмо:

«В связи с тяжелым заболеванием Максима Горького к нам обратился врач Онг-Гвае-Свян, китаец, голландский гражданин, с предложением предоставить в распоряжение наших медицинских органов изобретенную им сыворотку против гриппа. Врач этот работает в госпитале Бруссе и аттестуется людьми, которым мы доверяем, с самой хорошей стороны как человек, симпатизирующий Советскому Союзу... Поскольку дело это срочное, и мы сами разобраться здесь в качествах предлагаемой сыворотки и возможности ее использовать — не в состоянии — направляю вам 9 ампул предложенного нам лекарства на ваше усмотрение».

К письму были приложены две записки Онг-Гвае-Свяна на французском языке, объясняющие свойства сыворотки и способ ее употребления.

Из воспоминаний Кошенкова мы знаем, что много врачей обращались с предложением помочь умирающему писателю, но всем им отказывали. Не странно ли, что методу лечения гриппа (а диагноз, поставленный Л. Г. Левиным с самого начала болезни, был именно «грипп, осложненный бронхопневмони-

ей») некоего голландского гражданина китайца Онг-Гвае-Свяна была дана зеленая улица. Сыворотку быстро доставили в Кремль и, по-видимому, ввели Горькому. Иначе зачем было Левину вклеивать все эти документы в историю болезни?

Не в результате ли этой инъекции у писателя началось сильное кровотечение, а в «Клиническом диагнозе» появилась запись: «Инфаркт легких (?)»? Такое предположение отчасти объясняет загадочный телефонный звонок 15 июня, который так озадачил Кошенкова: «Что, достигаете желанного, подлецы?» Он раздался по кремлевской «вертушке», когда еще не было ничего угрожающего жизни писателя...

В историю болезни Горького вклеен еще один документ, датированный 26 июня 1936 года, когда прошло уже восемь дней после смерти Горького. Это служебная записка за подписью заведующей лабораторией Боровской, направленная начальнику Лечсанупра Кремля Ходоровскому: «Полученная из Парижа сыворотка от больных, выздоровевших после гриппа, в количестве 9 ампул, была проверена на стерильность и безвредность. Из одной ампулы был сделан контрольный посев на различные питательные среды, которые остались стерильны. Для проверки на безвредность 10 к. были вспрыснуты подкожно морской свинке, которая осталась здорова». Зачем понадобилось делать проверку французской сыворотки после смерти писателя? Не потому ли, что 25 июня Л. Г. Левин приобщил к истории болезни письмо Бирюкова и записки Онг-Гвае-Свяна, наложив резолюцию: «К истории болезни А. М. Горького. Л. Левин. 1936.25/VI». Не зря Горький так тепло отозвался о нем в последние дни жизни: «Замечательно симпатичен доктор Левин»...

Что касается разного рода инъекций, сделанных писателю, они, как правило, фиксировались Левиным в истории болезни. Одно назначение — 13 июня — обведено красным карандашом: «Для борьбы с сердечной недостаточностью с 7 1/2 утра до 12 час. ночи попробовать: glucosa 20/ — 28, coffein 20/ — 5.0, cordiazol — 8,5 и около ста подушек кислорода». Не это ли назначение Левина имел в виду врач кремлевского Лечсанупра М. Ю. Белостоцкий, проходивший как свидетель по процессу 1938 года?

«**Белостоцкий**. Мне приходилось почти с первых дней заболевания Алексея Максимовича производить довольно большое количество внутривенных вливаний и инъекций сердечных средств, как например, дигален, кардиозол, глюкоза с строфантом, глюкоза, потом строфантин.

Вышинский. Что же, вы считали это нормальным или нет?

Белостоцкий. Я считал совершенно нормальным это. Я с исключительной четкостью и вниманием выполнял задания, которые давались врачами.

Вышинский. Дальше.

Белостоцкий. Был один такой случай — насчет глюкозы со строфантом и строфантином. Я опасался этого препарата. Я знал из литературы, что этот препарат очень опасный, что он должен применяться при исключительных показаниях. Я позволил себе обратить внимание профессора Левина, стоит ли применять такой препарат. Левин сейчас же отменил применение этой инъекции.

Вышинский. Почему?

Белостоцкий. Очевидно, он подумал и решил, что действительно, может быть, не стоит применять сейчас этот препарат.

Вышинский. А почему до этого не подумал он об этом, он же терапевт?

Белостоцкий. Не знаю.

Вышинский. Вы его спрашивали?

Белостоцкий. Нет, не спрашивал.

Вышинский. Вы считали неправильным применение этого средства?

Белостоцкий. Я считал тогда, что это не совсем правильно.

Вышинский. Хотя вы в этой области и не специалист?

Белостоцкий. Да, я не специалист.

Вышинский. Что еще желаете доложить суду?

Белостоцкий. Я вспоминаю, что было сделано очень много сердечных инъекций. Я хочу обратить внимание на то обстоятельство, что во время приготовления очередного внутривенного вливания ко мне подошел профессор Плетнев и сказал на ухо: «Зачем вы это делаете? При таком состоянии больного надо дать ему спокойно умереть».

Вышинский. Не спасать?

Белостоцкий. Не спасать».

На трибуне. Москва. 1934 г.

Как мы видим, прокурор старательно подсказывал свидетелю ответы, стараясь обвинить Левина и Плетнева: одного в неправильном назначении сильнодействующих лекарств, другого — в сознательном бездействии. Можно лишь удивляться, с какой легкостью Белостоцкий, врач Лечсанупра Кремля, объявляет себя не специалистом в своем деле, рискуя навлечь обвинение в содействии «врачам-отравителям». Однако его отпускают с миром, а председательствующий даже освобождает от дачи дальнейших показаний.

Имени Белостоцкого нет в истории болезни Горького, а Кошенков упоминает о нем именно в те дни, когда врачи перестали понимать происходящее. Упоминает о его пессимистических прогнозах и сомнениях в возможности выздоровления писателя. Кремлевский Лечсанупр не раз возникает в записях Кошенкова, вызывая у коменданта недоумение или неприязнь: отказались выдать простоквашу для Горького, лечить больных, вывезенных из Горок, потом начали уверять, что у них — настоящая ангина, но врача не прислали. Не в этом ли учреждении скрывались люди, звонившие Кошенкову по кремлевской «вертушке»? Не они ли высчитали, что после вливания сыворотки наступит летальный исход? Во всяком случае, они, по-видимому, знали, какого происхождения «тяжелая инфекция», которой заболел Горький. Все это наводит на мысль, что смерть писателя могла быть вызвана искусственно под руководством опытного «фармацевта». Кстати сказать, на процессе 1938 года Ягода, который до сих пор не реабилитирован, признался в убийстве Горького. Кто знает, какая доля правды была в его «чистосердечных» признаниях?

А. М. Горький с внучками на подмосковной даче. 1932 г.

В воспоминаниях Кошенкова зафиксировано еще несколько фактов, вызывающих по меньшей мере недоумение: на третий день болезни Горького, а именно 3 июня, когда еще не было никаких угрожающих бюллетеней о состоянии здоровья писателя, его архив был вывезен из дома на Никитской. Кошенкова, видимо, специально удалили на несколько часов, отправив за покупками, чтобы он не позвонил в Горки и не поинтересовался, делается ли это с разрешения Алексея Максимовича. Кошенков размышляет, что означает визит Крючкова и Ладыжникова, увозящих куда-то «десятки, если не сотни папок», перетянутых веревками и собранных в спешке без всякого порядка. И. П. Ладыжников, старый друг Горького, в данном случае явно поступал не по собственной воле. С 1931 года он разбирал архив писателя в его доме и помогал приводить в порядок переписку. Без него Крючков просто не смог бы разобраться в бумагах писателя. Кошенков не рискнул спросить, куда увозят бумаги, подозревая, что это делается по распоряжению Ягоды. Он предположил, что Горький тяжело заболел. Изъятие архива определенно означало, что хозяин больше в этот дом не вернется.

Чем же был болен Горький? Первоначальный диагноз «грипп и бронхопневмония» осложнился впоследствии явлениями сердечной недостаточности. К летальному исходу привело сильное кровотечение, которое вызвало отек легких и паралич сердца. В истории болезни говорится также о тяжелой инфекции и связанной с ней инфекционной нефрологии. Видимо, «гриппом» Горький заразился от внучек, когда зашел к ним повидаться сразу же после приезда из Крыма. Младшая внучка — Дарья — продолжала болеть в Горках. Совершенно ясно, что в доме была какая-то инфекция. Название ей дали, когда один за другим стали заболевать служащие в Горках: комендант, жена коменданта, повар, Шура Коленцова... К 17 июня на даче болело уже семь человек. После того как Кошенков поднял тревогу (что очень не понравилось Крючкову), всех больных вывезли в Москву с одинаковым диагнозом «ангина». Всех их держали в изоляторе, не выписывали им бюллетени, не разрешали никуда выходить и не вызывали к ним врача. А Кошенкову велели после них продезинфицировать сиденья в машине. Не свидетельствует ли это, что в доме, где лежал больной, действительно распространялась серьезная инфекция, не слишком опасная для молодых и здоровых людей, но смертельная для изношенного старческого организма?

В официальном извещении о смерти Горького говорилось, что он скончался «от тяжелой инфекции» «при явлениях паралича сердца и дыхания».

В записях Кошенкова постоянно фигурируют фамилии врачей, которые лечили Горького. По воспоминаниям О. Д. Чертковой, их было 17 человек. Среди них постоянный лечащий врач Горького, «кремлевский доктор» Л. Г. Левин, кардиолог проф. Г. Ф. Ланг и доктор Пигалев из Ленинграда, проф. А. Д. Сперанский, Н. Е. Лебедев, М. П. Кончаловский, М. Ю. Белостоцкий и другие. После 8 июня у постели больного появился Д. Д. Плетнев. Врачи представляли две разные медицинские школы: традиционную и новаторскую. К последней принадлежали сотрудники Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) во главе с директором Л. Н. Федоровым. Этим отчасти объясняются противоречивые суждения о состоянии больного и правильности применения тех или иных лекарств. Разговоры по дороге из Горок и в доме на Никитской, которые записывает комендант, мало смыслящий в медицине, свидетельствуют, что единства мнений у врачей не было. Не было и точного диагноза болезни, хотя в течение двух недель консилиум собирался много раз.

8 июня Горького спасли не «боги», а простая медсестра О. Д. Черткова, введя ему большую дозу камфары. Она же настаивала, чтобы больному были поставлены банки, которые ему обычно помогали.

Начиная с 14 июня врачи окончательно запутались. Создавалось впечатление, что лечат вслепую. Обратим внимание,

А. М. Горький на смертном одре.

что после 13 июня, когда состояние больного резко ухудшилось, консилиум врачей (Л. Левин, Д. Плетнев, М. Кончаловский и Г. Ланг) созывался ежедневно. И хотя все эти доктора, как уже доказано, абсолютно неповинны в смерти Горького, зловещая тень убийства была брошена на «врачей-отравителей» не только на процессе 1938 года. Даже Крючков признался: «...если бы не лечили, а оставили в покое, может быть, и выздоровел бы».

Версию «умерщвления» развивал М. Кольцов в книге «Буревестник. (Жизнь и смерть Максима Горького)», написанной в 1938 году. Много лет спустя ее повторил Луи Арагон в романе «Гибель всерьез». Несмотря на сложность художественной ткани, роман, несомненно, имеет фактологическую основу, особенно в части, касающейся смерти и похорон Горького. В качестве действующих лиц в нем выступают М. Кольцов (Мишель), И. Луппол, А. Жид, сам Арагон и его супруга Эльза Триоле (Омела). Арагон пишет: «...нас срочно вызвала из Лондона телеграмма от Мишеля: Горький просит приехать как можно скорее». Эти слова опровергают существующую версию, согласно которой Горький засыпал Л. Арагона и Э. Триоле телеграммами, желая с ними встретиться, чтобы сообщить миру об истинном положении дел в Стране Советов. Из текста романа явствует, что не Горький, а Кольцов прислал эту телеграмму (единственную!), и именно он уверял, что писатель ждет встречи с ними. Арагон недоумевает, зачем они понадобились умирающему Горькому. Размышляя, «не присочинил ли Мишель», он пишет, что Горький «доверял Мише, вообще доверял людям, даже таким, которые этого не заслуживали. И все-таки перед смертью пожелал видеть именно нас, Омелу и меня. Странно. Если, конечно, Миша не выдумывал. Что он хотел нам сказать? Мне казалось, говорил Миша, он хотел что-то вам сказать. Может быть, не нам, может быть, он хотел что-то передать через нас во Францию, например, сыну, с которым мы не были знакомы...»

Видимо, инициатива встречи с французскими писателями исходила не от Горького, а от Кольцова или тех, кто стоял за его спиной. Арагону даже кажется странным, что писатель перед смертью пожелал их увидеть. Он предполагает, что это связано вовсе не с каким-то интервью для Европы, а с личной просьбой о свидании с Зиновием Пешковым, жившим во Франции.

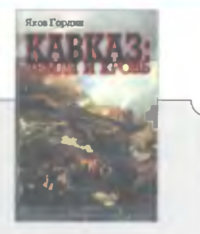
Известно, что Кольцов повез Л. Арагона и Э. Триоле на свидание с Горьким 18 июня. Эта встреча никак не могла повлиять на ход событий, ибо уже 16 июня писатель был обречен. Следовательно, версия, согласно которой Сталин отравил Горького, как только приехали иностранные гости, не соответствует истине. В воспоминаниях Кошенкова вообще не упоминается о свидании с Л. Арагоном, А. Жидом и П. Эрбаром в последние дни жизни писателя.

Возникает вопрос: насколько можно верить записям Кошенкова? Сомневаться в их достоверности не приходится, если учесть дальнейшую историю рукописи. Кошенков пишет: «Когда заболел Алексей Максимович, я вел записи, кто звонил, чего требовали за 18 дней болезни. Много было написано: 67 страниц. Все эти записи я хранил, но в дни подхода немцев к Москве я все закопал у себя в саду, с осени до весны 1942 года эти записи лежали в земле. Много моих записей попортилось от сырости, что было написано химическим карандашом, все расплылось, и когда я извлек из земли, то просушил на солнце, после чего все начало рассыпаться. Запись «18 дней болезни» была сохранена в клеенке, обернута брезентом и трубкой вставлена в самоварную часть трубы, концы были промазаны глиной».

Заметим, что Кошенков вел эти записи по долгу службы, следовательно, не посмел бы вносить туда несуществовавшие факты. С другой стороны, благоговейное отношение к Горькому и его семье, дружба с Максимом служат доказательством того, что комендант переживал трагедию последних дней писателя как большое личное горе, поэтому внимательно подмечал все, что казалось ему подозрительным (странные звонки и телеграммы, противоречивые сведения врачей, обилие «постороннего народа» в Горках и пр.). Скандал, разразившийся после того, как Кошенков настоял на удалении больных ангиной из Горок, свидетельствует, что комендант не побоялся пойти против собственного начальства, лишь бы обезопасить Горького. Бессонные дни и ночи в июне 1936 года не прошли для него бесследно: он заболел нервным расстройством и был уволен из ОГПУ.

В статье использованы материалы, хранящиеся в Архиве А. М. Горького. Текст воспоминаний И. М. Кошенкова будет опубликован в сборнике «Вокруг смерти Горького» (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 6), подготовленном к печати в издательстве «Наследие» ИМЛИ им. А. М. Горького.

КНИГИ

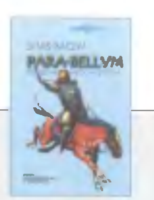
**Гордин Я. М.
Кавказ: земля и кровь.
Россия в Кавказской войне XIX века.**
СПб. Журнал «Звезда». 2000.

Сам автор считает книгу только подступом к подробной и концептуальной истории самой длинной и самой малоизвестной среди войн России. Однако каждая глава книги анализирует одну из существенных проблем трагического конфликта России и Кавказа, очерчивает принципиально важные периоды или эпизоды войны. Цель книги — объяснить драматичность положения и России, и горских народов, чрезвычайную сложность исторической ситуации, в которой оказались противоборствующие стороны, выявить роковые просчеты правительства. В основе большинства глав лежат архивные материалы.
Дополнительная информация по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Моховая, 20, АОЗТ Журнал «Звезда».

Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Том 3 (К–М).
М. Большая российская энциклопедия. 2000.

Продолжено фундаментальное издание по истории дореволюционной России, в котором детально представлены государственное устройство, экономика, религия, культура, внешняя и внутренняя политика, военная история нашего Отечества. Многие деятели и события российской истории в энциклопедии представлены впервые. Ряд статей написан с привлечением нового архивного материала. В энциклопедии много карт, схем, иллюстраций.
Дополнительная информация по адресу: 109028, Москва, Покровский бульвар, 8. Издательство «Большая российская энциклопедия».

**Para Bellum.
Военно-исторический журнал.**
№ 9. 2000.

Представляем петербургский журнал, посвященный военной истории античности и Средневековья. В этом номере — статьи о неизвестных страницах Столетней войны, скифских конных лучниках, персидских серпоносных колесницах, реконструкция техники стрельбы из пращи.
Контактная информация: 195426, Санкт-Петербург, а/я 50. E-mail: para_bellum@geocities.ru Интернет: www.tgorod.go.ru/parabellum

Эпоха Просвещения (раздел тома «История России и ее ближайших соседей» Ч. 2. От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ серии «Энциклопедия для детей»).
М. Аванта+. 2000.

В отдельную книгу «Эпоха Просвещения» выделен интереснейший раздел истории России — вторая половина XVIII столетия. В ней широко и увлекательно освещены темы, связанные с историей общественной мысли и политическим устройством Российской империи. Особое внимание уделено биографиям исторических личностей: Екатерины II и ее сподвижников, выдающихся полководцев и дипломатов, просветителей, бунтовщиков и оппозиционеров. Подробно рассказано о российском быте, образовании и воспитании; о дипломатии и военном деле Российской империи.
Дополнительная информация по адресу: 123022, Москва, а/я 73, «Центр доставки Аванта+». Телефоны: (095) 259-2305, 259-5412

Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.
Под редакцией Л. П. Репиной и В. И. Уколовой. Вып. 2. М. Эдиториал УРСС. 2000. 304 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, исследовательское пространство которой охватывает историю идей и идеологий, философской, общественной и политической мысли, естествознания и техники, социальных и гуманитарных наук, историю книги и историю религии, историю историографии и историю литературы, историю искусства и музыки и т. д. — словом, изучение исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.
*Эдиториал УРСС
Научная и учебная литература
Тел./факс: 7(095) 135-4423
Тел./факс: 7(095) 135-4246
E-mail: urss@urss.ru
Каталог изданий в Internet: http://urss.ru*

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЮБИЛЕИ *Август 2000*

430 лет назад — в 1570 году — Москва стала свидетельницей массовых казней. На площадь «на Поганой Луже» (современные Чистые Пруды) согнали 300 человек, обвиненных в сношениях с польским королем, турецким султаном и крымским ханом. Сначала объявили царскую милость — 184 человека получили прощение. Остальных ждала лютая казнь. Насладиться смертью своих врагов (настоящих или воображаемых) и бывших сторонников, в том числе дьяка **И. М. Висковатого**, казначея **Н. Фунтикова**, прибыл лично **Иван Грозный** с сыном.

130 лет назад — в 1870 году — в Карлсбаде **Федор Иванович Тютчев** написал гениальное стихотворение, начинающееся словами:
*«Я встретил вас — и все
былое
В отжившем сердце
ожило...».*
Стихи посвящены Б. К., 62-летней баронессе **Крюденер**, которую 67-летний **Федор Иванович** встретил «на водах» после чуть ли не полувековой разлуки.

110 лет назад — в 1890 году — известный топограф **Андрей Васильевич Пастухов** стал первым русским, поднявшимся на западную вершину Эльбруса (5642 м).

80 лет назад — в 1920 году — **Владимир Ленин**, получив сообщение председателя Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) **Глеба Кржижановского** о том, что в Петрограде председатель домового комитета дома, где живет профессор **Генрих Осипович Графтио** (один из основателей отечественной гидроэнергетики), грозит ему обыском и отобранием имущества, подписал телеграмму председателю Петроградского совета **Григорию Зиновьеву** о необходимости оградить **Графтио** от самоуправства управдома.

В публикации использованы материалы информационного агентства ЭКСТРА-ПРЕСС.

КОНФЕРЕНЦИИ

● В октябре 2000 года Центром по изучению и публикации источников Института российской истории РАН (Москва, ул. Дм. Ульянова, 19) планируется проведение чтений памяти В. И. Буганова.
Контактные телефоны:
(095) 123-9054

● В ноябре 2000 года Институт российской истории РАН (Москва, ул. Дм. Ульянова, 19) проводит международную научную конференцию «Россия на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший».
Контактные телефоны:
(095) 126-9449, 126-9466

● Музей истории города Москвы организует 19–20 октября 2000 года Международную научно-практическую конференцию с целью обсуждения проблемы «Музейная интерпретация исторических процессов. Модели XXI века».

Предполагается участие специалистов музеев городов, исторических музеев, историко-архитектурных, историко-краеведческих музеев.

К рассмотрению предложены следующие темы:
1. Традиционные музейные экспозиции и стратегия инновационных экспозиционных проектов.
2. Музеи городов — единство территории, архитектуры, истории, социума.
3. Культурно-историческое наследие в системе информационного пространства.

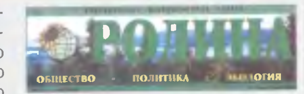
По результатам работы Международной научно-практической конференции оргкомитет осуществит публикацию выступлений участников.
Исполнитель: ученый секретарь Музея истории города Москвы *Алексеева Оксана Владимировна.*
Контактный тел.: 924-3145

КОНКУРСЫ

Объявлен Третий открытый конкурс школьных исследовательских работ по истории «Ребенок и история: мир детства». Его спонсором является фонд Кербера (Германия). Победителей ждут денежные призы и поездка в Германию.

Подробности о конкурсе, а также необходимые методические материалы можно получить в Учительском зале Государственной Публичной исторической библиотеки.
Адрес: 101000, Москва, Старосадский пер., д. 9, ГПИБ, Учительский зал.
Телефон/факс: (095) 928-5211.
E-mail: konkurs@altavista.net

НАШИ ТЕЗКИ

Представляем новую всероссийскую газету «Родина и экология», выходящую в Санкт-Петербурге. Это орган общероссийского движения «зеленых» «Родина», созданного в Петербурге в декабре 1999 года. Газета намерена поднимать и обсуждать те насущные проблемы политики и экономики, которые оказывают непосредственное влияние на экологию.
С редакцией можно связаться по адресу: 198323, Санкт-Петербург, Волхонское ш., 109.

ВЫСТАВКИ

До конца 2000 года в музее Андрея Рублева проходит выставка «И слово стало плотью», к 2000-летию Рождества Христова.

Материалами для выставки послужили произведения из фонда музея. На ней будут представлены иконы XV–XIX веков и памятники книжности. Сюжеты икон отражают различные эпизоды библейской истории от сотворения мира до Рождества Христова. Многие иконы демонстрируются впервые. Также посетители могут увидеть рукописные книги, Елизаветинскую Библию, поздние рукописи с изображением гимнографов.
Музей открыт с 11.00 до 18.00. Выходной день — среда. Санитарный день — последняя пятница месяца.
Адрес: Андроньевская пл., 10.
Тел.: 278-1489. Факс: 278-5055.
Заказ экскурсий: 278-1467

9 августа — 2 октября в Государственном историческом музее работает выставка «Промышленный дизайн — зеркало истории».

Она посвящена одному из направлений русского дизайна рубежа XIX–XX веков в области кондитерской, парфюмерной упаковки и рекламы, в которой использовались исторические сюжеты. Предпочтение отдавалось наиболее интересным и ярким событиям, прославляющим Россию, поэтому наибольшее распространение получили сюжеты, посвященные Отечественной войне 1812 года и 300-летию дома Романовых.

ПРИГЛАШАЕТ

Университет Петербурга (Санкт-Петербург, Думская ул., д. 1, помещение Детской филармонии)

Двухгодичное обучение с октября по май в вечернее время (с 18 до 21 ч.) 2–3 раза в неделю. Занятия в университете дают возможность познакомиться с различными сторонами жизни Петербурга за все 300 лет его существования.

● Лекционный курс на 1-м году обучения охватывает период с основания Петербурга до 20-х годов XIX века (от Петра I до Александра I).

Темы вводного цикла: география, этнография, топонимика Петербурга.

Особое внимание в курсе уделяется темам по истории города, городской культуре и быту. Подробно рассматривается вопрос формирования архитектурного облика города, история создания крупнейших архитектурных ансамблей Петербурга периода барокко и классицизма.

● Лекционный курс на 2-м году обучения охватывает период с 20-х годов XIX века по сегодняшний день.

В курсе представлены: темы политической и социальной истории города, архитектура и архитектурные памятники, «философия» и «физиология» Петербурга, литературная и театральная жизнь города, крупнейшие культурные учреждения и сокровищницы Петербурга, учебные заведения.

Подробно рассматриваются разделы: «Пушкинский Петербург», «Петербург в эпоху реформ 1860-х годов», «Серебряный век в Петербурге», «Советский период жизни города».

Программа лекционного курса составлена специально для университета. К чтению лекций привлекаются виднейшие специалисты-исследователи, ведущие ученые Петербурга.

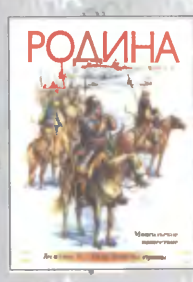
● Помимо основного курса лекций слушателям университета предлагаются спецкурсы:
- Культурные сокровищницы Петербурга.
- Мировые религии.
- К 200-летию А. С. Пушкина.
- По берегам Финского залива (прибрежные резиденции).
- Литературная биография Петербурга.
- Театральный Петербург.

● Экскурсионный цикл знакомит слушателей с замечательными памятниками архитектуры и крупнейшими культурными сокровищницами нашего города, закрытыми для широкого посещения.

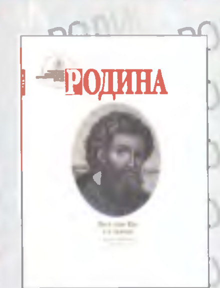
Для получения диплома об окончании Университета Петербурга необходимо выполнить письменную дипломную работу.
Телефон для справок: (812) 246-9011

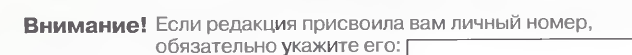

СРАВНИТЕ:

Виды подписки	Цены с доставкой на 1 месяц	Индекс
На почте — каталог **«Роспечать»**	33–40 руб.	73325
На почте — каталог **«Книга-сервис»**	40,7 руб.	40687
Через редакцию журнала *(в сберкассе по прилагаемой квитанции)*	***30 руб.***	

Внимание! Если редакция присвоила вам личный номер, обязательно укажите его:

Отметьте продолжительность вашей подписки по месяцам:

«Родина» 2000 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

«Источник» 2000 год

1	2	3	4	5	6

Правила подписки через редакцию

1. Разборчиво заполнить обе стороны купона.
2. Разборчиво заполнить контрольный листок.
3. Оплатить купон в отделении Сбербанка.
4. Отправить контрольный листок в адрес редакции письмом или открыткой.
5. Стоимость одного номера с учетом пересылки:
   «Родина» — 30 руб.,
   «Источник» — 30 руб.

Контрольный листок подписки

Фамилия ______ Имя ______ Отчество ______

Индекс, адрес ______ Личный номер ______

«Родина», «Источник» (ненужное зачеркнуть)

Подписка на 2000 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Сумма оплаты ______

Летом в Поречье. Прасковья Сергеевна Уварова с внучками Екатериной, Варварой и их друзьями. 1910–1911 гг.

